

Мария Лисицына

Работа над ошибками

А ты воспользуешься шансом всё изменить?

Мария Лисицына

Работа над ошибками

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64488417

SelfPub; 2021

Аннотация

Если кажется, что жизнь не сложилась, её вполне можно исправить. Всего-то нужны план, время, усилие... и чуть-чуть магии.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	33
Глава 7	43
Глава 8	47
Глава 9	54
Глава 10	59
Глава 11	64
Глава 12	68
Глава 13	76
Глава 14	85
Глава 15	90
Глава 16	96
Глава 17	101
Глава 18	107
Глава 19	110
Глава 20	120
Глава 21	130
Глава 22	134
Глава 23	142

Глава 24	146
Глава 25	152
Глава 26	164
Глава 27	170
Глава 28	173
Глава 29	193
Глава 30	198
Глава 31	202
Глава 32	208
Глава 33	220
Глава 34	225
Глава 35	228
Глава 36	233
Эпилог	238
Благодарности	240

Мария Лисицына

Работа над ошибками

Глава 1

Даша с усилием выдавила остатки крема из тубика, размазала его по рукам, сделала глоток из чашки, стоящей на тумбочке у дивана, и выключила ночник. Затем опустила голову на подушку и стала выбирать сюжет фантазии для засыпания.

В детстве ей было привычно воображать картины будущего. Взрослый мир казался ярким и красочным, как в сериалах, которые крутили в ту пору по телевизору. Она представляла себя горничной, влюбляющейся в богатого хозяина и вскоре добывающейся взаимности. Или адвокатом, сильной и независимой женщиной, которая ходит в пиджаке, носит в руке стакан кофе и произносит проникновенные речи. Она видела себя в мечтах молодой, красивой, влюблённой и, с чего бы ни начиналась история, в конечном итоге – богатой и успешной. Счастье подразумевалось само собой.

Детские мечты сменились девичьими, и, будучи подростком, она засыпала с наушниками, представляя себя певицей, танцовщицей или актрисой. Слушая заводную песню, она воображала себя на сцене. Ей явственно виделся зажигатель-

ный танец, восторженные фанаты и капельки пота, сбегаящие по её стройному подтянутому телу. Когда в плеере начинала играть печальная мелодия, она воображала себя известной актрисой в роли лирической героини драмы. Всё казалось возможным.

Даша встала с кровати и подошла к входной двери. Она нажала на ручку и, убедившись, что дверь закрыта, вернулась в постель.

Она уже не помнила, с какого момента будущее перестало казаться таким притягательным. Что ей было представлять? Свою жизнь через пять лет? Десять? Можно ли представить себя там горничной, адвокатом или певицей? И однажды настал вечер, когда она закрыла глаза – и ничего. Будущее не шло в голову. Счастливый финал казался издёвкой и отдавал фальшью. Она ворочалась полночи и ещё месяц мучилась бессонницей.

Всё изменилось, когда, вернувшись от родителей, она приготовилась ко сну, закрыла глаза, вспомнила своё прошлое и впервые за долгое время крепко уснула.

С тех пор она представляла себя той маленькой девочкой, тем подростком или студенткой, которые ещё не совершили ошибок, не потратили кучу времени впустую, не разочаровались, не расстались, не уволились, не напились, у которых вся жизнь действительно была впереди.

Сегодня она выбрала студенчество. Студгородок. Комната в общежитии. Казалось, что, если открыть глаза, перед ней

будут те самые светло-коричневые квадратики обоев, представавших перед ней на протяжении пяти лет при пробуждении. Даша открыла глаза: мигал индикатор увлажнителя, кот бесшумно пытался достать ветки сухой лаванды из букета, стоящего на столе.

– А ну брысь, – замахнулась она.

Кот обиженно посмотрел на неё, спрыгнул на пол и ушёл.

Даша перевернулась на другой бок и закрыла глаза. И так, комната в общежитии. Что бы она сделала? Для начала встала бы с узкой студенческой кровати, приготовила себе домашнюю еду вместо дорогущих полуфабрикатов, потом отправилась бы на пробежку, записалась в спортзал, выкинула бы все эти ужасные вещи из гардероба. Непременно перестала бы так вульгарно краситься и научилась бы делать укладку. Ещё она стала бы ходить в театр и на выставки, занималась бы благотворительностью, экологией, а может быть, и политикой. Конечно, это не давалось бы просто, но, собрав волю в кулак, она смогла бы превзойти себя. Тогда вокруг неё было бы много интересных, красивых, умных, влиятельных людей, среди которых был бы и тот самый. А главное, со временем Даша стала бы им ровней.

И жизнь стала бы другой.

Постепенно мысли уплывали из-под контроля, и сон дорисовывал замысловатые детали в Дашины фантазии. Она из последних сил попыталась представить лучшую версию себя: вот она записалась в театральный кружок, вот – на репе-

тиции, а вот – на подмостках. Все хлопают, она кланяется, смеётся, а из зала поднимается красивый парень с букетом цветов...

На этом Даша сдалась Морфею.

Глава 2

Первое, что увидела после пробуждения Даша, – пол, усыпанный лавандой. «Добрался всё-таки», – подумала она.

Второе, на что упал её взгляд, – часы. Осуждающе цокала секундная стрелка, а минутная подтверждала, что Даша проспала.

Третье, что обнаружила она, добежав до кухни, попутно натягивая брюки, – огромную лужу около батареи. Осталось только робко уповать на то, что вода не успела просочиться на нижний этаж.

Надежда умерла вместе со стуком в дверь и появлением на пороге соседа. Мужчина из последних сил старался сдерживать злость и раздражение, но они сочились из него, как вода из злосчастной батареи. После недолгой беседы о добрососедстве, компенсациях и толковых слесарях сосед заметно повеселел, в то время как Даша утонула в потоке скверного настроения, подпитываемого, помимо предстоящих трат, опозданием на работу. Не то чтобы она была особо пунктуальной, нет, она с завидной регулярностью опаздывала то тут, то там, но неизменно страдала из-за этого. Причем величина страданий была пропорциональна времени опоздания, поэтому сегодня повод для самоедства был весомым.

«Ну что же, завтра будет новый день, – решила Даша, – он будет мудрее, правильнее, а этот надо просто как-то пе-

режить».

Щедро сыпанув коту корм, наспех накрасившись, она выбежала из дома, застёгивая плащ на ходу. Небо хмурилось и грозило прорваться похлеще батареи. Даша отправила коллеге сообщение с просьбой прикрыть перед начальством и, воровато оглянувшись, свернула в знакомый переулок, где всегда можно было найти утешение.

Переулок упирался в пекарню с натуральным ароматным кофе и самыми вкусными булочками из тех, что Даша когда-либо пробовала. Сожаления о сахаре, калориях и углеводах девушка решила отложить на другой, более удачный, день.

В дверях пекарни на неё налетел парень, едва не сбив с ног. «Простите», – пробормотал он и вышел.

Даша пожала плечами и подошла к прилавку.

Здесь, как обычно по утрам, было шумно, пахло кофе и сдобой. Это было самое уютное место в округе: от самой пекарни хотелось откусить кусочек, словно это был пряничный домик. Наверное, дело было в правильно выставленном свете, хорошо продуманном дизайне и всяких других маркетинговых штучках. Даша частенько задумывалась, как было бы в её кофейне. Наверняка она бы тоже выбрала такой тёплый свет и коричневые фартуки, а вот стульев у неё не было бы: все сидели бы прямо на широких подоконниках, устланных стеганными подушками... От мечтаний о собственной кофейне Даша погрустнела ещё больше.

– Мне, пожалуйста, капучино и сахарную плюшку, оплата картой, – привычно сообщила девушка.

Наверное, она могла бы сказать: «Мне как обычно» и получила бы кофе и булку, но Даше казалось, что её тяжело запомнить. Собственная внешность казалась ей непримечательной и незапоминающейся.

Когда случайные знакомые узнавали её на улице, она искренне удивлялась. А разглядывая плакаты о розыске человека, внимательно вчитывалась в отличительные признаки. Что можно было сказать о ней? Среднего роста, среднего телосложения, русые волосы, обычное лицо. «Если бы так писали в ориентировках, то, – думала Даша, – так бы и написали – «обычное лицо». Не было примечательных родинок, родимых пятен или запоминающейся щербинки между зубов. О ней нельзя было сказать «та, рыжая» или «ну эта, с татуировкой на всю руку». С другой стороны, это не так уже и плохо – никто не говорил о ней «та долговязая», «толстуха» или «рябая».

Девушка уже несколько минут искала карту, чтобы расплатиться, и вскоре была вынуждена признать очевидное – её нет. Впрочем, как и кошелек.

– Простите, – проямлила она, – а можно отменить?.. Вы уже пробили, да?.. Сейчас я посмотрю, может, наличкой... Я... Я, по-моему, потеряла... У меня украли...

Продавец за прилавком сочувственно посмотрела на Дашу, которая по инерции продолжала рыться в сумке, хотя

уже утратила надежду найти там искомое.

– Не расстраивайтесь! Может, дома кошелёк найдете, может, выложили или в другой сумке оставили. Со мной так постоянно. Недавно, например, собрала вечером сумку, положила туда всё: документы, деньги, косметику, – всё, а утром, просто взяла с собой другую. Причем я поняла это только, когда открыла её в трамвае, а там только судочек с прилипшей гречкой. Ничего, кондукторша меня так провезла. Посмеялась, говорит, бывает. Вот, возьмите, – она пододвинула ароматный кофе и промасленный бумажный пакет с булочкой, – завтра заплатите, вы же всё равно каждый день приходите.

– Завтра суббота, – всхлипывая произнесла Даша.

– Ну, значит, как зайдёте – так зайдете. Не берите в голову, это не проблема. Берите-берите.

Даша расплакалась ещё сильнее. Она поблагодарила девушку за прилавком и вышла из пекарни. Начался дождь.

Даша плакала оттого, что её обокрали. Оттого, что зонт остался дома. Оттого, что у неё нет другой сумки дома: нет модного кожаного портфеля для деловых встреч, нет рюкзака для прогулок в парке, нет спортивной сумки, нет клатча для вечеринок и светских раутов. Оттого, что её всё-таки помнят в пекарне. Видимо, она «та растяпа с капучино и сахарной плюшкой».

Глава 3

Подгоняемая чувством вины за опоздание, Даша работала с утроенной силой. Она не прерывалась на кофе, чай, не отвлекалась на телефон, не вела досужих разговоров. День тем временем шёл своим чередом: начальник задержался в пробке, поэтому пришёл позже и не заметил Дашиного опоздания, коллеги, предвкушая выходные, работали вполсилы, предприятие функционировало. Обеденный перерыв Даша тоже решила провести за работой, чтобы до конца искупить вину за нарушение трудовой дисциплины и собственное несовершенство. Тем более, денег на столовую у неё не было. В другой день она позвонила бы подружкам из соседнего отдела, пожаловалась бы на свалившиеся на её голову беды, приняла бы сердечные утешения и деньги, но сегодня этого совсем не хотелось. Хотелось просто, чтобы этот день кончился.

– У вас в отчете ошибка, – оповестил голос, оторвавший Дашу от бумаг.

– Что? Где?

Голос принадлежал коллеге из контрольно-ревизионного отдела. Вонищенко, как окрестила его Даша, и с её лёгкой руки подхватили другие сотрудники. Своим неблагозвучным прозвищем он был обязан фамилии Онищенко, шлейфу туалетной воды и привычке указывать на ошибки. По крайней

мере, Даше он постоянно указывал на них: беззлобно и методично.

– Вот и вот, – указал пальцем Вонищенко на строки в отчете. Тонкий длинный палец твёрдо указывал на выделенную маркером строку.

«Интересно», – подумала Даша, разглядывая его пальцы, – «Он делает маникюр? Пальцы – лучше, чем у меня». Она стыдливо опустила руки под стол.

– Хорошо, я исправлю, – безразлично кивнула она.

Вонищенко скрестил руки на груди и пристально посмотрел девушке в глаза.

– Вы поняли, в чем именно ошибка? Вы просто часто в одном и том же месте....

– Я поняла, я просто опечаталась, – перебила его Даша.

– Видите, тут должны быть цифры за весь период, а вы даёте без учёта...

– Да-да, без учёта возвратов, – нетерпеливо закончила за него девушка.

«Какой мерзкий тип, – думала она, – бледный, как рыба. Блеклый. Пресный. Ни во внешности красок, ни в характере.»

– Хорошо, – поджал губы он и, помолчав некоторое время, добавил, – если что, обращайтесь за помощью.

– Конечно, обращаюсь, научите меня работать! – саркастично воскликнула она.

– Я не это имел в виду.

– А что вы имели в виду? Да, ошиблась. Бывает. Я исправлю. Не ошибается тот, кто не работает.

– Конечно, я согласен. Просто вы в этой вот строке часто допускаете ошибки. Может быть, вы всё-таки неправильно считаете период?

– Послушайте, если бы моей работой было выискивать пропущенные запятые и уроненные крошки на отчёт, я бы тоже прекрасно справлялась с этой работой. Вы что, думаете, я не понимаю, как формируется отчёт?

– Нет, что вы, просто я же говорю, в одном и том же месте...

– Я работаю здесь уже почти шесть лет! Я вместо Борисова остаюсь, когда он в отпуске! Да я половину вашего отдела научила, как отчеты проверять! Начальник ваш у меня консультируется, а вы учите! Не пойму, вы что, так самоутверждаетесь?

– Я же не говорю, что вы плохо работаете, просто в этом конкретном случае....

– Слушайте! Вы ко всем так ходите? Или я избранная? Пишите мне в чат, как и положено.

– Я, наоборот, хотел, чтобы нигде не отражалось, я же помочь хотел...

В разговорах с коллегами Даша обычно была сдержана. «Стрессоустойчива» – заслуженно значилось в её резюме. Но почему-то именно сейчас, одномоментно, обида, злость и разочарование, накопленные с утра, добрались до бортика

чаши терпения и хлынули через край. Даша сжала пальцы в кулаки, подвинулась вперед и разъярённо продолжала.

– Да не надо мне помогать! Я сама справляюсь! Я хорошо делаю свою работу, я опытный специалист! – не могла остановиться она, – Что вы бегаєте ко мне с каждой запятой и с каждой цифрой! Вы же сами знаете, что этот отчет нужен просто для ознакомительных целей! В конце концов, на него в лучшем случае смотрят бегло тридцать секунд во время совещания! Да никому он не нужен! А вы бегаєте сюда и клюв-клюв! Клюв-клюв!

Даша стала изображать рукой птицу, нападающую на невидимую жертву.

Ошарашенный Вонищенко замер. Он растерянно, почти не моргая, смотрел на разъярённую Дашу, пунцовые пятна смущения проступали на его лице.

– Простите, – выдавил из себя он, убирая принесённые бумаги с Дашиного стола, – я просто хотел вам помочь. Я был бы рад, если бы кто-то помог мне стать лучше. Профессионально.

Пунцовый Вонищенко ушёл твёрдой походкой, унося за собой шлейф парфюма.

– Заносчивый высокомерный сноб, – резюмировала Даша в пустоту.

После его ухода она почувствовала укол совести: пожалуй, не стоило так срываться, всё-таки это его работа. С другой стороны, Даша ощутила себя наконец-то сильной и от-

мщенной. За всё сразу: за потоп, за кражу, за то, за что обычно у неё не хватает смелости отбрить занудного контролёщика с его указаниями.

Глава 4

Этот день спасало только одно – вечер, что немаловажно – вечер пятницы, и маячащие за ним выходные. Не в силах противостоять настроению и еженедельной традиции, Даша перехватила денег до зарплаты у любопытных коллег, заглянувших на кружечку чая сразу после перепалки с Вониченко. Затем она основательно приготовилась к отдыху: запаслась любимыми угощениями, выбрала фильм, обложила своё место на диване телефоном, зарядкой, пультом – чтоб не пришлось лишний раз вставать. Пятничный ужин включал в себя сет роллов с издевательским названием «Для двоих», чизбургер, картошку фри, множество шоколадных батончиков, чипсы, пачку сушеных кальмаров, фрукты, вино, чай и колу. Муки совести не одолевали Дашу за планируемое обжорство: она решила, что, во-первых, это пятница, во-вторых, покупки совершала она «голодными глазами», а в-третьих, всё равно большая часть приготовленных для пиршества блюд, как показала практика, останется нетронутой.

Она натянула любимую старую пижаму, нанесла маску на волосы, после чего аккуратно обмотала их пакетом, а сверху – полотенцем, приклеила патчи, пропитанные сывороткой, под глаза и нанесла толстый слой белой субстанции на лицо. Косметические процедуры были призваны компенсировать утреннюю отечность от соленого и усыпить совесть.

Первый фильм про Бриджит Джонс стоял на паузе. И, когда она уже была готова погрузиться в рождественскую атмосферу семейства Джонсов, на экране телефона высветилось: «Так что, тебя ждать в караоке? Я почти готова».

Даша отложила телефон. «Может быть, стоит пойти туда, к подругам, – думала она, – весело провести время, с кем-то познакомиться?»

Хотя кого она обманывает? Ещё вчера было известно о предстоящей дружеской встрече, и, тем не менее, вот она – сидит с пакетом на голове и картошкой фри в руке. Ещё на мгновение она задумалась о том, чтобы оставить сообщение неп прочитанным, тогда можно сослаться на то, что беззвучный и безучастный к человеческим проблемам телефон лежал где-нибудь в недрах сумки. И получится, что Даша совсем не виновата в пропуске встречи. При желании можно даже изобразить сожаление. Хотя подобные уловки остались далеко в прошлом, да и Яну так просто не проведешь.

Она открыла переписку и в ответ набрала: «Яна, извини, сегодня я – пас».

Не сегодня. Был тяжелый день, нужно восстановить силы. Да и мало ли что ещё может выкинуть этот денёк!

Подумав, она добавила: «Но в следующий раз я точно с вами».

В ответ пришло короткое «ОК», и Даша долго вглядывалась в две заглавные буквы, пытаясь понять, что за ними кроется: понимание или безразличие.

Во время фильма её взгляд часто скользил к телефону, экран то и дело подсвечивался, оповещая о новом сообщении или отметке в соцсетях. С напускным безразличием Даша изучала ленту новостей: кого-то вечер пятницы застал на работе, кого-то в семейной кругу, кого-то, как, например, её подруг, в караоке, отдельных счастливиц – в аэропорту. Рассматривая фото отдыхающих подруг, она гадала, кому из них на самом деле весело, а кто с удовольствием оказался бы на её месте. Ведь, наверняка, кто-то из них просто делает вид, что веселится. Так всегда бывает. Когда-то Даша прочитала, что если пять минут держать улыбку, то мышцы направляют мозг нужный сигнал, и происходит что-то с гормонами или нейронными связями... В общем – становится хорошо на самом деле. Она тогда задумалась, может быть, если изображать интересную жизнь, то всё случится на самом деле: и интерес, и жизнь?

Даша оставляла под фотографиями льстивые комментарии, а в ответ снова и снова получала приглашение присоединиться. Она неправдоподобно отшучивалась, а по ту сторону телефона не то верили, не то делали вид, что верят, не то бегло читали сообщения, откладывали трубку и веселились дальше.

Периодически Даша настолько погружалась в атмосферу упущенного вечера, высматривая детали фотографий, на которых она могла бы быть, что пропускала целые сцены фильма. Следующий снимок заставил её не просто отвлечься, но

даже поставить на паузу важный диалог между Бриджит и Мистером Дарси.

«Представляешь?» – гласило короткое сообщение от Яны, к которому прилагалась сделанная явно исподтишка фотография. Старинный Дашин друг Игорь стоял у барной стойки, в одной руке он держал цветастый коктейль, а другой опирался на высокий стул. На его голове, как всегда, был изящный беспорядок: рыжие кудри были взлохмачены, а на лице застыла широкая улыбка. Дашу кольнуло осознание того, что он где-то там, беззаботно смеётся, вместо того, чтобы... Хотя она давно пообещала себе ничего от него не ждать.

Обычно о влюбленных, работодателях, соседях говорят «бывшие». Бывший муж, бывший одноклассник, бывший сосед, бывший коллега. К друзьям же этот термин, как правило, не применяют, потому что в лучшем случае это выглядит как намёк на склочничество, в худшем – демонстрирует большую драму. Даша машинально попробовала найти его в социальных сетях – поиск не выдал результатов. Как обычно. Она открыла телефонный справочник и нашла номер Игоря. Посмотрела на него, словно ожидая среди знакомых цифр найти какой-то ответ, проверила не появилась ли фотография на заставке, и закрыла список номеров. Если бы кто-то в этот момент полюбопытствовал, что именно она хочет узнать о нём, она бы не смогла ответить. Наверное, объяснение, почему определение «лучший» заменилось на «быв-

ший» при упоминании друга.

Подумав некоторое время, она набрала сообщение Яне: «Что говорит?». Ответ не замедлил себя ждать: «Да ничего: привет-привет».

Хотелось спросить что-то ещё. О том, как он выглядит, с кем он там, спрашивал ли о Даше (хотя и так вполне очевидно, что нет). Хотелось ещё немного растянуть присутствие Игоря в её жизни, как будто это могло что-то исправить. Словно это было реальная встреча, продолжение общения, а не сплетни и тайком сделанное фото. Хотелось поговорить с Яной, вдаваться в долгие пространные толкования взглядов и жестов, лишь бы создать иллюзию общения, иллюзию ссоры вместо огромной зияющей дыры.

Телефон снова подсветился – Даша встрепенулась, но на этот раз сообщения были от мамы: фото пирога, рецепт и уверения в простоте приготовления.

История Бриджит, как всегда, закончилась хэппи-эндом, отчего на душе стало теплее. На то и был расчёт. После титров, душа и уборки Даша приступила к обычному вечернему ритуалу: кружка воды, крем, пижама, кошачий корм, ручка двери.

Завершив приготовления, она легла в постель. Кот забрался ей на живот и заурчал. «Хорошо, что никуда не пошла, – подумала она, – сейчас бы ноги гудели, клонило бы в сон, а так – уже в кровати. Ещё и куча еды осталась. Лучше уж нормально выплусь, чем разбитой и помятой вставать зав-

тра в полдень». Ощущение собственного превосходства над легкомысленными подругами соседствовало с чем-то, чему Даша не могла найти определение. Но что-то это невыраженное, до конца не понятое, точило её изнутри.

Закрыв глаза, девушка приготовилась к лучшей части дня – миру фантазий, где всё идеально.

Сегодня, засыпая, Даша представила себя школьницей. Она вообразила, как было бы здорово, если бы она не стала стесняться и записалась в хор. Наверное, тогда бы у неё был поставленный голос. Она пела бы в караоке лучше всех. Возможно, даже стала бы певицей. Подтянутой, стройной, одной из тех, кто лихо танцует и поёт одновременно. Конечно, для этого она бы ела дорогую и полезную рыбу, орехи, салаты, фрукты... Заурчал кот, хотя, возможно, это был и живот... А потом она стала бы богатой, активной и раскрепощённой, путешествовала бы, а рядом с ней был бы красивый, умный и добрый мужчина.

Постепенно в фантазию Даши вплетались сновидения, и вскоре она, отпустив управление мечтами, погрузилась в сон.

Глава 5

Новый день отличался от предыдущих только датой на календаре. Утро было привычным и выверенным до мельчайших деталей.

Кофе, душ, лента новостей в соцсетях, ритуальные десять страниц книги, которую она не могла домучить уже месяц. Даша позавтракала остатками вчерашнего ужина, оправдав себя экономией («не выкидывать же!»). Запылившиеся со временем коробки каши снова остались не вскрытыми. Затем она заправила диван, полила единственный цветок, насыпала корм коту. На экране ноутбука один за другим сменяли друг друга блогеры, рассказывающие о политике, экономике, кино, новостях и друг о друге. Даша иногда поднимала голову, выхватывая отдельные фразы из общего потока речи, но большую часть того, что происходило на экране, она не слышала.

В книгах, когда автор описывает серое промозглое утро или монотонность будней лирического героя, даже холодный душ и яичница с растворимым кофе кажутся притягательными. Детали подчёркивают суровый нрав, стальной характер, сложность жизненных перипетий. Читатель тратит на страницу минуту, перелистывает и попадает в другую сцену. В жизни же всё по-другому. Яичница остается надоевшей, растворимый кофе – отвратительным, а холодный душ проди-

рает до костей. А главное, всё это тянется долго, и перескочить в следующую сцену не получается.

Хотя, если бы у Даши спросили про сегодняшнее утро, она смогла бы сказать, как оно прошло только потому, что таково было каждое начало дня. Как пациент, регулярно принимающий лекарства: он точно знает вечером, что выпил таблетку, хотя, как это было, чем он её запил, о чём думал в этот момент – вспомнит едва ли.

До зарплаты оставалась ещё неделя, а денег, особенно с учётом украденного кошелька и вчерашнего пиршества, было немного. Проверив все карманы, полки и столы в поисках завалявшихся купюр и монет, девушка грустно вздохнула. Наличных хватало едва-едва на самое необходимое, и это при условии, что ей придется готовить и питаться дома. Просить в долг не хотелось, потому что, как известно, берёшь – чужие, а отдаёшь – свои, да и демонстрировать финансовую несостоятельность желания не было. Заблокированная карта перевыпускалась, а банковский счет был пуст.

Верным способом экономии денег была замена магазина на рынок: там и мелочь, найденную в карманах, примут с радостью, и нет опасности бездумно нагрузить тележку всем, что попадётся под руку. Рассовав мелочь по карманам и, в отсутствие кошелька, перетянув зеленой резинкой для волос купюры, Даша ещё раз обреченно вздохнула, собралась и отправилась за продуктами.

Вопреки её ожиданиям поход на рынок был продуктив-

ным, и уже через полтора часа она шла домой, крестясь от тяжести покупок. Ей приходилось часто останавливаться, чтобы отдохнуть и перехватить пакеты.

Именно в один из таких привалов она увидела старика, торгующего потрепанными книгами и брошюрами. Если бы потом Дашу спросили, что именно привлекло её внимание, она бы не смогла ответить точно. Может быть, дело было в том, что она раньше его не видела: многих продавцов Даша помнила ещё с детства. Может быть, он выделялся внешним видом: он был слишком нарядным, чистым, отутюженным для этой пыльной улицы. словно в учебнике на картинке «Найдите лишний элемент», где среди грузных продавщиц, крикливых зазывал и снующих помощников стоял старик в голубой в полоску рубашке, черных брюках времен его молодости и старых, но отполированных до блеска туфлях.

Потом она часто думала, что, может быть, старик просто ХОТЕЛ, чтобы Даша его заметила. Но ответа для себя так и не нашла.

Тогда же Даша смотрела на него и пыталась понять, что именно его привело на этот островок стихийной торговли: нужда или скука. Может быть, это нищий старый профессор? Или одинокий брошенный старик? Сколько таких, сбывающих свои награды и сокровища, в попытках прокормиться. Или он горький пьяница, пытающийся заработать на бутылку? А может, это актёр, вживающийся в роль, – очень уж его начищенные ботинки блестели на пыльном развале.

Пока девушка отдыхала от тяжести пакетов и разглядывала старика, пытаясь угадать его судьбу, проходившая мимо торговка чаем и пирожками, предложила ему пообедать. Он виновато улыбнулся, кивнул в сторону книг, что-то сказал ей и развёл руками. Даша с сочувствием посмотрела на него. Захотелось сделать что-то для старика, видимо, настолько нуждающегося, что он идёт продавать своё имущество, и настолько неприспособленного к правилам местной торговли, что он вырядился для этого, словно на танцы.

Даша проверила карманы – оставалось чуть больше семисот рублей, на которые жить ещё почти неделю. По крайней мере, рассудила она, ей было что есть в эти дни: пакеты были до отказа забиты овощами, фруктами, мясом, творогом. В конце концов, можно быстренько оформить кредитку или перехватить денег на работе. А там – снова будет зарплата, и всё войдёт в привычную колею. Что ей стоит купить пару книжек, а после оставить их на одной из полок для буккроссинга в парке?

С другой стороны, Даша давно приняла для себя как аксиому, что всех спасти и обогреть нельзя, поэтому научилась без зазрения совести отворачиваться от страждущих, как от навязчивых цветочниц. В сущности, какая разница во вселенском масштабе, кому на этой неделе претерпевать лишения: ей или старику?

Когда она вновь подняла глаза на старика, то встретила с ним взглядом. Посчитав это приглашением, девушка собрала пакеты, повесила их на согнутые в локте руки и подошла к нему.

– Что-то заинтересовало? – улыбаясь спросил он. – Вы спрашивайте.

Даша рассматривала томики книг с оторванными корешками и жёлтыми от старости страницами. Некоторые из них были подклеены старой газетой, другие носили чьи-то карандашные заметки на полях. Помимо книг на импровизированном прилавке находился старый сервиз, шкатулка и часы. Аккуратный кожаный браслет часов хорошо сохранился, а циферблат выглядел причудливо: на нём, помимо привычных стрелок, было маленькое табло для указания текущего месяца и года. Сбоку, рядом с переводными головками, располагалась кнопка, назначение которой Даше определить не удалось. Стараясь не выказывать излишней разборчивости, граничащей с брезгливостью, Даша попыталась выбрать из пыльных сокровищ, томящихся под ленивым солнцем, самое приличное.

– А часы почём? – ткнула она пальцем.

– О-о-о, – оживился старик, – они очень ценные. Но я за двести отдам.

– За двести? Они сломаны? – удивилась Даша.

– Нет, почему же. Исправно идут. Батарейка есть, хватит,

наверное, на полгода. Может, меньше. Может, больше. Отличные часы, просто мне они не нужны.

Даша ещё раз посмотрела на выдавшие виды ботинки и старые брюки. Затем взглянула на часы и вздохнула – даже если они были сломаны, судя по внешнему виду, явно стоили дороже. «Слишком гордый», – решила она.

– Послушайте, мы оба знаем, что они стоят дороже. Давайте я вам заплачу хотя бы семьсот рублей.

Даша протянула аккуратный рулончик купюр, перетянутых зелёной резинкой. Старик удивленно посмотрел на девушку.

– Со мной много раз торговались, но ни разу не предлагали больше.

– Я просто знаю таким вещам цену, – обронила Даша,

подразумевая не раритет, а отсутствие денег.

А старик понимающе кивнул:

– Похоже на то. Иначе вы бы не предложили всё, что у вас есть.

– С чего вы? ... Откуда вы?..

– Откуда я знаю, что это все деньги, которые у вас есть? Будем считать, что опыт. Но ты задаёшь неправильный вопрос.

– А какой – правильный? – спросила Даша, отметив про себя, что её собеседник перешёл на «ты» и понизил голос.

– Правильный вопрос: что в них ценного?

– И что же? Они принадлежали кому-то известному?

– Какая же в этом ценность?

– Не знаю... А что тогда? Именные? Редкая серия?

– Для тебя ЭТО имеет значение?

– Если честно, даже не представляю, что такого диковинного могут наручные часы. Нет, конечно, если из них вылетит кукушка, то я удивлюсь.

– О, нет, кукушки в них нет, – хитро улыбнулся старик, – зато они могут перенести тебя в любое время твоей жизни.

Он сказал это так буднично, словно сообщил о том, что они водонепроницаемые или ударостойкие.

Даша смотрела на старика, не зная, как реагировать. Рассмеяться? Разговаривать вкрадчиво и осторожно, если он не в себе? К городским сумасшедшим Даша относилась с опаской. Как и к людям с плохим чувством юмора.

Или поверить?

Несмотря на очевидную неправдоподобность сказанного, ей внезапно так захотелось поверить в то, что купленные на книжном развале часы смогут её отправить в прошлое или будущее.

– Я понимаю, что ты мне не веришь, – без тени обиды или удивления произнес старик, – давай я тебе покажу. Сколько тебе сейчас?

– В смысле, лет?

– Да.

– Тридцать два.

– А в школу ты пошла в семь лет?

– В школу?.. – удивлённо переспросила Даша.

– Да-да, в школу. Так в семь?

– Да, а что? Зачем вам?

– Та-а-ак, – старик, не ответив на заданные и замершие на губах вопросы, принялся устанавливать на часах дату и время, – первое сентября – это была ... это была... среда, значит, рабочий день... Туда и отправимся.

Даша беспомощно оглядывалась на прохожих, не зная, как реагировать, а торговец тем временем взял девушку за руку и застегнул на ней часы.

– Куда... что вы?.. – начала было Даша, но закончить не смогла.

Её немного качнуло, словно кто-то проходящий задел плечом, а после того, как она восстановила равновесие, девушка оказалась... возле своей школы. На линейке, посвященной Первому сентября. В день, когда Даша пошла в первый класс.

Глава 6

Даша огляделась. Позади неё стояло серое кирпичное здание школы, безликое и непримечательное для чужаков, но такое тёплое и уютное для своих. Школа выглядела так же, как и во времена Дашиного обучения: до замены окон на пластиковые, до размещения приветственного баннера, до появления маленькой пристройки. Деревья снова оказались молодыми, не достающими до второго этажа.

Директор, тот самый директор, который возглавлял школу во время Дашиного обучения, наставлял первоклашек и будущих выпускников. Даша завороженно смотрела на него, не в силах поверить в происходящее. Не только потому, что она стояла с бантами и в гольфах на своей первой линейке, но и потому, что четыре года назад сотни учеников, включая её, проводили любимого директора в последний путь.

Происходящее не было похоже на сон или воспоминания. Она чувствовала, что всё вокруг также реально, как работа, дом или книжный развал на рынке. Даша на самом деле стояла среди одноклассников с астрами в руках и смотрела на свою первую учительницу, директора и школу, украшенную криво висящим плакатом.

Рядом стояли дети с цветами. Мальчишки и девчонки, втиснутые после босоногого лета в узкие туфли, брюки, платья, рубашки, тугие галстуки, бабочки, тяготились празд-

ничной линейкой. Каждый из них мечтал скорее побежать на пруд – ловить головастика или отправиться в обещанное родителями кафе. Вдалеке стояла мама, такая молодая, красивая, добрая и родная. Поймав Дашин взгляд, она помахала рукой и улыбнулась.

Даша вдыхала запах сырой осенней листвы, цветов, слушала напутственную речь директора, и в ней пробуждалось щемящее чувство тоски об утраченном со сладким привкусом реальности момента.

Языком она нащупала дырку между зубов, где, судя по всему, совсем недавно был ещё один. Ей нестерпимо захотелось посмотреть на себя в зеркало, пока всё не рассеялось, как сон, поэтому она незаметно протиснулась в последний ряд, выскользнула из стройной колонны первоклашек и побежала в направлении школы. Её догнала Оксана Ивановна, первая учительница: «Ты куда? Даша, ты же Даша Леонова, да?».

– Я в туалет, – пискнула Даша и удивилась своему голосу.

– Ты знаешь, где он? – ласково спросила учительница.

– Да, мне мама показала.

– Я её провожу, – раздался голос сзади, и они обе обернулись.

Голос принадлежал старику в костюме и шляпе.

– Вы её дедушка?

– Да, это мой дедушка, – снова пискнула Даша и взяла книготорговца за руку.

– Хорошо, только не задерживайтесь, в конце линейки будет переключка и памятные подарки.

Какое-то время они шли молча. Даша осматривала стены родной школы, украдкой заглядывала в классы. Всё было на своих местах, таких же цветов, размеров и форм, но в то же время не покидало ощущение, что она попала в кукольный домик.

В фойе второго этажа стояло трюмо с зеркалом. Впервые Даше в голову пришла мысль, что ему здесь совсем не место: такая мебель должна стоять в чьей-то спальне. Трюмо стояло в фойе долгие годы, но странным это Даше показалось только теперь. Наверное, его принёс кто-то из учителей, годами создававших уют в маленькой школе своими силами. Девушка взглянула в зеркало – оттуда смотрела девочка с детских фотографий: с бантами и без переднего зуба.

– Неужели всё по-настоящему?

– Да, – коротко ответил старик и развел руками, мол, как видишь.

Даша не просто чувствовала себя ребёнком, она была им: видела отражение в зеркале, слышала тонкий голосок, а окружающие считали её первоклашкой. И самое странное, что это не казалось чем-то неестественным. Непривычным – да, удивительным – да. Неестественным – нет. Как те взрослые или старики, которые удивленно восклицают: «Как? Уже тридцать? Пятьдесят? Семьдесят? Я совсем не чувствую себя на этот возраст!» Потому что ты – это всегда ты, непре-

рывно существующий, настоящий, в отличие от эфемерного времени.

– Ну что же, пожалуй, нам пора, – старик потянулся к часам.

– Уже? – растерянно спросила девочка.

– Если захочешь, ты сможешь сюда вернуться, а мне пора.

После этого он переставил дату на часах, нажал маленькую кнопку сбоку от циферблата – Дашу качнуло, словно в автобусе, наехавшем на кочку, а когда она снова поймала равновесие, то уже стояла у книжного развала с пакетами, набитыми продуктами.

Пока Даша растерянно озиралась, пытаясь понять, заметил ли кто-то их исчезновение и внезапное появление, старик спокойно продолжил разговор, словно он не прерывался на самое немыслимое событие в Дашиной жизни.

– Есть кое-что, что ты должна запомнить. Тут стоит батарейка, и как только она сядет, часы остановятся и не смогут больше тебя перемещать. Поэтому сменить батарейку нельзя: как только ты откроешь часы для смены, они остановятся – и ты застрянешь.

– Где застряну?

– В том времени, в котором будешь в тот момент. И будешь проживать жизнь с тех пор – заново.

Беседа, путешествие во времени, магические часы – всё это не укладывалось в голове. И всё же что-то заставило её включиться в диалог. Кто знает, что это было: надежда, лю-

бопытство или предчувствие.

– А если я заменю в них батарейку?

– Ты думаешь, к этим часам подойдут обычные батарейки из супермаркета?

– Не подойдут?

– Можешь проверить, кто знает, что произойдёт, – с хитрой улыбкой проговорил старик.

– Хорошо, я поняла, – заговорщицки кивнула Даша, не имея даже предположений о возможных последствиях, – а как мне узнать, когда они разрядятся?

– Экран начнет блекнуть, тускнеть, мерцать. Так может продолжаться месяц, неделю, а может, и несколько дней. Зависит от того, как ты будешь ими пользоваться. Самый большой расход энергии происходит при перемещении. Так что, если будешь много перемещаться, они сядут быстрее.

– И что, я могу что угодно изменить в своей жизни? Я же могу вернуться в самые гадкие и паршивые дни своей жизни и исправить именно их? Тогда моя нынешняя жизнь изменится? Или вернуться в прошлое, купить акции какой-нибудь компании, а потом снова переместиться сюда? – с надеждой в голове произнесла девушка.

– Не совсем. Твоя жизнь будет меняться только до очередного перемещения. Если ты отправишься в прошлое, изменишь там что-то, а потом вернешься, то все изменения не сохранятся, последствия твоего пребывания в прошлом сотрутся. Но если ты останешься в этом прошлом, то ты полу-

чишь шанс прожить всю жизнь или какую-то её часть заново. Ты не можешь исправить прошлое, ты можешь создать его новую версию с какого-то момента.

Старик говорил так буднично и спокойно, словно продавал обыкновенную захудалую безделушку, а не машину времени. Вокруг сновали торговцы, грузчики с шумом швыряли паллеты с продуктами, завсегдатаи рынка отчаянно и азартно торговались.

– Как в компьютерной игре, вроде как, эта жизнь – сохранённый уровень? То есть в конечном итоге реальным будет только одно время? То, в котором я останусь?

– Реально всё вокруг. Но да, точкой отсчёта новой версии событий будет то время, где остановятся часы. Представь, что постоянное, неизменное прошлое – это отрезок пути, который начинается точкой А и заканчивается точкой Б. Где точка А – момент твоего рождения, а точка Б – дата на часах. Если ты переводишь часы назад – ты попадаешь в своё исходное прошлое.

– Исходное – это значит настоящее?

– Давай использовать слово – первоначальное. Первоначальная версия событий и новая версия событий. Смотри: здесь есть дата, обычный циферблат и кнопочка сбоку. Для того, чтобы перенестись в другое время, нужно выставить дату и нажать кнопку.

В сером небе образовывались прорехи, и сквозь тучи прорывались к земле солнечные лучи. Воробьи купались в од-

ной из практически никогда не высыхающих луж, а рыночные лоснящиеся коты лениво поглядывали на них, словно решая, стоят ли пернатые их внимания. Даша огляделась вокруг, пытаясь найти подсказку, поддержку, ответ. Но обычное субботнее утро только подчёркивало абсурдность разговора. И Даше не оставалось ничего, кроме как положиться на интуицию.

– Поняла. Кажется. А если я переведу часы в будущее, скажем, на пять лет вперед, а меня там уже нет в живых. Я что, умру? Или очнусь в гробу?

– Нет, часы попросту не сработают. Как и в случае, если на циферблате будет дата, когда ты ещё не появилась на свет. Они не могут перенести тебя в то время, где тебя нет.

– Почему вы не оставите их себе? – пристально глядя в глаза продавцу, спросила Даша, – если они могут то, что вы говорите....

– ... ты сама видела, – с нажимом произнёс старик.

– Так вот, если они могут, – продолжила девушка, – то какой смысл их отдавать? Есть какой-то подвох? Почему вы сами не вернётесь и не исправите свою судьбу. Что вы делаете на этом рынке? Только не говорите мне, что я избранная.

– Я в том месте, где должен быть. А какой моя судьба должна быть, по-твоему, воспользуйся я часами?

На его лице читалось спокойствие и непоколебимая уверенность.

Даша помолчала, пытаясь сформулировать миллион

предчувствий и сомнений в вопросы.

– А как же все эти фильмы про бесчисленное множество вариантов Вселенной, эффект бабочки и всё такое? Вдруг я спровоцирую большой взрыв или изменю прошлое так, что этой встречи не будет? Или Третья мировая случится. Или я вернусь в прошлое, и в результате умрет какой-нибудь президент. Или не изобретут Интернет. Ну или что-то вроде того?

– О, об этом тебе не стоит переживать. Изменить в жизни что-то не так просто, как нам это кажется. Нет так ли?

Даша с виноватой усмешкой кивнула.

– Не переживай, ты не попадешь во временную петлю, не встретишь своего двойника и за тобой не явятся агенты временной полиции, – ехидно продолжил продавец.

– А вот этот сервиз, – Даша указала на прилавок, – он что может? И шкатулка? Или они обычные? А книги? Они просто – книги? Или у них есть какие-то... особенности?

– Предположим, у них есть... особенности. Хотя я этого и не утверждаю. Но, во-первых, у тебя уже не осталось денег, а во-вторых, есть ли что-то, чему бы ты предпочла возможность вернуться в прошлое?

Сомнений в том, что этот человек знал и мог очень многое, у Даши не осталось. Едва ли это на самом деле был голодающий одинокий пенсионер.

– Вы правы. Хотя вы, пожалуй, и сами этого знаете. Получается, что я могу исправить только что-то в одном периоде

жизни? Там, где я останусь?

– Если ты хочешь именно что-то исправить, то да. Но можно просто вернуться в детство, ощутить тепло родного дома, побыть с близкими. Или встретиться и поговорить по душам с людьми, уже покинувшими наш мир. А можешь научиться чему-нибудь, потратив отведённое время на самосовершенствование. Или же использовать машину времени, чтобы побыть в уединении. Или – в веселье. Выбор за тобой, – старик устало вздохнул, словно ему приходится объяснять прописные истины, и продолжил, – и пока ты не приняла решение, заряд батарейки тратится впустую. Ну что же, я рассказал всё, что мог. Здесь наши дороги расходятся. Ступай.

Даша погрузилась в свои мысли. В это время к прилавку подошел пожилой мужчина.

– Почём Маркес?

– Пятьдесят, два тома – за семьдесят.

– М... угу...

– Будете брать?

– Я ещё подумаю... А Толстой? Это какой Толстой? Там из школьной программы есть?

– Не знаю. Давайте посмотрим оглавление. Вам что именно нужно?

Старик был занят новым покупателем и утратил всякий интерес к Даше, которая про себя повторяла свод правил и разглядывала часы.

– А вот я ещё хотела спросить, я могу кого-нибудь или

что-нибудь с собой в прошлое перенести? – задумчиво произнесла она.

Мужчина с томиком Маркеса в руках застыл над прилавком и удивлённо посмотрел на Дашу. Старик многозначительно и укоризненно взглянул на неё, а потом демонстративно повернулся к новому клиенту.

– Извините... Я... Ну, я пошла? – робко спросила она.

Конечно, ей хотелось больше узнать о часах, о перемещениях во времени, о судьбе, о том, откуда эти часы у деда, о том, что ещё есть у него. Но, глядя на него, она понимала, что больше не получит ни одного ответа. Да и что она могла сделать? Настаивать? Вернуться позже? В конце концов, может быть, это просто какой-то розыгрыш или гипноз.

– Иди-иди, – махнул ей продавец, не поворачиваясь, и добавил, – разберёшься. Или не разберёшься.

Подняв тяжелые пакеты, стоявшие у её ног, Даша отправилась домой. В руке она крепко сжимала часы.

Глава 7

То, что случилось, просто не могло быть правдой. С другой стороны, это точно ей не приснилось, не померещилось. Может быть, это лишь очередная фантазия, но более яркая и реалистичная?

Или?..

Даша закрыла глаза и попыталась вспомнить первое сентября. Нет, сейчас всё было по-другому. Теперь это было просто воспоминание. Но сегодня днём там, на рынке, она действительно перенеслась в прошлое.

Несколько раз она брала в руки телефон, чтобы позвонить Яне или маме, но откладывала его – как о таком можно рассказать?

А может быть, она просто сошла с ума? Даша зачем-то ощупала голову, будто безумие могло быть в виде нароста. Ни одного контраргумента в пользу собственного здравомыслия не нашлось, тем не менее, Даша решила принять его как аксиому.

В размышлениях девушка начала уборку. Создание порядка из хаоса всегда помогало систематизировать мысли и ощутить собственное влияние на окружающий мир, а именно это Даше сейчас и требовалось. Спустя два с половиной часа она находилась на той стадии, когда уборка близилась к завершению, хотя визуально это могло быть незаметно: по-

среди комнаты стояло ведро с водой, поглаженные вещи громоздились стопками на диване, ванна, залитая ядовито-зелёной жижей, откисала, стиральная машина оповещала о завершении работы, а кот кричал у помытого, но ненаполненного лотка. Обычно в этот момент настигает усталость, и любовь к чистоте проигрывает желанию неподвижно сидеть на кухонном табурете. Так случилось с Дашей и в этот раз.

Она устало побрела на кухню, помыла пару яиц, разбила их и вылила на сковороду с шипящим маслом. Вскоре края яичницы схватились неаппетитной коричневой коркой, и Даша расстроено вздохнула.

Устало оглядев комнату, она подумала, что это всё просто не имеет смысла. Вся эта уборка – она же не в отпуск собирается, после которого с радостью вернётся в чистую и уютную квартиру. Даже эта горелая яичница и предстоящий ужин бессмысленны. Если она вернется в прошлое (или отправится в будущее), этот момент либо никогда не настанет, либо уже минует. Всё это: вонючее зелёное средство для ванны, пустой кошачий лоток и урчащий живот – всё это с ней не произойдёт. Будет иной вариант жизни, и хотелось бы верить, что в нём будет что-то получше пережаренных яиц в компании недовольного кота.

Она достала часы из сумки, надела их на руку, и задумалась о том, куда хотела бы попасть. В детский лагерь, в котором она была в девятом классе? На выпускной бал? В будущее, чтобы узнать все секреты политики и экономики? В

прошлогодний отпуск на море?

Эта мысль показалась особенно соблазнительной: на море было хорошо, лениво, сыто и спокойно. То, что нужно, чтобы собраться с мыслями и принять решение.

А ещё путешествия всегда её меняли. Не как в голливудских фильмах, где героиня оказывается в мире ярких красок и музыки, попадает в удивительные истории, встречает духовного наставника, любовь и новых друзей. Нет. Ничего такого, что раз и навсегда меняет всю жизнь. Чаще всего, преисполненная ожиданий, Даша собирала чемодан и отправлялась в неизведанное для себя место (конечно, обязательно из личного плана) и там обнаруживала мир без ретуши и глянца туристических буклетов. В номерах бывало грязно, еда оказывалась невкусной, подводила погода – всякое случалось. Но день за днём, закат за закатом, вид за видом, блюдо за блюдом, экскурсия за экскурсией выдавливали из Даши часть привычного мира. И когда она довольная, уставшая, обгоревшая возвращалась в свою знакомую, уютную квартиру, то обнаруживала, что что-то изменилось.

В детстве каждый год перед первым сентября Даша примеряла старые платья и туфли. Мама вздыхала, обнаружив, что обувь мала, а Даша с удивлением рассматривала пальцы ног. Они были такими же: мизинцы были кривоватыми, ногти короткими. Пальцы как пальцы. Может, только в некоторых местах появились следы от перемычек сандалий. За тем девочка осматривала пятку – она тоже осталась прежней,

лишь немного почернела от летней пыли. Нога выглядела, как обычно, Даша совершенного не почувствовала, как росли пальцы, пятка или вся стопа в длину, но вместе с тем факт оставался фактом – обувь больше не налезала.

Так же было и с возвращением домой.

Найдя в телефоне папку с отпускными фотографиями, она выбрала любимую. По Дашиному мнению, она воплощала безмятежность: кофейный стаканчик красовался на фоне полосы моря и плывущих по небу облаков. Казалось, если принюхать и прислушаться, можно почувствовать запах моря и услышать шум прибоя. Угрожающим шипением и дымом на воспоминания ответила глазунья. Даша посмотрела на дату и время, в которые был сделан снимок, перевела часы и нажала на маленькую кнопочку сбоку.

Внезапно её качнуло, словно началось землетрясение, а когда Даша вновь обрела равновесие, запах гари исчез.

Глава 8

Даша очутилась на балконе гостиничного номера. На круглом столике стоял кофе, вдалеке шумели волны, на экране телефона только что запечатлелось идеальное утро. Июль прошлого года, отпуск, курортный посёлок на побережье Чёрного моря.

Если где-то и предстояло разбираться со своими мыслями, то пусть здесь.

Первый день Даша просто отдыхала: загорала, купалась, спускала деньги на самые замысловатые угощения и безумные водные аттракционы. Второй день она провела в номере за просмотром любимых фильмов и поглощением всего, что чревато лишними килограммами. Ещё три дня она посвятила экскурсиям, походам и развлечениям. На шестой день, когда деньги, рассчитанные на две недели, почти кончились, она отправилась в ближайший бар. Пила, ела, танцевала и, когда ей предстояло расплатиться по счёту, снова перевела часы. Неблагоразумность, опасность, рискованность придавали особый смак её поступку – кто знает, ведь часы могли и не сработать.

Но они сработали.

Всё прошло как нельзя лучше – она снова оказалась на балконе в то мгновение, когда сфотографировала кофейный стаканчик на фоне полоски моря. Похмелье как рукой сняло,

спать не хотелось, деньги были на месте.

Говорят, что чрезмерное увлечение фотографией не позволяет быть здесь и сейчас и проживать настоящее. Но Даша, разглядывая красивый снимок, застывший на экране телефона, подумала, что это не от стремления выдавать желаемое за действительное в социальных сетях, а от попытки сохранить прекрасные моменты жизни: красоту, притаившуюся в распутившихся почках деревьев, домашний уют, воплощенный в пироге, свободу, подхваченную горными хребтами, счастье, выраженное в детской улыбке. Вспомнилось, как в детстве бабушка закрывала клубничное варенье. Клубники было мало, хотелось наесться ею до отвала, но бабушка выдавала маленькую эмалированную мисочку, наполненную красными ягодами, и говорила: «Остальное – на варенье. Зимой будешь есть и лето вспоминать». И правда, в холодные зимние дни она с удовольствием ела варенье за чтением в своей комнате, вспоминала лето и бабушку. Чем фотография – не консервирование жизни на потом, на холодные зимние дни?

Даша отодвинула кофе – адреналина ей и так хватало. Она стала размышлять о том, что же делать дальше. Как распорядиться временем?

Прежде всего, решила она, уже трижды удостоверившись в том, что часы работают, переводить их как зря и сажать батарейку не стоит. Во-вторых, несмотря на соблазн использовать потенциал часов для отдыха, она понимала, что мо-

жет сделать нечто большее. Ей часто казалось, что в жизни всё происходит не так, как могло и должно было случиться. Из одаренной и мечтательной девочки, девушки она стала заурядной женщиной. День за днём проживая посредственную, на её взгляд, жизнь, Даша с горечью и стыдом признавалась себе, что создана для большего и достойна лучшего. Было бы проще, если бы обнаружился день, когда всё пошло наперекосяк. Тогда можно было бы вернуться в прошлое и исправить главную ошибку. Например, спасти любимого от трагической гибели, избежать аварии, пересдать проваленный экзамен и ожидать, что удаление этой опухоли из жизни исцелит всю дальнейшую судьбу. Но выудить из памяти один такой момент не получалось – в Дашиной жизни не было больших потрясений, на которые она могла бы списать свои неудачи. Просто цепочка неправильных решений, лень, прокрастинация, перфекционизм и время.

Раз так, начинать придётся с начала – с детства.

Даша машинально пододвинула стакан с кофе и отхлебнула. «Ну что же, – решила она, – я могу позволить себе ещё один день, чтобы отдохнуть напоследок, как следует».

Девушка отправилась на пляж, рисуя в голове картины блаженства и расслабления, но волнение не покидало её ни на секунду. Даша злилась на себя, на мандраж, на то, что она не может зарядиться перед многолетним марафоном перемен. Не успокаивал ни холодный лимонад, ни волны, с шипением растворяющиеся в гальке. Даша словно отбыва-

ла срок, и, когда солнце стало клониться к морю, она с чувством выполненного долга собрала вещи и отправилась к кабинкам для переодевания. Там уже образовалась приличная очередь, девушка пристроилась в её хвост и снова погрузилась в размышления.

Внезапно из репродуктора, весь день передающего глупые песни, рекламу и местные новости, раздался вальс «Под небом Парижа». Даша никогда не была во Франции и не разбиралась в музыке, но было что-то в этой мелодии, что делало внутри прекрасно. А главное, начинало казаться, что снаружи тоже не так плохо. Она огляделась. Волна музыки накрывала отдыхающих, преображая и придавая смысл всему вокруг: влюбленные дурачилась в воде, обдавая друг друга брызгами и притягивая в объятия, мама обнимала малыша, помогая ему впервые ощутить морские волны, пожилая пара уходила с галечного пляжа, поддерживая друг друга. Музыка разливалась в воздухе, казалось, что откуда-то доносится аромат свежее испечённых круассанов и из-за угла вот-вот появится хрупкая девушка с белым ажурным зонтиком. Брызги морской воды искрились, переливались в лучах томного закатного солнца, чайки, расправив белые крылья, летели над пляжем, и всё, подчиняясь законам красоты и гармонии, было прекрасно...

Мелодия прервалась шумной рекламной перебивкой, и мир вокруг снова стал суетным: чайка пикировала в найденный мусор, ребёнок заплакал, влюбленные начали сканда-

лить. Даше так хотелось вернуть предыдущее мгновение, задержать прекрасный, чистый, чувственный мир, но он разваливался на крикливые, аляповатые и грязные куски.

Сев прямо на гальку, Даша глубоко вдохнула, медленно выдохнула и перевела часы. Как только она нажала маленькую кнопочку рядом с циферблатом, Дашу качнуло, словно подошедшая к берегу волна подхватила её и утащила в море...

Глава 9

– ... с другой стороны, нам не нужно будет покупать овощи, а может быть, если всё пойдёт хорошо, то и некоторые ягоды. Опять же – шашлык, отдохнуть можно семьёй.

– Вроде неплохо звучит, только дом там убитый, его ремонтировать придется долго, денег много на него уйдет. И если сейчас покупать дачу, то на море мы точно не поедem. Не знаю, надо подумать ещё.

– Ну конечно, – всплеснула руками мама, – давай подумаем, пока и этот вариант у нас не уведут из-под носа. На море можно на пару дней смотаться, необязательно ехать на две недели.

– Можно вообще не ехать, – невозмутимо заметил папа.

– Нет, – категорично отрезала мама, – хотя бы раз в год нужно, как положено.

Даша сидела на кухне в квартире, где семья жила до её двенадцати... нет, тринадцати лет. На столе стояла сковорода с жареной картошкой, кетчуп, селёдка, солёные огурцы, а на столешнице – тарелка с гренками.

– Ты чего застыла? – повернулась мама к Даше, которая сидела, боясь пошевелиться. – Ешь давай, ты ж тут самая голодная бегала.

Дважды просить её было не нужно: мама всегда хорошо готовила, а от ароматов блюд в животе раздалось протяжное

урчание.

– Ладно, – махнула рукой мама, – давайте про день рождения. Дашунчик, ты решила, кого будешь звать?

Родители продолжали ужин, не обратив внимания, что Даша набила рот едой, стараясь отсрочить разговор и вспомнить, кто был на её десятилетнем юбилее в той, первоначальной, неизменённой версии прошлого.

– Настю, Олю, Вику, Свету, Лиду, Лёшу и Олега, – пережевывая, сообщила Даша.

Мама удовлетворенно кивнула, подтверждая, что выбранные дочерью гости приличные мальчики и девочки.

– Хорошо, ещё придут родственники, так что будет человек пятнадцать, если нас троих тоже считать.

– Тесновато, – резюмировал папа.

– Тесновато, – огрызнулась мама, – а на даче было бы просторно.

Дача. Как долго о её покупке родители спорили. Потом купили, откладывали деньги на ремонт, снесли старый дом, но так и не построили ничего на его месте. Мечта о собственной земле осуществится через три года. Тогда родители продадут квартиру, многострадальный, ещё не купленный дачный участок и построят домик за городом. Даша так и не сможет привыкнуть к сельской жизни, поэтому с радостью вернёт статус горожанки, поступив в университет.

Но это будет потом.

Сейчас же родители ужинали и говорили о покупке дачи,

меню на Дашин юбилей и поездке на море.

После ужина она с волнением отправилась в свою комнату, где хранились все её девичьи секреты и грёзы. Обстановка в детской постепенно менялась: исчезала старая детская мебель, и на смену ей приходили подростковые столы, кровати и стулья, модные фотообои занимали место на выцветших стенах, Барби заменяли пупсов, книги детских сказок долго томились в коробках, а затем куда-то исчезли. Не будучи уверенной в том, что именно ждёт её за дверью, Даша вошла и включила свет.

На пожелтевших обоях ещё красовались зайчики. Даша с удивлением для себя отметила, что в воспоминаниях они представлялись мишками. Куклы в ряд сидели на полке – видимо, она уже не так часто играла ими. На спинке стула висели наспех скинутые вещи, а на учебном столе громоздилась стопка учебников и тетрадей. Даша открыла пенал – он всегда был любимой частью школьного рюкзака – в нём лежали цветные гелевые ручки, остро наточенные карандаши, линейка с блестками, несколько синих ручек и ластик в форме сердца.

Над столом красовались постеры из молодежного журнала, на подоконнике, в окружении герани, лежал детский детектив с закладкой в том месте, где прервалось чтение, в тумбах стола были тетради, учебники и сокровищница – коробка с полусохшим лаком для ногтей, пустым флаконом из-под духов, коллекцией фантиков, анкетой для девочек, брас-

летами из бисера, значками, мелочью и записками.

Всё окружающее было таким знакомым, но одновременно с этим, давно забытым. Среди своих вещей довелось ей найти и немало того, о чём не сохранилось никаких воспоминаний: блокнот с чьей-то перепиской, невесть откуда и зачем взявшаяся зажигалка, леденцы едко-голубого цвета.

Остаток вечера в своей комнате она листала книги, останавливаясь на некоторых страницах, изучала школьные тетради, долго смотрела из окна на ещё не застроенное поле и речушку за ним.

Вся эта комната вызывала щемящее чувство ностальгии, хотя по иронии судьбы, ностальгировать было не о чем – прошлое стало настоящим.

– Спокойной ночи, я выключаю свет, – сообщила мама и щёлкнула выключателем.

Даша закрыла глаза, но поняла, что быстро уснуть не получится: слишком много мыслей было в голове. О перемещении в прошлое, о море, о горелой яичнице, о старике на рынке и о предстоящем дне рождения, вспоминая который, Даша решила переместиться именно в это время.

Юбилей. Даша долгие месяцы перед праздником смаковала такое солидное слово, не называя предстоящий десятилетний день рождения никак иначе. Родители разрешили ей самой выбрать гостей, в числе которых оказался и первый красавчик класса. Мама уложила Даше кудри и даже подкрасила губы помадой. В день торжества стол ломился от уго-

щений, Дашина комната была завалена подарками гостей и дальних родственников, которых девочка никогда не видела. Папа показывал фокусы и искромётно шутил, а мама проводила конкурсы с прищепками и стульями. В конце вечера взрослые сидели на кухне, а дети танцевали в зале. Именно тогда Дашу впервые пригласил на медленный танец мальчишка.

А потом, уже ближе к ночи, устав от музыки, танцев, гостей, Даша с папой лежали на диване и болтали. Родители подарили ей проектор, и папа, направив его на потолок, устроил планетарий прямо в квартире. Он долго рассказывал про звёздное небо и планеты, а абсолютно счастливая десятилетняя Даша слушала его, стараясь растянуть вечер и не заснуть как можно дольше. В конце концов, она так и уснула – в нарядном платье, рядом с папой, на диване, под звёздным небом.

Глава 10

Чтобы привыкнуть к новому, или скорее старому, укладу жизни Даше понадобилось несколько дней. Вскоре она вспомнила имена и отчества всех учителей, выучила нынешнее расположение вещей в квартире и уяснила список маминных запретов.

Сегодня в расписании уроков значились русский язык, литература, математика, природоведение. Даша мысленно порадовалась, что физика и химия, успехами в изучении которых она не могла похвастаться никогда, ещё не начались.

На русском она, стараясь не забывать о возрасте и знаниях, которыми сейчас должна обладать, написала огромное сочинение и сдала его первая. Очевидно, она всё равно перестаралась: при проверке учительница смотрела то на Дашу, то на сочинение. Потом она обошла вокруг Дашиной парты, видимо ожидая увидеть сборник готовых текстов или шпаргалку. Учительница даже заглянула в тетрадь её соседки и только после этого решилась поставить две пятерки вместо одной.

На литературе Даша спорила с учителем о творчестве Некрасова, за что получила пятерку и похвалу, а на природоведении пересказала один из роликов про жизнь ламантингов, виденных в соцсетях будущего. Мысленно она поблагодарила себя за тот день, когда, устав от однообразных раз-

влекательных блогов, подписалась на несколько научно-популярных каналов. На последнем уроке Даша сама подняла руку и с лёгкостью решила все примеры. Учитель математики и одноклассники недоверчиво смотрели на Дашу. Их можно было понять, ведь незадолго до этого девочка завалила контрольную работу.

Итого – пять пятёрок.

Во время перемены Даша успела осадить хулигана, задравшего первоклашек, чем вызвала овации одноклассников, записалась на олимпиаду по математике и сделала комплимент изумлённой учительнице английского языка.

Пока всё шло по плану. Нужно было хорошо учиться, заниматься спортом, творчеством, помогать родителям по дому, и тогда всё будет по-другому. Так когда-то говорили родители, и теперь Даша была готова подписаться под их словами.

Скоро она станет самой успешной, самой талантливой ученицей, а затем, пока сверстники будут проживать уже однажды пройденный тернистый путь пубертатного созревания, она найдет своё дело, профессию и призвание.

Об этом стоило подумать уже сейчас. Что если завести свой блог одной из первых, пока никто этим не занят? Или сейчас, пока ей ещё нет и десяти, сделать ставку на модельный бизнес или спорт. Можно податьсь в политику: понятно, на какой поезд нужно запрыгнуть и когда с него соскочить. Или заняться стартапами: хостелы, антикафе, лонгбор-

ды, груминг, йога в гамаках и всё то, что рано или поздно, с Дашиной помощью или без неё, доберётся в их город. Конечно, это всё будет не сейчас, а в нужный момент, когда она основательно подготовится и будет в подходящем возрасте. Перспектива обнаружить недюжинные способности в раннем возрасте и предстать перед глазами изумлённых одноклассников вундеркиндом не сулила ничего хорошего. Но иметь фору в десять-двадцать лет – вполне неплохо.

Раньше Дашины планы имели особое место в её жизни: они были ближе к мечтам, чем к задачам. Одни и те же пункты, порой достаточно простые в исполнении, из года в год, из ежедневника в ежедневник, из списка в список перемещались, оставаясь невыполненными.

Похудеть.

Выучить английский.

Научиться готовить.

Иногда что-то оказывалось вычеркнутым. Так, с чувством глубокого удовлетворения она зачеркивала пункты о путешествии в Петербург, пройденных курсах по флористике, покупке ноутбука.

Как правило, планы составлялись перед Новым годом, днём рождения или очередным многообещающим понедельником. Тщательно продуманный каждый пункт занимал важное место в глобальном жизненном плане. Ей казалось, что это напоминает вышивание: в самом начале не удаётся увидеть целое, берут сомнения, но если ты движешься даль-

ше, следуешь инструкции, делаешь каждый раз маленький стежок, то со временем начнут вырисовываться очертания изображения, проступать детали и получится картина.

Время от времени жизнь обростала новыми мечтами, и тогда в плане появлялся очередной пункт, порой, чтобы остаться невыполненным. В долгий ящик ушли пункты: «Найти подработку», «Поехать в Латинскую Америку», «Накачать пресс», «Выучить испанский». Некоторые задачи, такие, например, как покупка музыкально центра, и вовсе морально устаревали.

Остальные же пункты плана заботливо переносились Дашей в новый ежедневник – это символизировало намерение когда-то вернуться к ним. Все книги о целеполагании, которые ей довелось читать, утверждали, что нужно уметь переоценивать цели и задачи, отсеивать ненужное. Но всё Дашино нутро сопротивлялось этому. Казалось, что так она распишется в собственной лени и легкомысленности, а так каждый пункт был аккуратно переписан в свеженький ежедневник, чтобы остаться там до нового периода планирования.

Но самое главное, сакральное, оставалось за рамками плана и называлось Дашей судьбой. Любовь, семью, дружбу она никогда не планировала. Всё должно было случиться как в фильмах, книгах, мечтах: красиво, взаимно и само собой. Сама мысль о том, чтобы ИСКАТЬ любовь, а не ждать её, казалась похожей на расчёт, а не на то, что представлялось в девичьих грёзах, когда он, она – и их взгляды встретились...

Даша усмехнулась. То, что, казалось, навсегда осталось где-то в ворохе забытых надежд и фантазий, теперь снова стало вариантом возможного будущего.

Она снова могла не вспоминать, а мечтать и планировать. Теперь она будет следить за фигурой.

Сделает карьеру.

Не допустит ни одной коронки во рту.

Не станет обстригать чёлку.

Уж точно не ввяжется в нелепый курортный роман.

Не завалит собеседование.

Не станет смеяться над скабрёзными шуточками в свой адрес.

Перестанет транжирить, начнет копить деньги. И инвестировать.

Не станет вести дела с Игорем.

Перестанет стесняться и пойдет учиться танцам. И живописи. И шитью. Достаточно будет краткосрочных курсов, длинную в несколько месяцев. Теперь время на всё это есть.

Будет колесить по свету, ходить в горы, займется дайвингом и прыгнет с парашютом.

И начало всему положено – сегодня она получила пять пятёрок и была лучшей ученицей в классе.

Глава 11

Дни шли быстрее, чем раньше. Когда-то урок длиною в сорок минут тянулся, теперь же – пролетал. Так же пролетали и дни. Самым сложным для Даши было притворяться менее умной и способной. Всё остальное давалось просто, оттого – скучно. Поэтому, когда случалось хоть мало-мальски интересное событие, будь то поездка с родителями на базар или незнакомый фильм по телевизору, Даша не упускала возможности разнообразить свои счастливые, но монотонные будни.

Самым ожидаемым событием очередной недели стало посещение классом филармонии. Концерт не вызывал ни малейшего интереса у Дашиных одноклассников, но отмена уроков ради культурного мероприятия добавляла очков последнему.

Потом, после концерта в первоначальной версии событий, подружки рассказывали Даше, как напыщенные девочки и зализанные мальчишки играли на скрипках, флейтах, фортепиано. Сама Даша предусмотрительно прикинулась больной и провела весь день за просмотром телевизора, чем вызвала зависть у подружек и уважение мальчишек, осведомленных об афере.

Теперь же Даша не могла пропустить такое мероприятие. Став взрослой, проведя немало времени в попытках куль-

турного самообразования, она приняла тот факт, что не в состоянии отличить на слух одного композитора от другого, не понимает и половины направлений живописи, не любит постмодернизм в любом виде искусств. Однако Даша чувствовала, что великие писатели, поэты, живописцы, скульпторы, музыканты творили именно для таких, как она. Для обычных людей. Так что, смирившись с тем, что ей не дано эстетствовать в богемных кругах, она приняла роль благодарного зрителя, слушателя, посетителя и нашла то, что ей понятно и интересно: концерты симфонического оркестра, музыкальные комедии, современные постановки, архитектурные музеи и выставки пейзажей.

Поэтому в день концерта, пожалуй, во всей в филармонии не было более благодарного и страждущего зрителя.

Празднично одетые одноклассники изучали богатое убранство зала, фотографировались на чью-то мыльницу, разглядывали портреты в холле. Вместе с началом концерта гул ребяческих голосов поутих, и все расселись по местам. Конферансье, худенький мальчишка в смокинге, тонким голоском объявил о начале программы и представил первую артистку. Ею оказалась невысокая стройная скрипачка. Даша слушала мелодию, разглядывая точеное девичье лицо, пытаясь угадать в нем волнение или безмятежность, но вскоре музыка скрипки заглушила пустые поиски и увлекла за собой.

Во время каждого следующего выступления Даша приме-

ряла себя на роль флейтистки или пианистки, и на этот раз она знала, что это не просто мечты, а варианты возможного будущего. Но потом она раз за разом падала в музыку и растворялась в ней.

– Подумать только, – восхитилась Даша после очередного выступления, – как им только удастся! Так играть – в таком возрасте!

– Подумаешь, – фыркнула Светка, сидящая рядом, – я бы тоже так смогла!

– Девочки, тихо, – раздался из-за спины голос учительницы.

На сцену вышел конферансье и объявил.

– Для вас играет призер... лауреат... участник... – конферансье взвизгивал на одних словах и проглатывал другие, – Александр Онищенко!

Даша вглядывалась в сцену, пытаясь понять, где раньше слышала эти имя и фамилию. Может быть, это кто-то из школы? Поэтому их сюда привели? Вроде бы, нет...

На сцену вышел торжественно одетый, гладко причёсанный, бледный паренёк. Пока его представляли, он держался за фортепиано, словно малыш – за руку матери. Чем дольше Даша в него вглядывалась, тем больше понимала: пианистом был её будущий коллега...

– Вонищенко! – удивленно выдохнула Даша.

Светка захихикала.

– Рот закрой, Леонова, – раздался строгий голос учитель-

ницы.

Но Даша уже не слышала замечание, она погрузилась в музыку, струившуюся из-под пальцев четырнадцатилетнего Саши Онищенко. Он начал играть серьезно, сосредоточенно, но через время спину покинуло былое напряжение, хотя она и оставалась прямой до конца выступления, пальцы наполнились легкостью, и музыка чисто, гладко полилась, заструилась, а затем хлынула в зал. Пианист не просто играл мелодию, он словно пел её, словно танцевал под неё, создавая ей и становясь её частью.

«Интересно, – подумала Даша, – я его совсем не запомнила. Хотя, стоп. Я же тогда не пошла с классом в филармонию... Интересно, а если бы я тогда пошла, то обратила бы внимание или, как и все остальные, думала про буфет и фотографии? Вот, оказывается, почему у него такие пальцы... Интересно, он до сих пор играет или забросил? И как мог такой творческий человек стать офисным планктоном? Как он может так играть? Чувствует ли он, этот мальчишка, свою музыку, как я её чувствую?»

Когда музыка стихла, Даша первая в зале зааплодировала.

Глава 12

В этот день Даша, как обычно, справилась с домашним заданием ещё на переменах, поэтому дома в её распоряжении была куча свободного времени. Отсутствие интернета, как выяснилось, этому немало способствовало.

Собрав портфель на завтра, Даша с удовольствием пообедала маминым супчиком, приняла душ, дочитала книгу, а когда взглянула на часы, то обнаружила, что прошло всего полтора часа. Идти гулять с подружками, возраст которых колебался от семи до двенадцати лет, совсем не хотелось. Сославшись на вменённые родителями домашние обязанности, Даша отказала подругам в прогулке, и под их сочувственные взгляды и внутреннее ликование осталась дома.

Малочисленные телевизионные каналы не баловали интересными передачами, поэтому Даша отправилась в поисках развлечения слоняться по квартире.

Без компьютера, смартфона и интернета круг привычного досуга резко сокращался.

Ванная? Йога? Чтение? Даша со вздохом подошла к книжному шкафу. Её взгляд упал на мамину полку: там ютились несколько бульварных романов, а остальное место занимали книги по кулинарии, цветоводству, шитью, тетради с рецептами и блокноты с вырезками из газет о домоводстве.

Раньше взрослые хлопоты казались привычными, едва ли

не естественными, частью заведённого порядка вещей. Позже, когда Даша выросла, она не раз думала о маме, с восхищением и удивлением размышляя о том, как ей удавалось всё успевать: ребёнок, быт, муж, работа. Вдобавок ко всему мама всегда была красавицей и рукодельницей. Сама Даша едва находила силы для уборки и приготовления ужина в один день.

Теперь всё виделось в ином свете.

Каждый день мама крутилась как белка в колесе: завтрак – работа – ужин – стирка – глажка – штопка – уборка – проверка уроков. Если же у неё появлялось свободное время, то тратила она его на семью или хобби: выпечка, шитьё, вязание, цветоводство. Никаких развлечений. «Это пустое!» – говорила мама. Единственное исключение – время, проведённое с семьёй. Все государственные и семейные праздники Леоновы отмечались с помпой, как положено.

В детстве казалось, что мама излишне строга и даже педантична в части уборки. Она протирала антресоли от несуществующей, по Дашиному мнению, пыли, начищала кастрюли до блеска, крахмалила салфетки и воротнички, советила дочь за бардак, кипятила скатерти, вырезала новые и новые советы о ведении хозяйства из журналов и газет, ежедневно мыла полы. «Мы пришли домой в семь, спать легли – в одиннадцать. Когда это мы успели натоптать?» – порой спрашивал папа. Мама в ответ огрызалась и давала папе какое-нибудь задание.

Теперь ясно виделось, что если к кому мама и была строга, так это к себе.

Решение о времяпрепровождении пришло само.

Даша вытерла пыль, погладила гору высохших маек, полотенец и фартуков, полила цветы, пропылесосила. В процессе уборки она обнаружила под кроватью свой плохо спрятанный дневник с девичьими секретами и заляпанную книгу про Пеппи Длинныйчулок. Вспомнилось, как она любила лечь на живот у батареи, есть батон с вареньем, пить чай и читать. Даша давно утратила способность есть лёжа на животе, равно как и любовь к варенью. Однако Пеппи Длинныйчулок осталась также нежно любима, как самая верная подруга детства. Даша бережно отложила книгу, решив позже к ней вернуться.

Затем она изучила содержимое холодильника, пытаясь определить, какие блюда в её исполнении не покажутся подозрительно сложными. Времени оставалось немного, потому выбор пал на компот, сырники и оливье: к счастью, овощи были уже отварены. Правда, пришлось сделать салат без колбасы: её в доме не нашлось. Домашние дела поддавались выполнению сложнее без привычных помощников: паровой швабры, сковородок с антипригарным покрытием и отпаривателя. При мысли о роботе-пылесосе, мультиварке и ноутбуке она обреченно вздохнула. Тем не менее Даша успевала до прихода родителей: дел оставалось немного – заварить свежий чай и помыть посуду.

И вот, когда Даша уже накрыла на стол, на пороге появились родители.

– Даша, ты дома? – мамин вопрос был больше похож на утверждение, – пакеты возьми.

– Привет, давай, – появилась в коридоре дочь.

– А что за запах? – осторожно спросила мама.

– Сегодня я приготовила ужин.

– Ого, – присвистнул папа, – что-то натворила?

– Нет, просто решила помочь, а то я никогда не помогаю, – с обидой произнесла Даша.

– Добровольно? – усмехнулся папа. – Ладно-ладно, давай, корми нас. Вот мы и дожили до этого дня, мать.

Мама к этому времени уже успела разуться, помыть руки и проинспектировать квартиру. Даша не спеша разбирала покупки, когда услышала крик матери.

– Ты что, горошек открыла? – возмутилась она.

– Й-й-й-а... Я... Да, а что?

– Это был горошек на твой день рождения! Обалдеть! Это ж надо было додуматься! – она возмущенно посмотрела на отца.

Тот не выказал ей поддержки, но застыл в дверном проёме кухни, скрестив руки на груди.

– Та-а-ак... – продолжала мама. – Ты ещё и весь творог перевела!

– Почему перевела? – обиженно спросила Даша. – Ты же даже не попробовала.

– Да я уже не хочу ничего пробовать! Так. Стоп. Ты чай новый заварила? Я только утром заварник залила.

– Да он уже весь испитый был, – уже дрожащим голосом оправдывалась Даша.

– Вот как ей объяснить? – устало спросила у отца мама. А потом обратилась уже к Даше: – вот как тебе объяснить? Мы же уже говорили. Нам с отцом задерживают зарплату. Ты даже не думаешь о том, какие у нас счета за коммуналку! Кстати, я всем напоминаю, что свет за собой надо выключать! Одежда, опять-таки, просто горит на тебе. В школе поборы. Накопишь тут на дачу, как же! Сапоги я ношу уже шесть лет! На море заниматься приходится! А горошек я покупаю только на Новый год и на твой день рождения. Не на мой, не на папин, а на твой. С творогом я хотела сделать пирог в выходные.

Глаза у мамы наполнились слезами, и она ушла в ванную, откуда через некоторое время раздались всхлипы и шум воды, который, видимо, должен был эти всхлипы скрыть.

– Ну что же, – как можно более непринужденно хлопнул в ладоши отец, – а я бы не возражал, если бы меня покормили.

В молчании они сели с Дашей за стол. Отец отломил кусок свежего хлеба и принялся за салат.

– А я тебе скажу, оно того стоило, – подмигнул ей папа, – а то гости придут, всё сожрут. Без горошка проживут. А что там, говорят, чай у нас есть. Не нальешь?

– Да, конечно. Ой, – всплеснула руками девочка, – так я

компот ещё сварила, может, компотика хочешь?

– Я надеюсь, он не из замороженной вишни? – осторожно спросил папа.

– Нет, из сухофруктов.

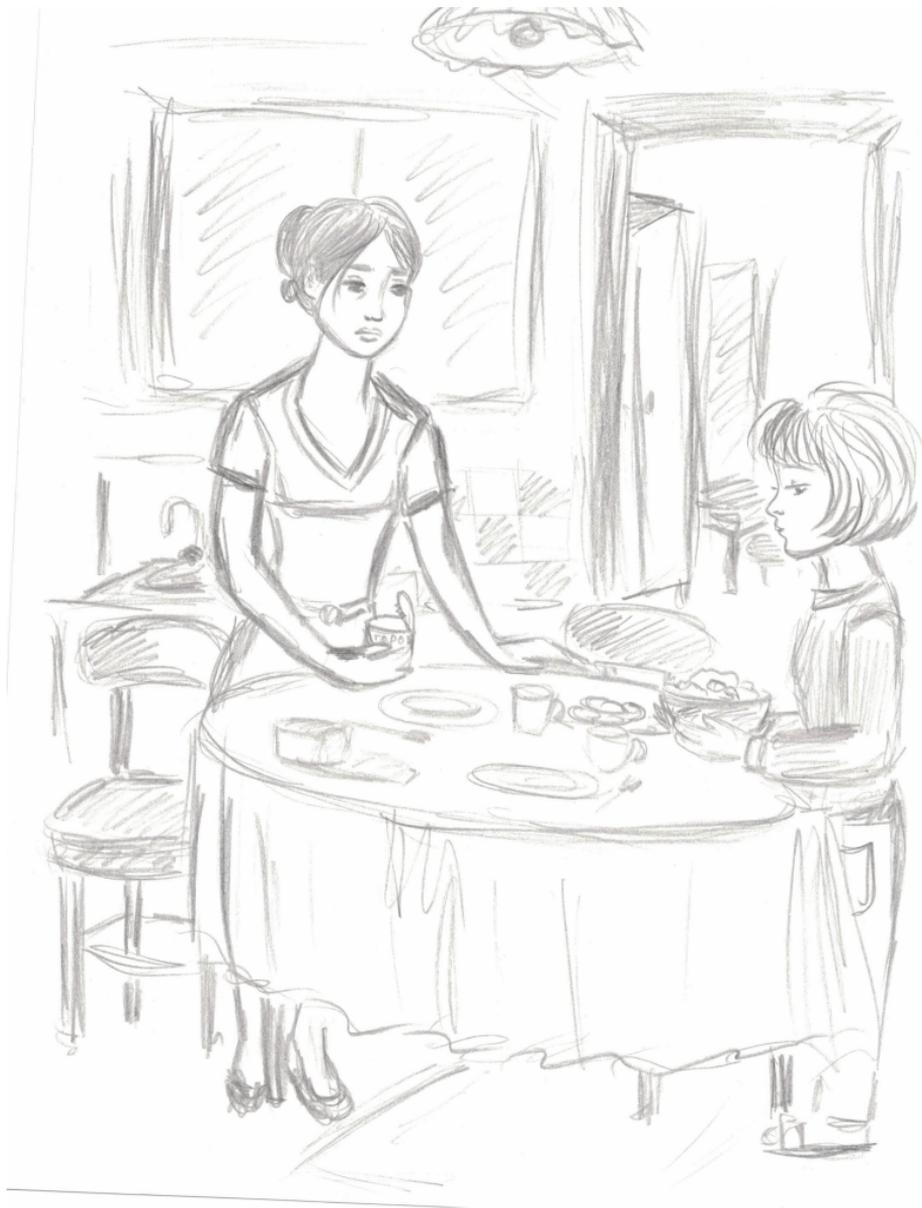
– Тогда неси, – выдохнул он, – и это, захвати там графинчик в холодильнике. Ага, его. И маленькую стопочку.

Вода в ванной смолкла, и вскоре за столом появилась мама. Спокойная, тихая, с опухшими веками.

Она молча положила себе салат.

– Очень вкусно, – тихо произнесла она через некоторое время.

– Мама, я хотела помочь...

– Подожди, доченька. Я не должна была ругать тебя и кричать. Ты молодец, я вижу, что ты и порядок навела, и приготовила. Но и ты, в конце концов, не маленькая! Пойми: сейчас не самое простое время, и мы с папой вынуждены на всём экономить. Это не твоя вина, но мы все должны с этим считаться.

– Если хочешь, мы можем не звать гостей, мам.

– Нет, – категорично заявила мама, – праздник будет, как положено. Разберемся. А если ты впредь захочешь мне помочь, то спроси меня – я скажу тебе, что нужно делать.

Даша виновато кивнула.

Потом за ужином они обсудили школу, затем родители говорили о работе, после чего всё семейство перекочевало к телевизору. Мама за вязанием увлеченно смотрела «Привидение» с Патриком Суэйзи, убегая во время рекламы мыть посуду.

Перед сном Даша слушала, как за стеной ругаются родители, а сама она тем временем пыталась осознать произошедшее. Как она могла забыть, какие времена за окном? Как она могла снова впасть в детское чувство защищенности, безопасности. Как?

Глава 13

Говорят, что интуиция – это скрытые знания. Весь накопленный жизненный опыт, спрятанный в глубинах подсознания, перерабатывается и трансформируется в предчувствие.

Видимо, именно поэтому, когда утро не задалось, у Даша возникло ощущение надвигающейся беды. Сначала она проспала, из-за чего не успела позавтракать, затем пропустила автобус, в ожидании следующего вымокла под дождём, а дальше – снежным комом: опоздание на урок, скверное настроение и вопли разгневанной учительницы.

– Простите, я больше не буду, – заученно и без энтузиазма в третий раз повторила Даша.

– Всё, урок уже начался – звонок прозвенел, – менторским тоном оповестила её учительница истории.

Даша отметила про себя, что через время многое оказалось другим: не таким большим, не таким страшным, не таким важным. Одна вот только историчка также раздражала своим надтреснутым голосом, крючковатым носом и гадким характером.

– Послушайте, – устало произнесла Даша, – урок же всё равно ещё не начался. Я опоздала на несколько минут. Обещаю, что впредь это не повторится. Мы дольше препираемся – я бы уже успела зайти в класс и подготовиться к уроку. Давайте вести себя разумно.

Историчка несколько раз беззвучно открыла и закрыла рот. Учительница редко моргала, и во взгляде её читались удивление, растерянность и ярость. Вскоре она снова обрела речь и произнесла то, что всегда припрятано в рукаве у любого учителя.

– Родителей – в школу. А сейчас. Быстро. К директору, – отрывисто прошипела она, и некоторое время подумав, добавила, – нахалка.

В классе раздавалось довольное хихиканье и шушуканье.

По пути в кабинет директора Даша грызла себя: «Вести себя разумно. Нашла, кому сказать. И это ж теперь маме скажут. Мало мне проблем с родителями, видимо. Вести себя разумно... Вот же балда...» Периодически она останавливалась, вздыхала, бормотала под нос и качала головой.

Миновав длинный коридор, она остановилась у закутка с двумя дверьми: завуча и директора.

– Можно? – постучала она.

– Да-да, – директор поднял голову от бумаг. – Даша? Проходи.

Девочка зашла в кабинет, залитый светом, особенно ярким после полумрака коридора.

– Меня к вам Ирина Фёдоровна отправила, – виновато сказала она. Её покаянный вид не был наигранным – оказаться на ковре у старика-директора ей действительно было стыдно. Прежде в его кабинете она бывала лишь по поручениям учителей, пару раз – для подготовки к важным школь-

ным мероприятиям, и один раз – после выпуска.

– Рассказывай, – со вздохом произнес директор, жестом приглашая Дашу сесть.

Услышав пересказ недавней перепалки, предшествовавших ей неудач и сделанных по пути выводов, директор нахмурил брови.

– Хм, – откашлялся он, – вот что, посиди-ка здесь.

Он выбрался из-за стола и вышел. Через пять минут он вернулся с листком в руках.

– Это задание. Параграф и вопросы, – протянул о Даше листок, исписанный рукой исторички, – до конца урока будешь у меня в кабинете читать учебник. На следующем занятии у тебя всё от зубов должно отскакивать. Хорошо?

– Да, спасибо, – расплываясь в улыбке сказала Даша.

– Я тебя не поощряю, – заметил он.

– Я знаю.

– Но и не наказываю.

– Я знаю.

На этом разговор закончился, и вплоть до звонка девочка не отрывала глаз от книги. Директор иногда поглядывал на неё, ухмылялся и продолжал разбирать ворох бумаг.

Если не брать в расчет неприятный инцидент, день шёл своим чередом. Помимо истории, Дашу ожидали уроки труда, музыки и физкультуры – именно то, что нужно было, чтобы расслабиться и перезагрузиться.

Надеясь, что худшая часть дня уже позади, Даша в ком-

пании школьных подружек шла домой. По пути она радовалась тому, что уроки, казавшиеся в детстве бесконечными, теперь пролетали, как одно мгновение. Это меньше, чем две пары. Это меньше, чем половина рабочего дня.

Поздняя осень походила на раннюю весну, когда в хмурости чудится игривость, а оголенная природа словно собирается распусться новыми красками. На смену утру приходил день. Свежий воздух, легкий ветер и выглядывающее порой солнце пробуждали желание бежать, прыгать по лужам и улыбаться. Школьные подружки, с которыми Даша привычно шла домой, болтали о чудесах, магии, загробном мире, колдунах и домовых.

– А я тебе говорю, я видела! – настаивала Света. – Я видела домового, я тебе говорю. Клянусь сердцем матери!

Слова были обращены к другой однокласснице, Лиде, и призваны доказать правдивость рассказа о том, что Свете пришлось вступить в контакт с домашней нечистью.

– Может, это кот был? – уныло спросила Даша.

Ей так наскучили за последние дни разговоры о куклах, ведьмах, сериалах, учителях, уроках, родах и обо всём, что будоражило детские умы.

– Да я тебе отвечаю, – с ударением на первый слог доверительно произнесла Света.

Это тоже должно было доказывать правдивость, и, очевидно, Лиде аргументов хватило. На её детском лице читалась борьба сомнений с доводами (клятва сердцем матери и

«отвечаю»), и она сдалась.

– Ну не знаю, может, – смущенно согласилась Лида.

– Точно говорю. А потом у нас пропали деньги. Я думаю, что это был домовой. Я не брала. Я вам отвечаю, – доверительно произнесла она.

Лида кивнула, демонстрируя, что больше доказательств не требуется.

– Мама искала, папа искал, я им говорю, мол, точно домовый взял, а они на меня наорали, – продолжала Света.

– Много пропало? – спросила Даша.

– Не знаю, наверное, много, они так искали!

– Нашли хоть?

– Да, нашли.

– И где?

– Да откуда я знаю! Где-то у себя в комнате, я не спрашивала, нашли же.

– Так и причем тут домовый? – спросила Даша.

– А кто их мог переложить? Мама не брала, папа не брал, я не брала, всё до копеечки на месте, а в тот день я видела домового. Это же как дважды два! Зря мы тогда вызывали домовых...

– Слушай, а может, просто забыли, куда положили? – не могла успокоиться Даша.

– Ты что, не веришь мне, да? Мы же все вместе вызывали домового, ты сама видела, что карандаши шевелятся, а теперь не веришь, – обиженно произнесла одноклассница.

– Да почему, верю... – безразлично протянула Даша.

Очередной бесполезный разговор. Не первый и, видимо, не последний – ещё долго ей предстоит изображать ребенка. А так хотелось бы интересной беседы. Или, на худой конец, обыкновенной болтовни, такой, когда пропускаешь автобусы, чтобы продолжить трепаться с подружкой о работе, отпуске, ремонте, ветеринарах и распродажах.

При мысли о переходном возрасте она вздохнула.

Её размышления прервал голос Светы.

– Они так орали на меня... Когда я вырасту, я не буду орать на своих детей. Никогда, – сказала она тихо.

«Будешь», – подумала Даша, вспомнив как повзрослевшая Светка отчитывала за четверку кого-то из отпрысков по телефону во время встречи одноклассников.

– Я думаю, ты будешь отличной мамой, – сказала Даша.

– Отвечаю, буду, – резюмировала Света.

Погруженные в эту беседу, они дошли до Дашиного дома, распрощались, и Даша, поднимаясь по лестнице, размышляла о том, как хрупки наши представления о прошлом и будущем.

Когда она зашла домой, мечты об отдыхе и спокойствии моментально развеялись.

– Явилась, – мама, уперев руки в боки, встречала её на пороге.

– Привет.

– Не приветкай мне тут. Ты как себя в школе ведешь? С

каких пор ты такая дерзкая?

«Как она узнала, нет же мобильных телефонов ещё, кто ей мог сказать?» – думала Даша, вспоминая утренний конфликт со скрипучей историчкой.

– Как ты узнала? – вслух спросила она.

– А ты думала, я не узнаю! – грозно и с вызовом ответила мама.

– Нет, просто ... Интересно... Я бы сама рассказала...

– Спаси-и-ибо тебе! Рассказала бы она! Земной поклон! – мама демонстративно поклонилась. – Дашка, я тебя предупреждаю: не прикусишь свой длинный язык – я тебе сама его укорочу!

– Мам, я ничего плохого не...

– Я! Ничего! Не! Хочу! Слышать! Не доросла ещё!

– Но она...

– Не перебивай меня! Да уж, не думала, что мне придётся краснеть за тебя. Ты вообще, понимаешь, что тебе там ещё учиться? Ты хочешь отношения с учителями испортить?

– Мама, я правда ничего плохого не сделала. Меня даже директор не стал ругать – я весь урок у него просидела. Эта историчка просто на мне сорвалась. Или не знаю: комплексы, может, у неё какие-то...

– Так! Закрой рот! Понахваталась уже! Если мне ещё раз на тебя пожалуются, я не знаю, что с тобой сделаю! Хамить учителям – это последнее дело! Да и вообще – взрослым! Дожили! – мама выдержала паузу и продолжила более спо-

койно, видимо, с ощущением выполненного родительского долга. – Всё, мой руки, раздевайся, иди есть. Быстро.

Даша разувалась и размышляла о том, что день уже не может стать хуже, когда услышала мамин голос.

– А это что такое? – спрашивала она, указывая на наручные часы.

Внутри всё похолодело.

– Это мне... Это мне ... Дали поносить...

– Кто?

– Подружка.

– Какая подружка?

– Ты её не знаешь.

– Какую твою подружку я не знаю? Кто дает ребенку такие часы? Они, похоже, дорогие! А если ты разобьешь?

– Она, она из другого класса, – Даша лихорадочно выдумывала версию, которую мама могла счесть правдоподобной. В противном случае ей оставалось либо отдать маме часы и, возможно, остаться тут навсегда, или перевести часы и... – Мам, я на день поменялась, завтра отдам...

– А ты что взамен дала?

– Я сочинение за неё написала. У меня лучшие сочинения в классе. Ирина Михайловна так сказала.

Даша точно знала, куда давить, – мама старалась сохранить строгость, но оборона уже была пробита. Мама приосанилась и подавила улыбку.

– Это все знают – что у меня самые хорошие сочинения.

Вот она и предложила. Я завтра отдам, честно.

– Смотри мне. И часы убери, нечего, а то сломаешь, – сказала мама и, подумав, добавила, – и нечего за других учиться. Нашлись тоже, лодыри...

Воспитательная беседа завершилась. Оставшаяся часть вечера сюрпризов не принесла: мама лишь изредка для остротки бросала колкие замечания о характере и поведении дочери. Даша спрятала часы в комнате, но не могла отделаться от холодка, пробежавшего по спине, и испуга, настигших её в тот миг, когда она подумала, что застрянет в этом возрасте. Почему-то этого не хотелось, как раньше, когда перед сном она мечтала о втором шансе. Может быть, это неожиданное происшествие – лакмусовая бумажка, ответ на незаданный вопрос.

Пока часы исправно работали, было время подумать – с этого ли периода жизни нужно начинать работу над ошибками. Или стоит перемотать немного вперед – туда, где она относительно независима. С другой стороны, здесь уже столько всего переделано, и куда теперь – всё это?

Что ж, время подумать ещё есть, а подумать определенно есть о чём.

Глава 14

Очередная школьная неделя прошла по плану: быстро, успешно, скучно и до смешного просто. Учителя восхищались Дашиными академическими успехами, смекалкой и богатым лексиконом, одноклассники втайне завидовали и старались держаться поближе. Даша же уставала, но не от учебных нагрузок, а от необходимости ежедневно притворяться проще, младше, глупее.

Привычный ритм выходных был нарушен внезапно назначенным субботником. На улице было зябко, хмуро, промозгло, а серое небо практически легло на крыши домов.

Еле гнущиеся от холода пальцы и хлопаяющий нос создавали угрозу лечения семейными методами, о которых долгие годы Даша вспоминала с содроганием. Главным врачом выступала бабушка, появлявшаяся по маминому звонку на пороге квартиры с кучей баночек, мешочков и исписанной старой тетрадью с рецептами. Она поила хворого отвратительными сиропами, отварами, настоями, делала примочки и ванны, не обращая внимания на любые возражения. Бабушка с деловым видом закупоривала окна, доставала все имеющиеся в доме шерстяные платки и носки, которые сама же заботливо вязала. Примерно через неделю болезнь, а с нею и бабушка, отступали, и жизнь шла своим чередом.

После уборки листьев и сухой травы у школы Даше боль-

ше всего хотелось прийти домой, отогреться в горячей ванне или поваляться под пуховым одеялом с книжкой. Ещё очень хотелось сварить глинтвейна и цедить его под интересное кино, но до этого оставалось подождать ещё лет десять. По крайней мере, можно было позволить себе чай и сладенькое – что-что, а метаболизм и фигура не могли не радовать... От мысли о том, что булочки из любимой пекарни остались в будущем, Даша застонала.

– Что ты там кряхтишь? – спросила мама из кухни и, не дождавшись ответа, приказала: – Давай раздевайся. Мой руки и иди есть.

Даша переоделась, села за стол, и тут случилось страшное: мама поставила перед ней тарелку с рассольником. Даша не любила рассольник в детстве, не смогла полюбить его и потом. Огурцы в первом казались ей чем-то противоестественным. Даша пробовала бороться с ними: она отодвигала их ложкой, зачерпывала только картошку, но склизкие зелёные кусочки просачивались всюду, пропитывали своим вкусом и запахом остальные ингредиенты, а порой казалось, что и посуду. Она нерешительно поковыряла содержимое тарелки ложкой, зачерпнула кубик картошки, попыталась его съесть, но не смогла побороть себя.

- Мам, можно я потом поем, я себя неважно чувствую...
- Да конечно, а то я не знаю, чего тебе резко нездоровится!
- В смысле? – не поняла Даша.
- Хватит придуриваться! Ешь давай! Ты рассольник це-

дишь, папаша твой нос воротит от холодца! Я что, по полдня должна на кухне проводить, чтобы каждому что-то приготовить? Надоело! Всё, в конце концов, суббота, я тоже имею право на выходной!

– Мама, ты отлично готовишь! Ну не могу я его...

– Ага! То есть ты всё-таки нормально себя чувствуешь! То есть всё-таки в супе дело! Ешь, я сказала, – уже взвизгнула мать, – полжизни с вами на кухне торчу!

Даша смотрела на мать, у которой от крика вздулись вены на шее, и вместо страха, который она испытывала в детстве в такие моменты, почувствовала лишь жалость. Невысокая, худенькая, ещё совсем молодая мама – моложе чем на самом деле была Даша – выбивалась из сил, бегала внутри своего колеса.

– Хочешь, я буду тебе помогать готовить? – внезапно предложила Даша.

– Ты уже помогла, спасибо!

Даша вспомнила о той злосчастной банке горошка и съёжилась. Ей хотелось помочь матери. Хотелось сказать: «Да брось ты эту бесконечную глажку, прекрати без конца натирать полы, выкинь весь хлам и успокойся – чёрный день не настанет». Хотелось просто поговорить по душам. Но она была просто ребёнком.

С высоты своего опыта и возраста многое теперь виделось другим. Прежде Даша не замечала удивительного умения мамы готовить разные блюда из одного и сравнительно

небольшого набора продуктов. Замысловатые пироги, блины, оладьи, несчетное количество блюд из картошки, супы собственного изобретения, каши, приобретающие новый вкус в зависимости от добавок и способа приготовления, – лишь позже Даша поняла, каких усилий маме стоило в те непростые времена вкусно и сытно кормить семью.

Да и к тому же, подумалось ей, тот ли она человек, который должен давать советы. Мама, по крайней мере, в тридцать два имела мужа, ребёнка и не объедалась в одиночестве перед телевизором.

– Что тут опять за крики? Кулинарный террор продолжается? – с улыбкой вошел папа.

– Конечно, вам смешно! Попробуйте сами каждый день у плиты торчать! Бардак этот бесконечный за вами убирать! Хоть бы кто «спасибо» сказал! Как так и надо! – мама с грохотом швырнула черпак в раковину и вышла из кухни.

Папа достал из холодильника графин с мутной жидкостью, плеснул на дно кружки и выпил залпом. Потом он сел рядом с Дашей.

– Предлагаю сделку: ты съедаешь мой холодец – я ем твой суп, идёт?

– Я не люблю холодец, – сдавленно произнесла Даша.

– Это с каких пор? – удивился папа.

– Ну вот, больше не люблю.

– Хорошо. Я съедаю твой рассольник, а ты ешь хлеб с маслом и чаем. Но мы об этом никому не скажем.

Папа намазал кусок хлеба толстым слоем масла и протянул дочери. Масло было странным на вид и пахло маргарином, но Даша улыбнулась и откусила большой кусок бутерброда.

– Ну, вот и отлично, – произнес папа, – давай ложку. Сейчас справимся и порубимся в шахматы.

– Правда? – просияла Даша.

– Конечно, давно не занимались, уже придется заново учить, наверное.

«Ну что же, – ухмыльнулась девочка про себя, – тебя ждёт большой сюрприз.»

В этот день дочь впервые обыграла отца.

Глава 15

Каждый год семья Леоновых отправлялась на пикник, посвящённый встрече зимы. Родители говорили, что провожать зиму и встречать весну любой дурак может, а вот радоваться предстоящим холодам, ветрам и вечно хмурому небу дано не каждому.

Мама готовила много сдобных булок, покупала яблоки, морковь, огурцы, помидоры, а папа отвечал за горячие блюда: в лучшие времена – шашлыки и сосиски на костре, в худшие – только запечённую картошку.

Они брали с собой настольные игры, мяч, иногда прихватывали кого-то из друзей или родственников и отправлялись на природу.

Однажды родители поругались накануне ежегодного пикника, поэтому в течение всего следующего дня они общались только по необходимости, да и то, сквозь зубы, но своей традиции не изменили – если в мире и было что-то стабильное, так это осенние пикники семейства Леоновых.

Утро воскресенья выдалось солнечным. Мама уже намазывала сдобные розочки гоголь-моголем, папа проверял по списку сложенные вещи. Даша была готова к выходу через пятнадцать минут после пробуждения – это безусловное преимущество детства.

Дорога к облюбованному месту прошла весело, под песни

и дорожные игры, и вскоре семья развела костёр у ручья. Даша отвечала за поиск хвороста для огня, мама обустроивала бивак – у неё всегда получалось естественно и уютно, как на постановочных фотографиях из журналов, над которыми трудятся дизайнер, фотограф и ретушёры. Папа нанизывал на шампуры хлеб – в этот раз обещали быть тосты на костре и печёная картошка.

Дойдя до ручья, Даша умылась холодной водой, на секунду успев задуматься о риске таких процедур для сухой кожи, но словно в ответ на это в разгладившейся воде появилось её отражение – детская мордашка. Она оглянулась на родителей – на покрывале замерла продолжающаяся весь пикник партия в шахматы, папа норовил стащить прямо из-под ножа только отрезанный кусочек огурца, а мама в ответ смеялась и неубедительно ругала его.

После обеда родители продолжили партию, а Даша рядом рисовала. В поездку она захватила альбом, карандаши и книгу с твёрдой обложкой, заменяющей ей мольберт. Раньше она с завистью смотрела на художников, пишущих прямо в центре города старинные дома, или выезжающих «на натуру». В этих складных стульчиках, обсуждениях палитры было что-то таинственное, величественное, к чему теперь Даша ощутила причастность. В последние дни она увлеченно рисовала, прочитала две книги о живописи, найденные в школьной библиотеке, и вот, впервые выехала на натуру. Было жутко неудобно: пальцы мерзли, альбом постоянно съез-

жал с книги, ноги затекали от сидения в неудобной позе, но Даша была поглощена рисованием и отвлекалась лишь изредка, чтобы сделать глоток чая.

– Ну что, я предлагаю тебе сдаваться, – делая очередной ход, самодовольно произнёс папа.

– Спасибо, конечно, за предложение, но я пока воздержусь, – отвечала ему мама, переставляя фигуры, – так и что там в итоге: свёкр-то на пенсию собирается?

– Да нет, говорит, пока не гонят, поработает. А там, кто знает, может, год-два и его попросят. Сама понимаешь, с деньгами как. Плюс мамина спина, плюс ремонт, – загибал пальцы папа.

– Понятно. И что, неужели ему не хочется пожить для себя? Ну что, ему рулон обоев тот нужен? Или новый шкаф? Да и сколько там той зарплаты! Копейки! И так всё здоровье уже оставил. Я не понимаю...

Папа неопределённо пожал плечами.

– Он так воспитан.

Мама некоторое время разглядывала фигуры на доске, не то размышляя о чём-то своём, не то изучая перспективы шахматной партии. Затем она сделала ход и продолжила.

– А мы? Мы так же будем?

– Как?

– Ну вот так же: до последнего надрываться за новую сантехнику или ...

– ... или дачу...

– Ну зачем ты начинаешь? Представляешь: сейчас бы мы на даче сидели.

– Там нет такого ручья и такого дерева.

– Там можно много деревьев посадить, настоящий мангал поставить и дом построить, потом Дашка с внуками будет туда приезжать. А мы будем сидеть на крыльце, седые благообразные старички, и отдыхать.

– Мы и сейчас отдыхаем.

– Ну ты же меня понял! Вот что им мешает с нами поехать на пикник? Отдохнуть, пообщаться. Неужели им не хочется? Какое на этот раз оправдание, чтобы не ехать? Чем они сейчас заняты?

– Что-то по ремонту делают.

– Вот именно. У них постоянно: дела, ремонт, уборка, закрутка, отмывка, оттирка, затирка, застирка. Знаешь, какое-то обслуживание потребностей организма, а не жизнь. Я их не осуждаю, я просто их не понимаю. Где в этом счастье?

– Ну, видишь как. У них свой отдых, свои развлечения. Моим бабе и деду, например, не снилось такое: валяться у телевизора весь день. Или проснуться ближе к полудню. У них были свои требования времени, представления о работе и отдыхе, у наших родителей – другие. Мы – вот такие получились. А Дашкино поколение вообще неизвестно какое будет ещё. Дашка, будешь к матери на дачу приезжать?

Даша оторвалась от рисования.

– А ты где будешь?

– Я буду дома телевизор смотреть. А мать твоя будет помидоры сажать, картошку окучивать, внуков воспитывать.

– А может, у меня не будет детей, – робко уточнила Даша.

– Вот, – показал папа, – пожалуйста, новое поколение. У них не будет детей. Так что, мать, дача отменяется. Так-с... Это сюда... Последнее предложение сдать, а то раздавлю тебя с позором.

– Она ещё маленькая, – махнула мама рукой, – кто ж в девять лет хочет детей. Женщина без детей – это не женщина.

– Ну а если, правда, не будет у меня детей, мало ли у человека в жизни интересов может быть, – осторожно произнесла Даша, – может, я стану художницей. Буду картины писать, выставки по всему миру будут.

– Одно другому не мешает, – назидательно проговорила мама, – я же как-то управляюсь со всем... Шах... Даш, дай булочку вон ту, надкусанную.

Даша протянула булку.

– Так что, дочь, ты решила быть художницей? Покажи, что там? – кивая в сторону альбома, спросил отец.

Даша развернула рисунок к родителям. На листе был ручей, сопки и осенние полуголые деревья.

– Красиво, – одобрила мама, – но художник – это, конечно, несерьёзно. Это, скорее, хобби.

– Это смотря какой художник.

– Художников тысячи, а зарабатывают единицы. Нужно что-то такое, на что семью можно содержать. Много достой-

ных и интересных профессий – в старших классах определишься... И... Мат! Ваша карта бита! Ты моешь посуду!

– Мы так не договаривались! – возмутился папа.

– Договаривались! Даша, подтверди. А то присоединишься к отцу.

– Подтверждаю – договаривались, – кивнула Даша.

Мама вскочила, чтобы исполнить победный танец. Папа сделал погромче звук, и вскоре они втроем пустились в пляс, распевая и перекрикивая хит, доносившийся из хрипящего радиоприёмника.

Глава 16

Ещё через неделю Даша почти привыкла к новому возрасту и новой жизни. Было много неожиданных минусов в детстве: отсутствие интересного общения, свиданий, финансовой независимости и Интернета. Постоянно не хватало свободы выбора, а порой и права голоса, но удивительным образом, Интернета всё-таки не хватало больше. Зато можно было не переживать о калориях, зарработке и быте. Каждый день, если не каждый час, она то отчаивалась, то снова ликовала, понимая, что ей всего лишь девять.

Ей нравилось быть прилежной ученицей и хорошей дочерью. А так как это не требовало больших усилий, то оставалось много свободного времени, которое Даша решила распределить между чтением, изучением французского языка, рисованием и волейболом.

Даша нашла невесть откуда взявшийся в их доме русско-французский словарь, самоучитель по французскому и двадцать минут в день посвящала изучению языка. В голове постоянно крутилось про десять тысяч часов, необходимых для освоения любого навыка в совершенстве, и вскоре Даша даже стала вести календарь обратного отсчета к дате освоения языка.

Затем около часа она читала, после чего писала короткое эссе на свободную тему. Хотя исписанные листы она прятала

ла в глубины школьного стола, всё же к выбору тем относилась осторожно – кто знает кому на глаза могли попасться её заметки.

Родители с радостью отнеслись к инициативе дочери пойти в художественную школу. Как ни странно, но именно на занятиях по живописи и композиции Даша действительно чувствовала себя девятилетней. Порой она едва-едва поспевала за сверстниками в их творчестве, ежедневном кропотливом труде и совершенно точно уступала некоторым в таланте. Тем не менее, ей нравилось рисовать. А ещё она ощущала, что делает что-то правильное, и это было даже важнее удовольствия.

Трижды в неделю она ходила на волейбольные тренировки, а дома ежедневно делала зарядку. Тело было выносливым, гибким и сильным – таким Даша никогда его не помнила: не то раньше она и вправду была хилой и слабой, не то воспринимала здоровье как безусловную и бессрочную данность. С удивлением Даша отметила, что исчезли боли в спине, с которыми она свыклась за последние годы. Однажды одноклассник решил покрасоваться перед всеми новым умением – звучно хрустеть пальцами. В ответ на это Даша хотела продемонстрировать характерный хруст коленей, раздававшийся при вставании, но ничего не вышло. Девочка раз пятнадцать села и встала, и под улюлюканье одноклассников была вынуждена признать своё поражение. Все хохотали до упаду, вспоминая, как она пыталась извлечь звук из соб-

ственных суставов, но больше всех радовалась сама Даша.

Как ребёнок, впервые научившийся прыгать, Даша снова и снова испытывала пределы своих возможностей. Она с энтузиазмом бежала на уроке физкультуры, училась стоять на руках, становилась на мостик, карабкалась по канату. И даже когда шумно плюхалась на маты, прибегала предпоследней или проигрывала в спортивной игре, неизменно радовалась.

Каждый день девочка помогала маме с домашними делами, удивляя родителей кулинарными способностями и отглаженными рубашками. Они диву давались рвению дочери, а Даша лишь усмехалась про себя: мытьё полов или чистка картошки больше не казались каторгой.

Всё было неплохо. По плану. Продумано. Выверено до деталей. Стерильно.

Но ей было одиноко и скучно. Не покидало ощущение, что она в отпуске, и совсем скоро вернётся домой. А потом она встретится с друзьями, поделится успехами и новостями, расскажет об удивительном путешествии в прошлое. Пожалуй, именно одиночество всё чаще и чаще воспроизводило в голове вопрос: то ли это время, с которого нужно было начинать новый отсчёт, или стоит переставить время на часах, пока батарейка не села, и она окончательно не завязла в теле маленькой девочки с интересами и амбициями тридцатидвухлетней женщины? И что ждёт ещё дальше? Иметь пятидесятилетний жизненный опыт, будучи тридцатилетней? Будет ли эта разница в двадцать лет между телом и душой под-

могой или обузой? Сможет ли она найти родственную душу, обрести друзей, создать семью?

Единственным человеком, с которым ей было по-настоящему интересно, стала преподаватель художественной школы – Анна Ивановна. Она была умной, веселой и красивой. Но главное – лёгкой. Даша всегда мечтала быть именно такой. Такие люди не тащат на себе все будничные хлопоты, своё прошлое и тяжёлое небо. Такие люди просто живут, невзирая на сложности. Они искренне заливисто смеются, закидывая голову назад, слушают чужие рассказы, опершись на руку, и отходят ко сну без губительных мыслей о несбыточном. На уроки к ней дети спешили, как на представление. Возможно, Дашу с её преподавателем роднило и то, что они по сути были ровесницами: Анне Ивановне было около тридцати. Но в её глазах Даша была ребенком, и Даше оставалось только с завистью смотреть, как после уроков она спешит с подружками куда-то или подолгу стоит у телефона-автомата, накручивая провод на руку.

Ещё одной отдушиной, дававшей ей возможность заземлиться, почувствовать, что настоящая она всё ещё здесь, был кофе. На карманные деньги она купила себе самый хороший растворимый кофе, который смогла найти, и пила его, когда оставалась одна дома. Дело было не в сонливости: с молодым телом приложилось и здоровье. Просто отчаянно хотелось чего-то знакомого, привычного. Она наливала себе чашку кофе с молоком, садилась напротив окна, делала глоток и

неизменно морщилась: напиток был с кисловатым привкусом и не вполне привычным запахом. Но потом она расплылась в улыбке и большими глотками допивала всю чашку. Затем она проветривала комнату, чистила содой чашку, старательно прятала банку в шкаф и снова становилась девятилетней Дашей, практически не отличимой от ровесниц.

Как бы то ни было, время шло, дурные мысли чередовались с пятёрками, рисунками, маминой похвалой, стопкой эссе. И с ожиданием будущего.

Неизменным бесконечным томительным ожиданием.

Глава 17

Даша сидела на полу в ванной, за дверью шумели гости, слышались музыка и звон посуды. Она открыла свой старый дневничок, в котором не появилось ни одной новой записи с момента её перемещения, в нерешительности покрутила ручку в пальцах, поставила дату, а дальше текст полился из-под её рук сам собой.

«Сегодня тот день, который мне помнился, как самое светлое детское воспоминание. Мой первый юбилей. Я так ждала его тогда, в моём настоящем детстве, но это даже близко не может сравниться с тем, как я ждала его теперь. Ждала тех ощущений, воспоминаний, того подлинного счастья, которое испытала прежде.

Я не знаю: всё изменилось, потому что сюда вернулась уже взрослая я или я изначально запомнила всё не так, как было?

Мама с утра готовила и убирала. Я пыталась помочь, но она отправляла меня отдыхать и наслаждаться праздником, злясь при этом, что ей приходится делать всё одной. Папа проводил свой день, как обычный выходной. Он посмотрел телевизор, принял душ, а затем надел белую рубашку и единственные праздничные брюки и продолжил смотреть ящик.

Когда пришли гости, я должна была продемонстрировать радость, мама к тому времени уже порядком устала, а папа балагурил и выпивал. Его волосы были взъерошены, а на брю-

ках появилось пятно от салата, но он не обращал на это внимания. Он шутил и сам смеялся, не замечая взгляда мамы и того, что гости отсаживаются от него подальше.

Конечно, я давно знаю, что Деда Мороза нет, а мама и папа – обычные люди. Молодые, знающие о правильной и гармоничной жизни ещё меньше, чем я. Они живут по советам своих родителей, которых же за образ жизни и осуждают, и... по наитию, что ли... Как мне им помочь? Как сделать их жизнь проще?

Могу ли я, десятилетняя, подойти к маме и посоветовать обратиться к психологу? Рассказать ей, что она должна делегировать обязанности? И что совсем не обязательно делать всё «как положено». Или просто поговорить по душам? Каково ей быть такой взрослой и ответственной? Она, в отличие от меня, не знает, что такое сходить на массаж и педикюр, заказать еды, до утра танцевать в баре, а затем спать до обеда. Или – рвануть на праздники в Европу по горячей путёвке. Так странно. Она достойна большего. Большого, чем я.

И вместо детской беззаботности я ощущаю беспомощность. Я чувствую себя бесконечно уязвимой.

Хочется помнить маму заботливой, ласковой, а папу – сильным и весёлым. Хотя бы в детстве они должны быть больше, чем просто людьми. А глядя на них, я вижу обыкновенных взрослых людей. Как я. Как мои коллеги, друзья и соседи. Я и без того знаю, что они просто люди, но я хочу, чтобы в моём детстве они помнились моими героями, моим

щитом, моими друзьями. Лучшими из мира взрослых.

Папа уже сильно пьян. Я вижу, как стыдится перед гостями мама. Она отправила его в мою комнату, туда, где лежит подаренный мне проектор, сославшись на вымышленную мигрень. Конечно, все всё поняли. И мама это тоже поняла. В той, первой, версии моего детства, мы смотрели на звёзды и болтали. Я не могу вспомнить: он был пьян и в первоначальной версии событий? Или моё появление каким-то образом повлияло на ход вещей и привело к этому?

Наверное, я могу остаться здесь, и к тридцати я буду успешна в работе, творчестве, науке, любви... Что там ещё я упустила прежде. Наверное, я смогу переписать всё начисто. Но мне больше недоступны детские радости, как, впрочем, и пока – взрослые. Я постоянно нахожусь в подготовке к жизни, будто когда-то раздастся щелчок, и она начнется. Сколько лет можно провести в таком законсервированном состоянии? Год? Два? Пять?

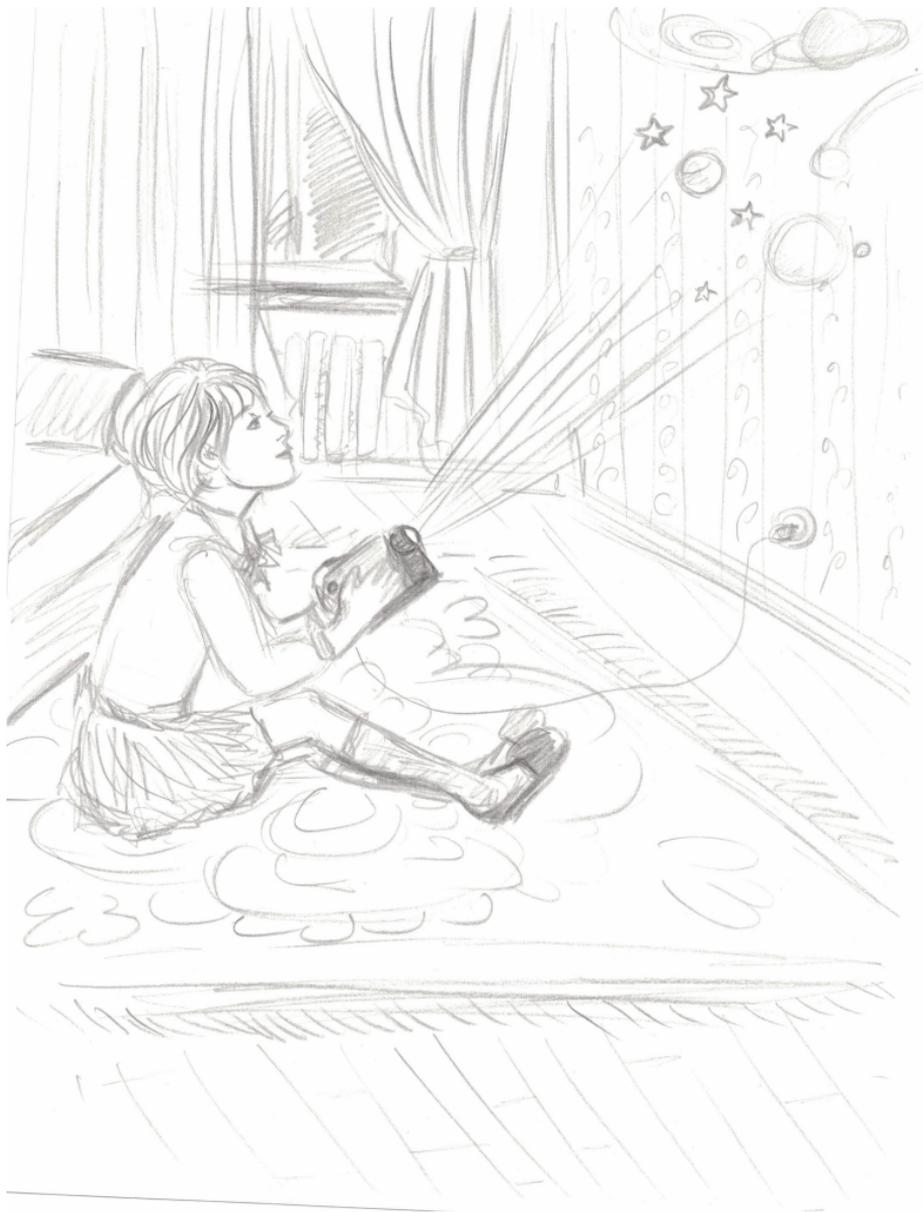
Нет, в целом здесь не так уж и плохо, но, наверное, точкой отсчета новой жизни стоит выбрать другой этап, пока у меня есть такая возможность. Например, студенчество. Это начало взрослой жизни, прекрасный плацдарм для второго шанса. Но при этом я буду совершеннолетней, самостоятельной.

Я хочу оставить себе эту запись, чтобы помнить, почему я ушла из этого времени. Оно было прекрасным именно тогда, когда было мне впору. Я из него выросла».

Даша вырвала исписанный лист из дневничка, сложила

его так, чтобы он поместился в ладони, на всякий случай спрятала дневник и ручку под ванну. На кухне гроыхала музыка, мама суегилась возле стола. В зале гости были увлечены кто телевизором, кто игрушками, кто общением друг с другом. Даша подошла к маме и, изобразив детский восторг, сказала: «Мам, это мой самый классный день рождения! Спасибо». Она понимала, что при перемещении во времени все изменения сбросятся и мама этого не запомнит, но так хотелось сделать для неё что-то приятное. Может, в каком-то самом далёком уголке души сохранится тепло от этих слов, и его не сотрут безжалостные шестерёнки часов. Девочка крепко обняла смущённую мать, прошла по квартире, стараясь наполниться запахами, вкусами, музыкой и смехом, а затем отправилась в свою комнату, куда ранее был сослан выпивший глава семьи.

Отец уже задремал. На его расстегнутой рубашке была пара пятен, куда-то пропал один носок. Просыпаясь от собственного храпа, папа вздрагивал, а потом снова погружался в сон. Даша накрыла отца пледом, легла рядом и включила проектор – на потолке появилось звёздное небо. За дверью зазвучал очередной музыкальный хит, и высоким голосом, какой она использовала специально для гостей, говорила мама.

Даша перевела часы. Она лежала несколько минут, не в силах сделать последний шаг. Какой бы неидеальной не оказалась эта версия событий, всё же это был её дом, её любимые родители, её десятки запасных лет впереди... Даша сделала глубокий вдох, шумно выдохнула и нажала кнопку у циферблата.

Всё вокруг качнулось, звёздное небо стало уплывать, девочка попыталась удержаться от падения с дивана и разжала руку. Исписанный листок упал, и всё исчезло.

Глава 18

Когда мир снова стал устойчивым, Даша оказалась посреди небольшой университетской аудитории, и количество устремленных на неё взглядов свидетельствовало о том, что от неё чего-то ждут. Судя по обстановке – ответа на вопрос преподавателя.

Заметив нечеткое отражение в окне, Даша попыталась разглядеть себя. Хотелось увидеть хоть что-то знакомое, пусть даже ещё совсем юное лицо, кричащий макияж, прыщи, синяки от недосыпа и горящие глаза, но ничего, кроме джинсовой рубашки и длинных волос, собранных в хвост, в мутном стекле различить было невозможно.

Однорूपники, среди которых Даша разглядела и старых друзей, и давно забытых людей, удивленно смотрели на девушку, в то время как она пыталась сориентироваться. Определяя время для нового старта, Даша специально выбирала дату так, чтобы попасть в субботу – двух выходных должно было хватить на то, чтобы адаптироваться и мимикрировать. Как же так она могла просчитаться, что очутилась посреди пары, во время учебного дня?

«Должна же быть ... – подумала Даша и тут же с горечью поняла, – чёрт, суббота же в универе – учебный день...»

– Так и что? – спросил преподаватель, имя, фамилию и дисциплину которого она не могла вспомнить.

Как-то так вышло, что у преподавателей существовали только фамилии: Иванов, Петров, Михеев, Коробов. У школьных же учителей – напротив, были преимущественно имена и отчества, без фамилий, Анна Ивановна, Тамара Михайловна, Нина Владимировна.

«Михеев, – внезапно всплыло в памяти, – точно Михеев». А вот имя-отчество его она, пожалуй, не могла бы назвать даже в свои настоящие студенческие годы.

– Леонова, если вы не знаете, садитесь, – сухо бросил преподаватель и приготовился что-то записать в журнале.

Девушка пробежалась глазами по учебникам, лежащим на столах студентов, и начала смутно догадываться, какая именно пара сейчас шла.

– Простите, у меня... закружилась голова, – сказала Даша, по сути не соврав, – вы не могли бы повторить вопрос.

В аудитории кто-то захихикал, кто-то расплылся в улыбке. Преподаватель молча жевал губы и смотрел на неё, как маляр на кисть – безучастно изучая рабочий инструмент. Зато Даша с интересом всматривалась в лицо, шевелюру и руки Михеева, понимая, что раньше не обращала внимания на его молодость и, чего уж там, привлекательность. Сколько ему? Тридцать пять? Сорок?

– Перспективы развития малого бизнеса. Прогнозы, меры поддержки, возможные сложности, – видимо, решив, что девушка достойна второго шанса, произнёс преподаватель.

Даша удовлетворённо кивнула, предвкушая свой будущий

триумф: ей, как никому другому в этой аудитории известно и о перспективах, и о малом бизнесе, и о ближайшем десятилетии. В ответ она вложила весь свой профессиональный и жизненный опыт, знания, почерпнутые в университете, блогах, книгах, журналах, газетах, политико-экономических ток-шоу, дебатах, новостях. Попутно она добавила немного сведений о грядущих кризисах, долларе и банковской системе.

Отвечая, Даша видела, как вытягиваются лица выскочек с первых парт, как заинтересовались её речью «на Камчатке» (кстати, трое из которых станут представителями того самого малого бизнеса), как пристально смотрит на неё Михеев. Едва ли они могли оценить точность её прогнозов, вероятно, всех заинтересовала её новая манера складно излагать свои мысли, напористость и богатый на термины лексикон.

Постепенно Дашин взгляд переместился из аудитории на картинку за окном, где крупными хлопьями шёл снег, ложась на высокие ели, верхушки которых почти доставали до подоконника. Улицы укрывались пушистым белым ковром, словно выстилая приветственную дорожку для долгожданного гостя.

Глава 19

До конца пары Даша силилась понять: правильно ли она выставила время и не случилось ли какого сбоя? Она перебирала вещи на парте, вспоминала пароль телефона, вглядывалась в лица одноклассников, из-за чего получила удивленный вопрос «Ты чё?» и замечание «Леонова, вы ответили, дайте возможность ответить другим». Подружка, сидевшая впереди, передала записку: «Ты ж говорила, что не готовилась?» В ответ Даша просто развела руками, не придумав ничего лучше, но, видимо, этого хватило, и подруга не стала больше ни о чём спрашивать.

Пара завершилась, ликующая группа на ходу прощалась, расставаясь до понедельника, а Даша в размышлениях сгребла учебники в бесформенную сумку и вышла из аудитории.

И тут Даша увидела Его.

Свою бывшую огромную любовь – Егора. Его угловатость компенсировалась модной одеждой, воспаления на лице – стильной прической, а юное, ещё совсем не мужественное лицо – самоуверенностью.

Он стоял недалеко от зеркала и незаметно для остальных поглядывал на своё отражение. Любовался им.

Планируя будущую жизнь, девушка отлично помнила одни ошибки прошлого и начисто забыла о других.

Зато теперь она точно поняла, что это именно то самое

время – зима, третий курс. Ей – двадцать.

– У тебя всё? – словно продолжая беседу, спросил парень.

– Что – всё?

– Пара последняя?

– А... да, наверное. Подожди, я сейчас, – увернувшись от объятий, бросила Даша и направилась к зеркалу.

Поравнявшись с ним, Даша наконец-то увидела себя. Мама всегда говорила: «Молодые все красивые». Но Даше это казалось сущей глупостью: у одной, вон, зубы кривые, у другой – волосы пережжённые, а она сама – пухлая и низкорослая. Глядя на двадцатилетнюю себя, Даша не могла увидеть ничего, кроме пышущей, сияющей молодости, которая затмевала собой все мнимые и действительные недостатки. Длинные густые волосы были убраны в хвост, ярко-зелёные глаза щедро обведены чёрным карандашом, на щеках виднелись рубцы от юношеских прыщей, а терзавший всю молодость лишний вес на деле отсутствовал.

– Так что, ты свободна? – вклинился в её размышления Егор, исподтишка поглядывая на собственное отражение.

Он никогда не выставлял напоказ любовь к себе – тем не менее, о ней было всем известно.

– В смысле?

– У тебя ж какие-то планы были, вроде на дачу или на какую-то базу вы там куда-то ехать собирались...

– С кем?

– Ты меня спрашиваешь?

– М-м-м...

– Ну тогда пойдём? – взяв Дашу за руку, спросил Егор.

– Куда?

– Пойдём покурим.

– Но я же не курю? – в какой-то момент Даше начало казаться, что она попала не в прошлое, а в альтернативную вселенную.

– Ну я покурю. Пойдём. У меня такой день сегодня. Мне нужно покурить, я тебе всё расскажу.

Радуюсь, что таким образом можно выиграть немного времени и осмотреться, Даша кивнула и двинулась вслед за парнем.

Егор ей что-то рассказывал про академические неудачи, но она с трудом могла уследить за ходом истории: она изучала новый старый мир. Возле закусочной с самыми вкусными пирожками толпились студенты, поток курильщиков устремился к выходу, у актового зала встречались музыканты, очередь в гардероб разрасталась на глазах. Вокруг было шумно, как на ярмарке, а энергию, которую генерировали сотни жаждущих жизни студентов, казалось, можно потрогать руками.

Пока Даша жадно вглядывалась в каждую стенку, ступеньку, дверь родного университета, рассматривала каждое встреченное лицо в поисках знакомых, Егор вывел её на аллею и закурил. Лапы елей и голые ветки берёз были укрыты свежим пушистым снегом. Взлетающие с ветвей птицы сбра-

сывали снег на студентов, стоящих кучками перед университетом, а те лишь смеялись и отряхивали головы. Морозы уже миновали – порою чудилась весна, поэтому снег казался совсем безобидным, дружественным и дурашливым. Весь город словно превратился в белый лист, полотно художника, на котором яркими пятнами проступали силуэты зданий, свет фар, шум трамваев, запахи духов и сигарет. Даша переключила внимание на спутника и попыталась поймать нить рассказа.

– Прикинь, опять на пересдачу отправил. Не знаю, как теперь бегунок брать, этот гад опять начнет мне палки в колёса вставлять, – Егор замолчал и затаился.

Парень долго рассказывал о том, почему не может закрыть очередную сессию, а Даша рассматривала его. В жестах Егора было что-то такое, за чем хотелось наблюдать, как за фокусом, а в речи всегда были словечки и фразочки, которые подхватывало всё бесчисленное множество его друзей. Голос приковывал к себе сразу же, как только Егор начинал говорить. Наверное, это и называют природным магнетизмом. В такого определённо легко влюбиться.

Но сейчас Даша не могла пробудить в себе и капли тех чувств, которые к нему когда-то испытывала. Она не могла разворошить и боль, пронзившую её, когда они расстались. Тогда она проплакала, наверное, несколько месяцев подряд, похудела на семь килограммов, спустила уйму денег на ненужные покупки и ввязалась в неудачный роман. В те

дни первый миг после пробуждения был лучшей частью дня, а в следующее мгновение Даша вспоминала всё, что случилось между ними, и волна боли снова накрывала её. Теперь же всё это стало сухими фактами её биографии, и единственное, что она испытывала, глядя на Егора, – это недоумение.

Наверное, много чего можно было сделать в этот момент. Можно было его поцеловать и проверить, так ли это будет, как ей помнилось. Можно было дать ему пощечину за всё то, что ещё не было сделано. Можно было всё переделать и получить идеальную первую любовь. Можно было в лоб спросить: изменяет ли он ей сейчас или это только произойдёт.

Но недоумение пересиливало. Оно перерастало в непонимание того, зачем ей в новой жизни нужна эта история. История, в которой ей не хочется участвовать и которая закончится предательством. Тем более, она потратила на него слишком много времени: больше, чем стоило, и в конечном итоге, чем Егор потратил на неё.

– Можно заплатить, конечно, но тогда я пролетаю со сноубордом, – вздохнул Егор и снова затаился.

– Слушай, нам надо расстаться.

Слова вылетели сами собой, раньше, чем Даша придумала план дальнейших действий.

– Что? – опешил Егор, его брови поползли вверх и там застыли, а сигарета, поднесённая к губам, осталась тлеть без нового глотка кислорода.

– Не пиши мне и не звони. Дело не в тебе... Хотя, знаешь,

дело в тебе. Абсолютно точно в тебе, а не во мне. Я достойна других отношений. Пока.

– Что я сделал: ты мне не объяснишь? Давай поговорим. Нормально же всё было. С чего ты вообще... Что случилось-то?..

Даша хотела было уйти, но Егор схватил её за руку. Раньше стремительные убегания, страстные попытки догнать и удержать беглянку были частью романтической игры, теперь же ей было неловко перед окружающими, наблюдавшими сцену.

– Пусти, мне больно, я всё сказала.

– А мне не больно?

– Егор. Отпусти.

– После всего, что было, ты бросаешь меня на перекуре? Вот так просто? Я даже не заслужил объяснений или отдельного разговора?

– Такова жизнь, правда, у меня нет внутреннего ресурса на объяснения и выяснение отношений. Отпусти, – Даша попыталась выдернуть руку, но Егор только схватил её крепче.

– Это Янка твоя тебя накрутила.

– Она тут причём? Слушай, ну чего ты от меня хочешь сейчас? Зачем меня держишь?

– Тогда что происходит?

– Ой, Егор, ну прекрати...

– Послушай, давай поговорим вечером. Спокойно, без нервов.

– А я и не нервничаю. И вечером ничего нового тебе не скажу. Я давно хотела расстаться, но как-то не было подходящего случая.

– А сейчас, значит, случай подходящий, – он театрально развел руками, указывая на будничность обстановки, не достойную разрыва большой любви.

– Ну, может, и нет. Но я же не могу теперь повернуть время вспять, – внутренне усмехнувшись и даже испытал некоторое злорадство, сказала Даша, решив, что на это не готова тратить батарейку. Переживёт. Как когда-то пережила она.

– Всё не может так закончиться, давай поговорим, дай нам шанс, – Егор попытался притянуть сопротивляющуюся девушку к себе и поцеловать.

– Всё нормально? – раздался голос рядом с ними.

Егор и Даша одновременно повернулись – рядом стоял Михеев. Пары закончились, и он шёл из университета с кожаным портфелем и стопкой тонких папок в руках.

– Всё в порядке, – ответил Егор.

– Нет, всё не в порядке. Проводите меня, пожалуйста, до общежития.

Егор оценивающе посмотрел на Михеева, поразмыслив некоторое время, отпустил Дашу, развернулся и ушёл, бросив на прощание: «Истеричка». Прежде она бы постеснялась привлечь постороннего к своим проблемам, тем более преподавателя. Взрослого. Двадцатилетняя Даша ощущала себя подростком. Кто-то из одноклассников уже обзавёлся се-

мьей, кто-то из одноклассников – работой, кто-то из друзей – своим жильём, а кто-то просто повзрослел и стал ответственным. Взрослый мир был рядом – рукой подать, но она ещё не была в нём, несмотря на паспорт, внешний вид и браваду.

– Пойдёмте, я вас провожу, – спокойно произнес преподаватель.

– Спасибо, но он уже ушёл, я сама дойду. Я не хотела вас тягивать, – извиняющимся голосом зачастила Даша, – честно говоря, я не ожидала такой реакции. Обычно Егор себя так не ведёт... Вроде... В общем, спасибо, но я сама дойду.

– Пойдёмте-пойдёмте, – кивнул в сторону общежития мужчина, – тут рядом, дольше спорим.

Путь до общежития они проделали в тишине. Девушка иногда поглядывала на преподавателя, то и дело отмечая про себя его осанку, глаза, волосы. Она пыталась вспомнить что-то о его характере из предыдущей версии прошлого, но в голову ничего не приходило: тогда он был просто преподавателем, одним из многих. «Может, – думала Даша, – старик всё специально подстроил? И это просто моя судьба – встретить рыцаря в сияющих доспехах в первый же день перемещения сюда.» Даше захотелось, чтобы он спросил её о чём-то, попросил номер телефона или пригласил на свидание. В конце концов, между ними не такая уж и большая разница в возрасте! И если раньше она не замечала (или игнорировала) сигналы из мира взрослых, то теперь она ощущала химию,

энергетику, возникшую между ними. Он ведь не просто так вступился за неё. Но преподаватель молчал. Лишь проводив её до самых дверей общежития, он сказал:

– Если у вас какие-то проблемы, не бойтесь обратиться за помощью. Поговорите хотя бы с куратором. Кто у вас куратор? Вера Семёновна? Поговорите, хорошо?

– Хорошо, – растерянно произнесла Даша.

– Ну всё, до свидания.

– До свидания, – в тон ему произнесла она.

Михеев развернулся и не оглядываясь пошёл в сторону автобусной остановки. «Ну что же, – подумала Даша, – Не стоит хотеть слишком многого от одного дня. Пожалуй, самое важное для себя я уже сделала – бросила Егора. Вернуться стоило хотя бы ради этого».

Даша задержалась на крыльце, размышляя о том, что хорошо помнит, как ей было больно, когда Егор её предал, как она страдала, как разочаровалась в мужчинах. Но совершенно не помнит, как и когда ей стало легче. Шли дни, месяцы, годы. Появлялись новые люди в её жизни, сентиментальные фильмы лечили душу, а романтические песни – снова её бередили. Случались романы, влюбленности и расставания. Возникали задачи, хлопоты, проблемы, цели, планы. Боль предательства и обиды растворялась во всем этом разнообразии внешнего мира, постепенно переходя из острой в хроническую. Её жизнь словно разделилась на две части: одна включала в себя всё хорошее и плохое, но реальное,

другая же была потаённой и состояла из скорби об ушедшей любви и разрушенных мечтах. Эта вторая часть вплеталась в обычные дни и проявлялась, например, когда ей случалось проснуться в разочаровании от того, что это был лишь сон. Или, когда случайно найденная милая безделушка напоминала о совместных праздниках или романтических прогулках. Или кто-то похожий на Егора ехал рядом в автобусе. Со временем к дежавю и страданиям выработалась резистентность. Это происходило постепенно и очень-очень медленно. И вот теперь, спустя десять лет, она не могла найти в себе ни единого уголька, из которого можно разжечь прежний пожар любви или ненависти. Когда для неё всё окончательно угасло? Когда ей перестал сниться Егор? Когда она перестала вспоминать? Восемь лет назад? Семь? Пять? Странно: то, что казалось целой Вселенной, теперь представлялось ей таким незначительным.

Даша зашла в общежитие.

Глава 20

Студенческим домом Даши была комната в общежитии, в которой она прожила все пять лет. На третьем курсе одной её соседкой была Кристина, первокурсница, проведшая первое полугодие в веселье, а второе – в попытках избежать отчисления. Последнее, кстати, ей не удалось. Другой соседкой была Таня, отличница, активный профсоюзовец и участник модного танцевального коллектива.

Комната оказалась не совсем такой, какой была в воспоминаниях Даши, впрочем, к этому девушка уже успела привыкнуть. Помнилось, что она была безвкусно обставлена, плохо убрана и тесна. Теперь же виделся дневной свет, который лился через широкое окно, мечты, замершие в картах желаний, постерах и фотографиях, буйство цветов, посаженных в банки из-под майонеза и разномастные горшки. В каждой детали комнаты был дух молодости и приметы их студенческой девичьей жизни: на столе – недопитая кружка кофе, наверное, Тани, спешившей на пары, на тумбе – развалившаяся стопка журналов Кристины, след от пролитого красного лака на пороге, дешёвые блузки и свитеры, сохнувшие прямо в комнате, самодельный абажур, «дендрарий» – уголок с комнатными растениями, названный так людьми, ни разу не бывавшими в настоящем дендрарии, пёстрые домашние одеяла, деревянные стулья, обитые коричневым сук-

ном, клеёнчатая скатерть, забытая кем-то гитара. Странно было спустя годы увидеть всё снова и понять, насколько в комнате было уютно. Тогда же, в студенчестве, было неловко перед гостями за небогатое убранство и постоянно хотелось лучшей жизни. Хотелось дом, в который не стыдно привести гостей: с виниловыми обоями, отдельной гардеробной, высоким изголовьем кровати, хорошим кофе и стеклянным столовым сервизом.

Даша заглянула в холодильник и присвистнула от удивления – в нос ударил прогорклый запах, ни одна из полок с продуктами не внушала оптимизма. Затем девушка проинспектировала свой гардероб (покосившийся шкаф, стоявший здесь ещё до её заселения), косметичку и кошелек. Радовало одно – теперь она снова была взрослой и могла решать сама: что носить, что готовить, что делать. И раз уж на то пошло, не стоило терять ни минуты.

Переодевшись, Даша приготовила большие пакеты, куда отправились безвкусные украшения, пёстрые блески для губ, просроченные тени для век, линялые футболки, жутко модные вульгарные топы, испорченные продукты (вне зависимости от их принадлежности), старые тетради (которые, как показал жизненный опыт, никогда не пригодятся), засохшие горшечные растения, кружку с отколотой ручкой, пустые флаконы из-под духов и декоративные фигурки. Выкинуть ежедневник с планом на очередной год рука не поднялась, хотя даже при беглом прочтении каждый второй пункт для

новой Даши был неактуален. Она долго колебалась, разглядывая один снимок в рамке. На фотографии были Даша с Игорем: одинаковые кепки, похожие клетчатые рубашки, в руках шампуры. Даже глаза одного цвета – поэтому их часто принимали за брата и сестру. Хороший был тогда день, они проговорили весь пикник, и к вечеру расстались уже близкими друзьями...

Даша вынула снимок, порвала его, и отправила к остальной гряде мусора.

Итак, получилось четыре больших пакета, нашедших своё последнее пристанище на помойке.

Закончив уборку, она отправилась в магазин. Потратить все деньги Даша не могла: она не помнила ни когда будет стипендия, ни когда родители переведут на карманные расходы, ни какие траты ей предстоят, ни какие нынче цены. Отдельной проблемой был пин-код от банковской карты, который не удавалось вспомнить, – оставалось надеяться, что привычка хранить все документы в ту пору уже сформировалась, и бумаги из банка где-то в комнате. В сумке Даша обнаружила кошелек с несколькими купюрами и кучей мелочи – она взяла пятую часть суммы, которой хватило на картошку, морковку, лук, небольшую, подозрительно дешёвую курицу, гречку, яйца, пакет молока и весовое печенье. Остальное было отложено до выяснения обстоятельств.

Рассуждать о том, что деньги – не главное, могут позволить себе только самые богатые или самые несчастные. Да-

ша не относилась ни к тем, ни к другим, поэтому с горечью была вынуждена признать, что отвыкла от дешёвых продуктов, отсутствия выбора в еде, нехватки стирального порошка и остального, что раньше воспринималось как должное, но вскоре забылось, как страшный сон, всплывая только как часть баек из студенческой жизни.

Следующим пунктом в списке дел было освоение кухни, холодной, грязной и с вечно забитой раковиной. Но готовка отвечала требованиям правильно питания, экономии и заботы о здоровье, поэтому выбора не оставалось. Даша вздохнула на пороге и двинулась к свободному столу.

– О, Лео, привет... Ты что, готовить собралась? – спросила её курившая и выдыхавшая дым в форточку пятикурсница, оглядывая принесённые продукты, старые кастрюли и чёрные от копоти тяжёлые чугунные сковородки.

– Привет, Кать, да вот, надо, – улыбнулась Даша.

– А я думала, ты не умеешь готовить, – безразлично и безоценочно сообщила Катя, забираясь на подоконник.

– Почему ты так решила?

– Да мне кажется, я тебя за готовкой не видела никогда.

Даша неопределенно пожала плечами – наверное, так и было. Пожалуй, она и правда готовила на общежитской кухне считанные разы. Вечно не хватало времени, желания, да и, пожалуй, навыка. По крайней мере, так было раньше.

Удивительно было видеть Катю такой же, какой она помнилась: жизнерадостной, беззаботной и общительной. По-

том она станет строже, серьезней. И бросит курить.

– Что готовишь?

– Суп сделаю. Курицу потушу, гречку сварю. И яиц – на утро.

– Что, стипендию дали?

– Наоборот – деньги заканчиваются.

– А-а-а-а... Понятно, – протянула Катя, выдыхая дым, – да, в столовке не питаешься. Тоже, что ли, к тебе прийти, приготовить что-нибудь. Или в магазин сходить? В холодильнике мышь повесилась.

– Приходи, вместе веселее.

– Посмотрим. Куча дел, знаешь ли, сериал не смотрен, кровать не лёжана. Но если голод победит – мы встретимся.

Катя выкинула окурок в открытую форточку и отхлебнула мутную жидкость, похожую на кофе. Потом она плеснула её остатки в раковину, ополоснула кружку и ушла.

Зазвонил телефон – на экране высветилось имя, и Даша нажала «отбой». Игорь настойчиво продолжал звонить. Девушка, не найдя в себе сил для ещё одного серьезного разговора, написала короткое сообщение о том, что садится батарея, и отключила телефон.

Ловко управляясь с готовкой, Даша настроила старенький радиоприёмник, стоявший на кухне, и с головой погрузилась в современную музыку. Восторг узнавания забытых песен теснил ностальгию, и, пользуясь тем, что кухня безраздельно принадлежала ей, Даша начала подпевать. Через десяток

песен, она вошла в раж и даже стала пританцовывать, увлекшись в итоге настолько, что не сразу заметила появление Тани.

– Ой, привет, я тебя не слышала, – улыбнулась она, убавляя громкость.

– Ну ещё бы, – хихикнула соседка, – слышишь, а чего так в комнате пустынно. Ты убирала что ли?

– Немного.

– Узнаю руку мастера. Я так и подумала, что это ты. Сегодня же очередь Кристины.

– Ну просто, настроение нашло. И время было.

– Вы поменялись?

– Нет, я же говорю, просто... Будем считать, что я ей немного помогла.

– Понятно, – несколько мгновений Таня молчала, что-то обдумывая, а потом заговорила со злостью в голосе, – ты зря ей потакаешь. Она – свинья и лентяйка. А ты за неё генералишь. Мы же договорились.

– Слушай, я о ней совсем не думала, у меня такой день был... Мне нужно было руки чем-то занять...

– А что случилось?

– Да там...

– С Егором?

– Ага. Потом расскажу.

Таня хмыкнула.

– Хочешь поговорить? – многозначительно произнесла

Таня.

– Да нет, не сейчас, – пожала плечами Даша.

– Как скажешь, – бросила Таня, поджав губы, и кивнув в сторону плиты, спросила: – а это что, гостей ждёшь? Или тоже руки занимала?

– Да нет. Просто надоело это вот: лапша, пряники, макароны. Уже желудок болит. И зад.

– Болит?

– Растёт. И денег прорва уходит.

– Ну и правильно! Я тебе уже давно говорю, – Таня заглянула во все кастрюли по очереди, пока говорила, – слушай, дай супчика. На Кристину ты уже поработала, а я чем хуже?

– Ты – лучше.

– Вот именно. Значит, на меня тоже нужно поработать. Пока только поваром. А то мне уходить скоро, не успеваю.

– А потом кем?

– Если хорошо себя покажешь, будешь личным ассистентом. Как сыр в масле кататься будешь!

– Обещаешь? – с улыбкой спросила Даша.

– Обещаю! – решительно подтвердила Таня.

– Договорились. Тогда бери кастрюлю, неси домой.

Таня взяла кастрюлю с супом и отправилась с ней в комнату. Следом Даша отнесла чугунную сковороду с отломанной ручкой, потом сходила за оставшейся посудой, а вернувшись в комнату, обнаружила там три тарелки и восседавшую за столом Катю. «Изящное решение», – подумала Даша. И,

вновь привыкая к особенностям жизни в общежитии, промолчала и принялась наливать всем суп.

– Суп – класс, – через пару минут коротко бросила Катя.

– Ага, – подтвердила Таня.

На некоторое время в комнате воцарилось молчание, прервавшееся с приходом Кристины.

– Привет, – улыбнулась ей Даша.

Катя и Таня молчали, а Кристина оторопело смотрела на Дашу.

Отношения между двумя её соседками были чем-то средним между семейными склоками и дедовщиной. Хотя Даша старалась соблюдать нейтралитет, Таня на правах подруги считала её своей союзницей. После отчисления Кристины её непримиримая противница довольно долго грустила, хотя открыто в этом не признавалась.

– Привет, – удивленно ответила она.

«Так. Или мы сегодня сто раз виделись, – подумала Даша, – или я забыла про какую-то очередную вражду».

Судя по тому, что Таня не ответила, а едва не нырнула в тарелку, второе предположение было верным.

– Слушайте, у нас сегодня вечеринка, приходите, – предложила Катя, справившись с супом.

– Где?

– У нас, в двести пятнадцатой. Берите алкоголь для себя. Закуска есть. Ну, если хотите, по желанию можете принести.

– Сегодня я – пас, – ответила Даша, – я пока убирала, хо-

дила в магазин, готовила, так устала, что хочу только упасть и спать без задних ног.

– На том свете отоспимся!

– У меня сейчас тренировка, – сказала Таня, переодеваясь, – а потом посмотрим.

– Как хотите, моё дело предложить. Если денег нет, так приходите – я не оставлю вас трезвыми и грустными. Ладно, я пошла. Спасибо за суп!

Катя выскользнула, а за ней и Таня. На столе остались стоять пустые тарелки.

Остаток вечера Даша посвятила погружению в новый старый мир – она изучала свидетельства нынешней жизни: фото, записки, чеки, конспекты, содержимое сумок и коробок, заменявших шкатулки. Девушка, как и при первом перемещении, раз за разом удивлялась, что прошлое, оказывается, помнилось лишь в общих чертах, а при приближении – обростало подробностями, которые словно не вспоминались, а узнавались впервые.

К вечеру Дашу переполняли эмоции, планы, нахлынувшие воспоминания, но физическая усталость брала верх. Даша решила лечь пораньше, переделась в пижаму, легла на узкую казённую кровать и повернулась к стене. Перед её глазами предстали светло-коричневые обои с рисунком из контуров тёмных квадратов и появившихся из-за неправильной стыковки обоев при поклейке – ромбов. Даша провела рукой по линии одной из фигур. Она была точно такой, как ей

помнилось. Когда Даша уже была готова отойти ко сну, где-то, видимо, в двестипятнадцатой, громко заиграла музыка. Сон стал невозможным.

«Если не можешь победить – присоединяйся», – подумала она и стала натягивать джинсы.

Глава 21

Балансируя на подтаявшей наледи и блестящем насте, Даша не спеша пробиралась к общежитию. Приходилось постоянно останавливаться и ловить равновесие, делать это было сложно, с учётом того, что в руках у неё была папка с документами, а на ногах – сапоги со скользкой подошвой. Спасали каблучки, которые девушка использовала на манер альпинистских кошек, солнце, устроившее весенний концерт в конце зимы, и отличное настроение.

Через две недели после своего триумфального возвращения во время пары, Даша успела освоиться.

Не обошлось без нелепых ситуаций и забавных происшествий. Один раз она предугадала неожиданный для всех исход футбольного матча – Даша только потому его и запомнила в своё время, что он был непредсказуемым. В другой раз она принялась подпевать премьерную песню по радио. А однажды и вовсе – напомнила Тане о её грязном секрете, позабыв, что узнала о нём только перед выпускным. Таня расплакалась и заподозрила Дашу в чтении дневника, на что Даше пришлось сделать ход конём – разрыдаться в ответ, воззвать к доверию во имя дружбы и на ходу придумывать ложь.

Она забывала даты, имена, лица, номера аудиторий, но, списывая всё на девичью память, в большинстве случаев с лёгкостью выходила из неловких ситуаций.

Было только одно, к чему привыкнуть не получалось, – безденежье.

Раньше оно казалось безнадежным и бесконечным. Старинные анекдоты про две сосиски и шестнадцать вилок, общежитские будни только подтверждали обязательность студенческой нищеты.

Спустя годы Даша не раз думала о том, что тогда, в университете, всё могло быть иначе: сытнее, веселее, качественнее, уютнее. Просто нужно было постараться, поверить в себя, доказать родителям, что можно совмещать работу с учёбой, перестать находить оправдания собственной лени.

Теперь Даша как никогда была уверена в необходимости работы. Дополнительно мотивировала недлинная и неутешительная история банковских операций по карте, пин-код к которой удалось обнаружить среди документов в комнате. Даша составила резюме, купила газеты с объявлениями и зарегистрировалась на сайте по поиску работы. Последнее, кстати, было не так-то просто. Пришлось вручить шоколадку счастливой обладательнице интернет-модема из соседней комнаты, записаться в компьютерный класс библиотеки и попросить Яну отслеживать все уведомления в её личном кабинете. Критериев выбора будущей работы было немного: во-первых, она не должна мешать учёбе, а, во-вторых, хоть как-то да оплачиваться. Поскольку таких нетребовательных соискателей было немного, Даша стала одним из работников приюта для животных. Коллектив состоял из директора

и основателя приюта, Тамары, и работающих на полставки двух ветеринаров. Тамара была грузной пожилой женщиной, казавшейся неповоротливой и медлительной ровно до тех пор, пока не принималась за работу – тогда она словно сбрасывала лишние килограммы и годы и лечила, убирала, звонила, оформляла, встречала, провожала, добивалась, крутилась, бежала, порхала. Она недолго спрашивала о навыках и ожиданиях Дашу, радуясь каждому полученному ответу, и вскоре от формальной беседы перешла к сердечному приветствию в рядах приютовцев.

Преодолев самый сложный участок пути, Даша более уверенно, ритмично зашагала по плохо расчищенной и щедро приправленной песком дороге. Она чувствовала себя, как солдат на победном параде, и это пробуждало в ней боевой дух. Что ж, пора было сделать ещё кое-что. Не останавливаясь, чтобы решимость не покинула её, она набрала номер мамы. На том конце вскоре ответили, и Даша поведала о событиях дня. К её удивлению, известие о трудоустройстве не вызвало шока у родителей. Мама и папа уточнили, не повредит ли это успеваемости, и, удовлетворившись ответом, перешли к более насущному, по маминому мнению, вопросу, а именно к сообщению о том, что с каким-то едущим в город соседом Даше направляется сумка с гостинцами. Так что приготовленная для дебатов речь о преимуществах совмещения работы и учебы осталась не востребованной.

Волнение перешло в радостное возбуждение, уверенность

дошла до максимума, и в таком прекрасном расположении духа девушка двинулась в кулинарию за пирогом – отметить с соседками хорошие новости.

Глава 22

«Входящий звонок. Игорь» – высветилось на экране мобильного. Даша смахнула красную трубку и уже привычно написала: «Занята». Вариантов коротких сообщений, отправляемых Игорю в ответ на сброшенные звонки и пространные сообщения о мире в целом и Дашином поведении в частности было много: «позже», «потом», «не сейчас», «на паре», «сплю», «ем» и, наконец, «лишние уши». По задумке скоро он должен был утратить былой энтузиазм, и со временем общение плавно сошло бы на нет. И кто знает, может быть, годы спустя, у него появилось бы новое начало.

– Дарья, – из-за двери кафедры появился Михеев, – проходите.

Даша зашла в тесный кабинет, заставленный столами и стеллажами.

– Присаживайтесь, – указал ей на свободный стул преподаватель.

На прошлой неделе он задержал её после пар и велел зайти в понедельник на кафедру для разговора. Пребывая в томном неведении, Даша рисовала картины их предстоящей беседы. Она успела примерить на себя его фамилию (откровенно говоря, Дарья Михеева звучало хуже, чем Дарья Леонова), вообразить страстный роман или робкие ухаживания, представить себе первое свидание и выбрать цвет штор в бу-

душей спальне.

– Спасибо, – произнесла она, устраиваясь на стуле.

– Перейду сразу к делу, – он чуть подвинулся вперед, положив руки на стол, – в последнее время вы немало меня удивляете своими ответами на семинарах. Я поговорил с вашим куратором и с преподавателями. У вас хорошие отметки, но, я так понимаю, вы раньше не занимались научной деятельностью?

– Я? Нет.

Конечно, Даша предполагала, что у разговора должен быть какой-то благовидный предлог, но такого поворота она не ожидала.

– У вас очень интересные рассуждения. Сразу виден аналитический склад ума. Хотите поучаствовать в научной студенческой конференции? Она будет в апреле. Большую работу вы не успеете написать, но небольшой доклад ещё вполне можно. Это только первый этап, если успешно выступите, пройдете дальше, а там уже и доработаете.

– Куда – дальше?

– На межвузовский этап, а потом, кто знает, может и на всероссийский.

– Но о чём я буду писать? У меня даже идей нет.

– Об этом не переживайте. Я набросал несколько вариантов тем, я думаю, вам с ними будет интересно поработать. Не бойтесь, я буду вам помогать. Времени осталось мало, поэтому придется работать много и активно, встречаться нужно

будет минимум пару раз в неделю. Но скажу честно, я вижу в этом большой потенциал.

В голове у Даши крутилось про часто встречаться и большой потенциал, а остальное потерялось в потоке затуманенных девичьих мечтаний, поэтому она без раздумий согласилась.

В приподнятом настроении она отправилась в столовую, где была назначена встреча с Яной. С момента перемещения они только болтали по телефону, поэтому Даша едва успела подавить смешок, увидев Яну. Это был недолгий период, когда её подруга решила побыть блондинкой. Тогда же она злоупотребляла ярким, тяжелым макияжем по утрам, а в остальном это была та же Яна.

– Ну что там твой сказочный принц? – спросила Яна, как только подруги обнялись и пристроились в хвост очереди.

– Звал меня на конференцию.

– Это эвфемизм?

– Нет, реально предложил заниматься научной деятельностью.

– А это эвфемизм?

– Seriously. Буду доклад писать.

– М-да... Не тот мужик нынче пошёл... Мне, пожалуйста, двойную картошку, биточек и компот, – последние слова были обращены к повару на раздаче.

– Солянку, – заказала Даша.

Расплатившись, подруги отправились за маленький сто-

лик в углу зала.

– Ты согласилась?

– Да. А что мне терять? Во-первых, это интересно. А во-вторых, наверное, было бы странно, если бы Михеев с бухты-барахты позвал меня на свидание. Пообщаемся пока, познакомимся получше.

– Как по мне – ничего странного, но дело ваше. А посему перейдём к другим, более важным темам. Видела? – протянула руку подруге Яна.

Даша машинально посмотрела на маникюр, потом на безымянный палец, но ни там, ни там не обнаружила ничего примечательного.

– Что?

– Ну, ты что, не видишь? Браслет, ну!

На руке у Яны был тонкий серебряный браслет.

– Красиво. Это откуда?

– Глеб подарил, – с довольным лицом сообщила Яна, – у нас с ним вчера было три месяца.

– Поздравляю.

– Как ты думаешь, у нас всё серьезно?

– Думаю, да, – уверенно сказала Даша.

– Знаешь, я тоже так думаю. Никогда не встречала таких парней.

– Да ладно, тебе всего двадцать.

– Двадцать один, вообще-то. Но спасибо. Я серьезно, мы как будто сто лет знакомы. И одновременно каждый раз, как

будто первая встреча – так волнительно и свежо. Понимаешь?

– Понимаю. Влюбленность называется.

– Любовь! Кстати, а ты как, Егор не звонил?

– И ничего не кстати. Не звонил, но писал длинные и проникновенные сообщения. Про то, какой он хороший, а я – плохая. Но он, так и быть, готов меня простить и принять.

– А ты что? Совсем не хочешь помириться? У вас же такая любовь, такая страсть была.

– Страсть – это ещё не всё. Вот скажи, честно, как ты думаешь, для жизни нужен такой человек, как Егор? Ну он же не надёжный совсем, безответственный и легкомысленный. Да и истеричный, если честно. Мне нужен стабильный человек. Рассудительный, основательный. Это не мешает, кстати, ни веселью, ни романтике.

– Ой, а когда ты успела стать такой серьёзной? И если честно, я думаю, что страсть – это, может, ещё не всё, но это девяносто процентов отношений. Если страсти нет, то нет и любви, это уже просто дружба. И если у тебя страсть с этим конкретным человеком, то надо за него держаться. Я не говорю, что нужно всё терпеть, но если есть хоть малейший шанс, хоть искорка, то нужно бороться.

– Мне кажется, ты недооцениваешь значение комфортности, надёжности. Ну не будешь же ты всю жизнь с бродячим музыкантом, голодным художником, весельчаком, балагуром и душой компании.

– Слушай, ну я же тоже не оторвана от реальности. Я понимаю, что нужно будет покупать квартиру, рожать детей, откладывая на старость. И что рядом должен быть человек, на которого можно положиться. Но если на одной чаше весов будет лежать настоящая любовь, а на другой – комфортная и уютная жизнь, и совместить их никак не получится, то я выберу первое. Если не истинные чувства, то ради чего всё это? – Яна неопределенно повела руками.

– Любовь, знаешь ли, тоже бывает разной.

– Ой, только не начинай, моя мама так тоже говорит.

– Твоя мама умная женщина.

– Умная. Только папа забыл про годовщину, а Глеб – вот, – Яна снова кокетливо протянула руку с браслетом.

– Ну, вы с Глебом-то всего-ничего...

– Если любовь остыла, значит нужно уходить. Мирно, по возможности оставаясь друзьями, но уходить. Жизнь коротка, она одна, заново начать не получится. Понимаю, что это банально, но от этого неправдой не становится. Хотелось бы, конечно, чтобы совпало всё: первая любовь, сильная страсть, на всю жизнь. Но, если не получается, нужно не бояться изменить. Так ты что, испугалась, что Егор взбалмошный? Ты поэтому его бросила?

– Нет, Яна, я просто заново на него посмотрела. И он мне не понравился.

– Странная ты, Дашка. Ещё недавно сидела, рыдала, как ты его любишь и ревнуешь, а теперь – само безразличие.

Даша пожала плечами.

Мимо их стола прошла Дашина приятельница.

– Ир, привет.

Ира посмотрела на Дашу ровно в то мгновение, когда та поняла, что они не университетские друзья, а коллеги. И знакомство их состоится лет через пять.

– Привет, – смущенно произнесла Ира и прошла дальше.

Даша с облегчением выдохнула.

– Это кто? – поинтересовалась Яна.

– Да так, ты не знаешь, – отмахнулась Даша

– Понятно. Что там, кстати, у тебя с работой. Ты же вышла уже?

– Да, уже всю работу.

– Слушай, а тебе не кажется, что вся эта история с трудоустройством – не больше, чем сублимация, и ты так переживаешь расставание с Егором?

– Да дался тебе этот Егор! – возмущённо воскликнула Даша, но равномерный гул столовой поглотил её выкрик.

– Я просто спросила. Ты же устроилась практически сразу после вашего расставания.

– Это никак не связано. Ну, может, у меня просто появилось свободное время на что-то новое.

– Понятно. Я загляну к тебе на неделе. У моего Йорика остался корм, который ему не подошёл, вы же принимаете?

– Да, конечно, – обрадовалась Даша, – я тебе там всё покажу.

– Вот и хорошо, а то мы с тобой так редко видимся в последнее время. Слушай, а может, сходим куда-нибудь, потанцуем, познакомишься с кем-нибудь.

– Ян, я с удовольствием, но столько дел: учёба, работа, конференция теперь ещё, совсем нет времени.

– Понятно, – сухо сказала Яна и, слегка прищурившись, начала разглядывать Дашу, – если передумаешь, дай знать. Ладно, я пошла, у меня ещё пара.

– А, ну давай. До встречи тогда!

– Ага, пока. Ты подумай!

Яна залпом допила полстакана компота и убежала. На экране Дашиного телефона снова высветилось «Входящий звонок. Игорь». Даша сбросила вызов и написала: «Шумно, перезвоню».

Она убрала телефон в сумку и продолжила обед.

Глава 23

Горячий кофе норовил выплеснуться из картонного стаканчика через маленькое отверстие в пластиковой крышке, поэтому Даша решила сделать небольшой перерыв в бесконечном забеге самосовершенствования и присела на скамейку в холле университета.

Прошло уже больше месяца с тех пор, как она вернулась на свой третий курс. Даша успела вспомнить или заново узнать всё, что касалось её будней: расписание, имена, последние сплетни и актуальные мировые новости. Помимо запала, с которым она приступила к новой жизни, стали появляться и первые результаты, изменения событий, перемены в ней самой.

Работа над собой была изнурительной, ежедневной и рутинной. Она начала бегать пару раз в неделю, правильно, насколько скудный студенческий бюджет это позволял, питаться. По утрам Даша выделяла время для чтения, а вечерами обязательно находила хотя бы десять минут для медитации. Порой хотелось бросить всё, но она собиралась с духом: стакан воды, пробежка, обливание холодной водой, чтение, подготовка к парам, рисование, кружок, медитация, кефир, уборка. К концу дня она без сил валилась с ног.

Как купюра, забытая весной и найденная в куртке осенью, порадовало Дашу осознание, что при приближении ни она,

ни её жизнь не были так плохи, как ей раньше казалось и помнилось: талия была на месте, в гардеробе нашлось немало сносных и даже приличных вещей, а сэкономленные деньги позволяли выпить чашечку-другую настоящего зернового кофе – прямо как бизнес-леди в её детских фантазиях.

В университете она записалась на кружок ораторского искусства, где помимо полезных навыков, приобрела нескольких поклонников. Внимание воздыхателей тешило Дашино самолюбие, но отклика в её сердце не находило – его занял другой. Пётр Михайлович Михеев. Очень кстати был научный проект, который уже две недели они готовили к надвигающейся студенческой конференции. Глубокие познания в экономике, аналитический склад ума и перспективу блестящей карьеры видел во время их встреч Михеев. Даша же видела только его голубые глаза, густые волосы, очерченные скулы и невероятную улыбку.

Денег на съемную квартиру или хотя бы комнату ещё не хватало, но зато на работе дела шли очень хорошо – таким ценным специалистом она не чувствовала себя ещё никогда. Конечно, не всякий рабочий день был интересным и не каждая история приютского питомца заканчивалась счастливым финалом, но, когда случалось найти новых владельцев для выздоровевшего и окрепшего кота, она понимала, что вернуться стоило хотя бы ради этого.

И хотя жизнь налаживалась, Дашу не покидало чувство, что она налаживается в вакууме. Оказалось, что исчезнув-

шие ошибки, прихватили с собой важную часть её жизни. И те события, воспоминания о которых были с ней годами, попросту не случились.

Память избирательна, и, вместо торжественного вручения аттестатов на выпускном балу, ты почему-то запоминаешь потрескавшуюся обшивку на сиденьях в автобусе, который везет повзрослевший класс встречать рассвет, вместо вечеринки в новогоднюю ночь – хлопья снега, красиво падавшие в свете фонаря, вместо знаменитых достопримечательностей во время заграничного отпуска – дорожку солнца в море, ведущую к горизонту. Как-то затираются, замыливаются воспоминания о первом свидании, волнительном экзамене, сложном собеседовании, долгожданном путешествии, но спустя годы, ты закрываешь глаза, и можешь словно наяву представить раскаленную дорогу, убегающую от велосипеда, себя, десятилетнего, и руки, лежащие на руле. Случайные мгновения запечатлеваются в памяти, словно фотографии: вот найденный камень в форме сердца, вот мама, уснувшая на диване прямо в фартуке, вот трещины на асфальте по пути до университета. Как снимок, появившийся в результате случайного щелчка пленочного фотоаппарата, остаются кадры, мгновения, зарисовки в памяти, занимая место тех событий, на которые плёнки уже не хватило.

Что теперь было реальным? Что с ней случилось? Была ли на самом деле прогулка до рассвета с Игорем, Яной и Лерой, а после – сонное ожидание первого автобуса и попытки

скоротать время за игрой в города? Это всё ещё воспоминание, но из той, первой жизни, или просто фантазия, ведь ни с Игорем, ни с Яной, ни с Лерой теперь этого не случилось. А та ночь во время зимней сессии на четвертом курсе, когда Даша и Катя выпили бутылку вина за разговорами до утра, написали послание себе в будущее и запечатали его в бутылку. После Даша часто трогала шершавую этикетку и думала, когда же они соберутся снова, чтобы прочесть письмо. Они встречались с Катей не раз, но разговоров до рассвета больше не было. Как, впрочем, теперь не было и той бутылки, и того послания, и той шершавой этикетки.

В новой, исправленной версии событий, куда-то пропали посиделки с соседками по комнате, вечеринки в общестии, свидания, длинные беседы с лучшим другом, бесконечные походы по распродажам, бестолковые тусовки. Одним словом – всё, что было тратой времени и лучшими моментами юности. Общение с приятелями и подружками было скомканным, оборванным, неловким. Даша путала факты, не узнавала людей, пропускала важные события. Сначала её спрашивали о причинах перемен, произошедших в ней, но вскоре просто перестали искать общения. При этом сама Даша скорее злилась, что вынуждена отвлекаться на такие мелочи, чем испытывала искреннее чувство вины перед теми, кого обижала.

Так каждый остался при своём. Даша – в своём образцовом мирке, остальной неидеальный мир – без Даши.

Глава 24

Деревья и кусты под окном шумели вновь обрётённой листвой. Даша вглядывалась в молодые зелёные точёные листики и гадала, когда же набухшие почки раскрылись. Каждый день во время перерыва Даша подолгу стояла с кружкой чая, рассматривая голые ветки кустарника. Сначала они покрывались инеем, потом сырели от туманов, затем на них появились почки с таящимися внутри зелёными листиками. Даша ждала, словно на свет должны были появиться птенцы или бабочки. Но как-то вышло, что она всё пропустила: за несколько дней куст укутался листвой, и теперь можно было ждать только листопада. «Наверное, в выходные», – решила она. На подоконник запрыгнул рыжий кот и вальяжно развалился. Даша погладила ленивца, на что он ответил утробным урчанием. Вспомнился непослушный кот, оставшийся в другом времени, в квартире с невыключенной плитой. Внутри всё съезжилось, но Даша отогнала от себя дурные мысли, стараясь рассуждать настолько здраво, насколько это вообще было возможно.

Служебными обязанностями Тамара нагружала Дашу аккуратно, словно боясь спугнуть. Сначала ей было поручено разбирать старые договоры, письма, счёта. После того как Даша привела архив в лучшее из возможных состояний, Тамара с облегчением выдохнула и поручила ей отправку

корреспонденции. Постоянными обязанностями молоденькой сотрудницы стали также выгул животных, покупка корма, уборка собачьих вольеров и кошачьих лотков.

Приют выбивался из сил и бюджета. Ремонт был старым, деревянное крыльцо ветхим, а горячую воду перекрыли в незапамятные времена. Единственной причиной найма ещё одного сотрудника Даша сочла Тамарину больную спину: ей тяжело было управляться с животными и подолгу возиться с уборкой. В один из дней Даша молча взяла ведро со шваброй и добровольно приняла на себя ещё одну обязанность – мытьё полов. Тамара, занимавшаяся этим ранее, некоторое время робко сопротивлялась, но вскоре с благодарностью приняла помощь.

Дашины руки мерзли и синели, пока она терпеливо мыла металлические и пластиковые мисочки в холодной воде, меняла воду в старом ведре, подолгу стирала старые тряпки окостеневшими пальцами. Решив, что проблему нужно решать в корне, девушка взяла на себя инициативу по ведению социальных сетей. Коллеги поддерживали её, хотя до конца не верили, что это как-то поможет поправить дела. Удивлению их не было предела, когда количество волонтеров, благотворителей и людей, готовых взять котёнка или щенка из приюта, кратно возросло. «Четвероногим другом» даже заинтересовалась местная журналистка, и после выхода её статьи в приюте появились чиновники, меценаты и горячая вода.

Зарплата едва превосходила стипендию, однако порой Даше казалось, что Тамара даже приплачивала ей из своего кармана. От прямых вопросов начальница уклонялась, а намёки предпочитала не замечать.

Тем не менее девушке даже нравилось, что она ещё может позволить себе работать ради удовольствия: пока обязательства в её жизни были преимущественно морального, а не финансового свойства. Все недостатки покрывало то чувство, которое она испытывала при виде благодарных собачьих глаз или урчании довольного кота. К тому же, коллеги оказались душевными и отзывчивыми. Они взяли Дашу под крыло и помогали, чем могли: старые тяжелые общежитские шторы были выстираны в машинке дома у одной из сотрудниц, её постоянно баловали вареньем, соленьями и выпечкой, а ещё вскоре выяснилось, что у каждого без дела в кладовках и на дачах пылятся вещи, в которых так нуждалась Даша: настольная лампа, большая сковородка, тюль, не подошедшие кому-то по размеру новые кроссовки, цветочные горшки и книги.

– Дашенька, – отвлекла от размышлений девушку Тамара, – иди прими корм.

– Поставщики или благотворительность?

– Благотворительность. Это Сашенька, хороший мальчик, можешь заодно с ним и познакомиться, он тут часто бывает, что-нибудь да приносит. Так что, думаю, вы увидите ещё.

Даша положила на подоконник кота, который тут же на-

чал недовольно вылизывать лапы, и отправилась в приёмную. Подтянутый блондин стоял к ней спиной, в ногах у него сидел обычно нелюдимый кот Нафаня. Кот тёрся о ноги гостя и тархтел громко, как трактор.

– Вы Сашенька? – улыбаясь спросила Даша.

Настроение было хорошее, и Даша подумала, что если отрекомендованный Тамарой парень был завсегдаем, то и местное чувство юмора ему должно быть знакомо.

– А вы, стало быть, Дашенька? – с улыбкой повернулся к ней парень.

С Дашиного лица сползла улыбка. Ей улыбался молодой Вонищенко. «Точно, – подумала Даша, – он же Александр Юрьевич. Сашенька, стало быть».

– Я не хотел вас обидеть, я пошутил. Наверное, это было неуместно. Вас так назвала Тамара, – попытался объяснить он Даше, на которой не было лица.

– Я... Нет, всё в порядке... Мне просто показалось, я вас раньше видела, но я, наверное, ошиблась.

– Может, и не ошиблись, я много где бываю, – развел руками Саша, явно ожидая услышать от девушки места, где они могли встретиться, – может, в тренажёрке? Или на концерте? Я клавишник в «Море внутри». Слышали?

Но Даша молчала, разглядывала молодого Вонищенко, и пыталась угадать, сколько ещё таит в себе секретов этот человек, казавшийся ей занудой, выскочкой и педантом. Ещё в её голову закралась мысль о том, как странно выходит: она

встречает Онищенко каждый раз, как ставит свою жизнь на правильные рельсы. Может быть, такие люди теперь её должны окружать: благотворители, спортсмены, музыканты?

– Я не буду вас отвлекать, возьмите, тут корм, а тут – наполнитель, – прервал её размышления Саша, видимо, потеряв надежду на продолжение беседы, – ну, я пошёл. Всего хорошего. До встречи!

– В смысле? – встrepенулась Даша, – в смысле, «до встречи»?

– Вы же здесь работаете? Я прихожу сюда пару раз в месяц.

– А-а-а! Ну да! До встречи.

У двери Вонищенко оглянулся на Дашу и вышел. Даша отметила для себя, что из нескладного и угловатого мальчишки в филармонии, он превратился в рослого плечистого парня. И как это из Сашеньки Онищенко он стал там, в будущем, таким... Она на мгновенье даже перестала разбирать пакеты, осознавая, что совершенно не знает каким «таким». Что она о нём знала? Что у него длинные пальцы, проблемы с парфюмом и перфекционизм в работе? Наверное, стоит подарить ему какую-нибудь приличную туалетную воду – сделать инвестиции в своё будущее. Хотя... Прежняя работа с ней наверняка уже не случится. Да и выкроить деньги на туалетную воду из мизерной зарплаты – проблематично.

Девушка вернулась к работе, постепенно вытесняя из памяти неожиданную встречу мыслями о том, как дальше сов-

мещать работу с грошовой зарплатой, успешную учёбу и попытки приспособиться к бурлящей жизни общежития.

Оставалось признаться себе, что снять квартиру с ванной, собственной плитой и стиральной машиной в ближайшем будущем не получится. С другой стороны, не всё было так плохо: Дашин организм снова стал двадцатилетним, поэтому она могла спать по три часа в сутки, при этом сохраняя на утро концентрацию и приличный внешний вид. А это значило только одно: и квартира, и плита, и стиральная машина, и карьера, и деньги – всё это становится ближе.

Даша вздохнула, закончила разбирать пакеты и включила чайник.

Глава 25

Дни постепенно сливались в недели.

Всё больше Даша вспоминала слова старика о том, что мы переоцениваем своё влияние на реальность. Методично, упорно она трудилась над собой, а мир оставался примерно таким, каким был прежде.

Становиться новой, более правильной версией себя было тяжело: режим дня, учёба, тренировки, работа, самообразование, быт – всё это, хотя приносило чувство глубокого удовлетворения, немало выматывало. Очень хотелось хоть раз выспаться до самого доньшка или провести выходные в безделье. И очень хотелось повеселиться от души, натанцеваться впрок, поэтому она без раздумий согласилась, когда Яна позвонила и пригласила на вечеринку.

Сабантуй планировался в квартире у Яны – подруга быстро перечислила по телефону имена приглашённых, и, судя по их количеству, намечалась крупная вечеринка.

Вместо этого в назначенный день пришедшая Даша обнаружила только пятерых друзей, понуро глядевших на неё.

Яна, Таня, Вова, Игорь, Лера сидели за пустым столом. В квартире царил тишина. Ничто не выдавало духа веселья: обувь пришедших стояла на полке, а не образовывала озеро из наспех сброшенных ботинок, пахло чистящими средствами, а не сигаретами, алкоголем и пищей, телевизор и музы-

кальный центр молчали, а сонный чихуахуа беззастенчиво зевал на своей лежанке.

– Эм-м-м, – произнесла Даша, – что-то случилось?

Вопрос был риторический: исходя из обстановки, а также того факта, что некоторые из присутствующих имели лишь шапочное знакомство либо вовсе не знали друг друга, вывод напрашивался сам собой. Их объединяло только одна – она. Даша.

– Заходи, садись, – показала на свободный стул Яна.

– Вы меня пугаете, – сказала Даша.

– Ты нас тоже, – буркнул Игорь.

– Что?

Игорь и Даша рассматривали друг друга, стараясь скрыть удивление. С момента её возвращения в двадцатилетний возраст ей удавалось избегать своего друга, ссылаясь то на правдоподобные, то на совсем нелепые предлоги. Она не отвечала на звонки, чтобы не попасться в сети былых иллюзий. Даша была так довольна собой, считая, что пункт по переписыванию истории с предательством друга выполнен с блеском. И вот теперь она впервые за долгие годы снова увидела его, причем, именно прежнего, и как считала Даша, настоящего его. Как всегда, немного задумчивый, всклокоченный, одетый в неизменные клетчатую рубашку и джинсы, Игорь сидел перед ней и изучал новый Дашин облик.

– Подождите, я сейчас всё объясню, – остановила их Яна, взяв на себя роль председательствующего.

– Слушай, если что-то случилось, скажите мне лучше сразу. Я уже нервничаю. Где все? Где вечеринка? Кто-то умер?

– У нас вечерника в узком кругу, Даш, мы хотели с тобой поговорить.

Даша оглядела присутствующих. Игорь пытался поймать Дашин взгляд, в то время как Лера, наоборот – сидела потупившись. Вова хлопал глазами, как кукла, которая издаёт «мама», если её перевернуть. Таня держала осанку, смотрела уверенно, сцепленные в замок руки положила на стол, и Даше показалось, что для завершения образа не хватает только пионерского галстука.

– Мы собрались здесь все ради тебя. Мы с Игорем давно заметили, что с тобой что-то происходит, – продолжала Яна, – а потом я случайно встретила Таню. Она поделилась своими наблюдениями. Ты по-другому ведешь себя, разговариваешь, выглядишь. Ты рассталась с Егором. Таня, вон, говорит, что и вся общага обсуждает, что ты стала странная, не общаешься ни с кем. Зубришь постоянно. Полы драишь, как будто у тебя обсессивно-компульсивное расстройство. Спать ложишься в одиннадцать...

– Это ты всех собрала? – нетерпеливо перебила её Даша.

– Дай договорить. После встречи с Таней моё беспокойство усилилось, и я поговорила с Лерой. Лера подтвердила мои опасения. Я даже звонила твоей маме...

– Что?! Зачем?..

– Не бойся, я не сказала ничего лишнего. Сделала вид,

что потеряла твой номер, немного поболтали. Она, кстати, тоже заметила перемены в тебе. Правда, в отличие от нас, она этому только рада.

Яна говорила мягко, вкрадчиво, но уверенно. Как шуруп, мягко ввинчивающийся в дерево. Могло показаться, что это разговор тет-а-тет, а присутствующие просто случайные свидетели или любопытные зеваки.

Сколько Даша её знала, Яна всегда была такой: решительной, эмпатичной, отзывчивой. Ей не давалось это через усилие или сложную работу над собой. Вспомнилось, как однажды они долго по телефону спорили о цвете кофты, виденной накануне в магазине. Даша утверждала, что она серая, Яна же была уверена, что – фиолетовая. Девушки долго иступлённо пытались доказать правоту, узнавая каким цветом оппонент видит окружающие предметы. Выяснилось, что обе видят серым асфальт, кота, обитающего у ларька, и дверь в Янину комнату. Одинаково фиолетовыми представлялись лак для ногтей, сумка и юбка Яны. Но согласия в определении цвета кофты они так и не достигли. Находясь на грани взаимных оскорблений, они договорились встретиться в магазине у той самой кофты. Стоя вместе у манекена, разглядывая одну и ту же ткань при одном и том же освещении, каждая осталась при своём мнении. Часто вспоминая о том случае, Даша думала, что видеть мир в другом цвете, под другим углом – просто в Яниной природе. Дашин же удел – видеть серое.

– Ну, если мамочка меня одобряет, кто я такая, чтобы послушаться? – саркастично заявила Даша.

– Нет, что ты, мы переживаем. Ты не приходишь на назначенные встречи, не отвечаешь на звонки. Да ты забыла про день рождения Игоря!

– Вот чёрт, – виновато произнесла Даша, – с прошедшим, что ли...

«Как я могла забыть? – пронеслось в голове у неё, – Дача, баня, день рождения. Почему мне никто не напомнил? Как об этом можно было забыть?! Как я не учла?! Я должна была помнить...»

– Даш, ты прости, конечно, но ты отвечала за подарок. Это хорошо ещё, что у меня был номер брони и я смогла выкупить билеты! – вставила Лера.

– Подарок – это не так важно. – махнул рукой Игорь, – Но вот что интересно, я ведь звонил тебе, а ты просто сбрасывала. Потом ещё сообщение прислала, мол, телефон сел.

– Вот чёрт, – подтвердила Даша, смутно припоминая, что день рождения был около даты её перемещения.

– Я понял, что ты врёшь, мы виделись с тобой перед последней парой в мой день рождения. И я, если помнишь, тогда брал твой телефон, чтобы позвонить маме. Так что у тебя всё нормально было с зарядкой. Я это точно знаю. Не мог телефон сесть за одну пару. Но ты почему-то наврала и не пришла. Я думал, это Егор тебе не разрешил идти, и поэтому запретил остальным тебе писать и звонить. Я не злюсь, ты

пойми, – продолжил Игорь, – но всё это вместе свидетельствует о том, что что-то происходит.

«Интересно, – подумала Даша, – это же не случайность, что из всех возможных вариантов меня притянуло именно в день рождения Игоря. Почему этот день показался мне самым подходящим? Не летние каникулы, не новогодняя ночь, не любая другая дата на календаре? Может быть, подсознание мне пыталось что-то подсказать? Может, у меня на подкорке эта дата выбита, вытатуирована, выжжена? Как рефлекс у тех собак? Или это просто совпадение?»

– М-да, – виновато протянула Даша, – неловко получилось... Я плохо себя чувствовала, а потом эта история с Егором, и как-то всё вылетело из головы... Если честно, я не знаю, что сказать в своё оправдание.

Даша испытывала жгучее желание вновь перенестись в прошлое и переделать всё, не наломав дров. Но здравый смысл подсказывал, что расходовать на это заряд часов не стоит – в конце концов, её поведение можно было назвать в худшем случае непорядочным. Станным. Но если всё получится исправить в глобальном смысле, то кто вспомнит об этом инциденте через пять лет?

– Если честно, ты не выглядела подавленной или расстроенной, когда плясала на кухне. А потом вообще пошла на вечеринку к Кате, – заметила Таня, и Даше в деталях вспомнился день её перемещения, – это же было тогда, правильно? Когда вы расстались с Егором.

– Тебя никто не винит, – покровительственно сообщил Игорь, – мы просто переживаем за тебя.

– Ну что ты хочешь от меня услышать? Мамой клянусь – у меня всё хорошо, – на восточный манер произнесла Даша, – так пойдет?

– Даш, ты себя вообще слышишь? Что значит – «вылетело из головы»? Ты что, хлеба к обеду забыла купить? Как можно было забыть про день рождения друга? Про вечеринку, которую мы готовили несколько недель? Да так забыть, что не вспомнить ни через час, ни через день, ни через неделю! – хлопнула Яна рукой по столу. – Конечно. Мы все меняемся. Но не так же резко. Не в один день. Что-то должно было произойти.

– А кто вам сказал, что в один день всё случилось?

– Давай проследим последовательность событий. Всё хорошо, мы все планируем поездку на дачу, ты влюблена, как кошка, всё в порядке. И в какой-то момент – бац, – Яна щёлкнула пальцами, – ты не приходишь на день рождения лучшего друга, не берёшь трубки, бросаешь Егора, выбрасываешь половину вещей из комнаты, а потом начинаешь вести себя, ходить, краситься, одеваться и говорить по-другому. Даже если и не в один день, то, согласись, достаточно резкие перемены.

– Тебя кто-то из нас обидел? – спросил Игорь. – Скажи сейчас. Я тебя обидел?

– Нет, – коротко ответила Даша, и помолчав продолжи-

ла, – никто меня не обидел...

– Даш, ты здорова? Может быть... Может быть, ты бо-
решься с какой-то болезнью? – робко вклинился Вова.

– Нет, Вовчик, я здорова, как никогда.

Вова кивнул, два раза моргнул и больше голоса не пода-
вал.

– Черт знает, может, ты в какой-то секте, у меня с трою-
родной сестрой такое было, – выдала Таня, – или, может, у
тебя депрессия из-за Егора всё-таки? Может, ты подседа на
что-то? У тебя есть суицидальные мысли?

– Что? Нет. Да я уже забыла про этого неудачника.

– Точно? – воскликнула Лера. – Вы точно – всё?

– А то тебя это остановило бы! – в сердцах воскликнула
Даша, но тут же осеклась: она не знала, когда именно Егор
начал изменять ей с Лерой, поэтому не знала, имеет ли право
уже злиться на неё.

Даша снова оглядела присутствующих. Сложно было аб-
страгироваться от собственных воспоминаний и видеть в со-
бравшихся тех, кем они являлись сейчас – обеспокоенных
друзей.

Вот Таня, которая пообещает после выпуска поддержи-
вать связь и видаться хотя бы раз в месяц, но вскоре раство-
рится где-то в заботах, делах, станет перезванивать всё ре-
же. Однажды она вовсе забудет перезвонить и никогда уже
не вспомнит об этом.

Вот Вова, который был хорошим другом и компанейским

парнем ровно до тех пор, пока не решил заявить Даше о своих чувствах. Это был тот редкий случай, когда она не изображала из кокетства недоступность и непонимание, а правда не замечала сигналов. Когда же в день назначенной дружеской встречи он появился с охапкой цветов и, краснея, признавался в любви, Даша сгорала от стыда, растерянности и злости. Ну почему он всё испортил? Почему раньше не намекал? Она пыталась перевести разговор в шутку, что только усугубляло ситуацию, краснела в ответ и мечтала, чтобы этот разговор скорее закончился. Даша была готова развернуться и просто убежать, позже сославшись на увиденное приведение, диарею или невыключенный утюг. Но Вова был настойчив, игнорировал намёки, снова краснел и пытался поцеловать.

При воспоминании о том дне к Даше возвращался жгучий стыд, обида и разочарование. Они договорились быть друзьями, но с того дня больше не виделись.

Или вот, Лера эта, например. Можно ли на неё злиться за то, чего она, возможно, ещё не совершала? Но ведь может же! Она в принципе на это способна!

Вспомнилось, как они ездили вдвоем с палаткой на море, но, не выдержав лишения дикого отдыха, сняли дешёвую комнатуху. Половину их поездки лил дождь, Лера варила какао, Даша делала бутерброды, и они до поздней ночи смотрели мелодрамы и фантастику. Или как Даша приходила ночевать к Лере, и они устраивали кино вечера в пижамах и с

масками на лице. Или как до утра танцевали в дешёвом кабаке, не пройдя фейс-контроль в модный клуб. А ещё вспомнилось, как Лера виновато смотрела на Дашу, признаваясь в интрижке с Егором. Зачем она созналась тогда, Даша так и не поняла. Может, не хотела лгать, а может, хотела вывести их грязную связь в свет. Легализовать, что ли. Её сложно было ненавидеть: она всегда была доверчивой и легкомысленной, но и простить тоже не получалось. Девушки даже некоторое время после того разговора продолжали общаться: не то по инерции, не то в попытке сохранить лицо, но для этих отношений требовалось много усилий. Слишком много.

И Игорь. Ей очень хотелось снова обрести своего лучшего друга, но думая о том, на что он способен, она чувствовала себя как мотылёк, летящий на пламя свечи. Даже не так – это слишком поэтично для отвратительной истории, случившейся между ними. Скорее, как венерина мухоловка и насекомое. Но вот же он здесь, ещё заботливый, честный и добрый, пока ещё не похожий на венерину мухоловку.

– Это было всего один раз, – сдавленно произнесла Лера, – как ты узнала? Я не хотела тебя... Я думала... Он сказал, что вы расстались.

Даша поджала губы.

– Да-а-а-а..., – протянула Даша, – единожды солгавши...

– Что? Я никому не лгала. Мы... Понимаешь, вы же расстались, ты сама сказала, а так бы, я – никогда.

– Ну конечно. Никогда бы.

– Даш, я клянусь. Если б я знала, что у тебя к Егору ещё что-то есть, я бы – никогда.

Краем глаза девушка заметила, что часы на её руке начали мигать – Дашино сердце рухнуло в пятки, но вскоре часы, а за ними и сердце снова вернулись к привычной работе. Девушка несколько раз поднесла часы к уху, затем убедилась в яркости и стабильности изображения и только после этого продолжила беседу.

Странно было вспоминать прошлые обиды сейчас, когда всё произошло по-другому: Егор не изменил – их отношения с Лерой начались после расставания, Вова, возможно, не влюбился, раз он не был очарован смелостью Даши на дне рождения, а Игорь ещё не стал жадным, циничным обманщиком. Теперь этого может не случиться, но червоточина запрятана в этих людях, и Даша не могла перестать об этом думать.

– Послушай, как бы то ни было, мы все за тебя сильно переживаем. Ты здорова? Что происходит?

– Да, Ян, я верю, что вы все СЕЙЧАС за меня переживаете. Но мне не нужны нотации. Слушайте, я пойду.

Внезапно ей стало так тоскливо, горько и одиноко – пусть предательство, обиды и неловкость в этой реальности не случились. Но и ничего светлого, запоминающегося, яркого тоже не произошло. Новые события были отглаженными, стерильными и пресными. Она просто хотела повеселиться, потанцевать, поиграть в «Крокодила» и «Дженгу», придумать

пару шуточек, которые вся компания будет повторять этим вечером и которые потом будут соединять их как пароль и отзыв. Разве это так сложно? И как могло дойти до такого? Словно реальность чувствовала её чужеродность и не впускала в себя.

Она молча встала из-за стола, оглядела собравшихся, немного подумав, забрала со стола бутылку виски, принесенную с собой, и пошла к двери. В дверях она повернулась.

– Увидимся, – глядя в глаза Яне, сказала она.

Глава 26

К бесконечному списку дел по самосовершенствованию прибавилась подготовка к конференции. Сведения о грядущем дали только вектор Дашиной работе о перспективах развития малого и среднего бизнеса, остальную информацию пришлось добывать из книг, методичек, диссертаций, научных статей. Долгие часы Даша проводила в библиотеке и на кафедре, по крупицам собирая статистику, сведения и мнения.

Отдельной сложностью было отсутствие опыта публичных выступлений. В своё время Даша не могла побороть стеснение, поэтому избегала сцены (кроме своих фантазий, как раз там она была оратором, певицей, актрисой, танцовщицей), теперь же девушка с энтузиазмом взялась за работу и над этой своей слабостью.

Дополнительным стимулом выступали встречи с Михеевым. Он стал для Даши не только героем, защитником, красавцем с ослепительными глазами, но и одним из немногих интересных собеседников, встреченных во вновь обрётённом прошлом. В воспоминаниях студенчество было наполнено душевными разговорами, поисками смыслов, размышлениями о сиюминутном и вечном, но теперь шестерёнки часов перемололи их, раздавив, раскрошив до банальных общежитских сплетен и будничной болтовни. Если же Даше

доводилось ввязаться в интересную беседу, то, как правило, закачивалась она разгоряченным спором, не похожим на диалог с позиции равных. Даше казалось, что фора, длиной в десятилетие, даёт ей почти сакральное знание и абсолютную правоту, поэтому она приходила в исступление, встречая несогласие.

С зарплаты Даша купила изящную блузку, со стипендии – юбку-карандаш. Родители поддержали Дашины перемены в стиле и подкинули денег на туфли. И вот теперь, в своём лучшем облачении, с макияжем и укладкой, на которые она потратила полтора часа, Даша ждала у аудитории. Важно было выглядеть как можно более естественно и непринуждённо, поэтому она дефилировала по коридору, увешанному стендами с расписаниями, списками, фотографиями, объявлениями и приказами, но Михеев всё не шёл. Устав от ожидания, Даша принялась изучать инструкцию по технике безопасности, потом перешла к схеме эвакуации и вскоре дошла до фотографий факультета. «Да ладно», – пробормотала она, разглядывая снимки. Чем больше она вглядывалась, тем больше понимала – ей не мерещится: бегущий Онищенко улыбался с одной фотографии, защищал доклад – на другой, сажал дерево – на третьей, на четвёртой она нашла его в массовке на сцене. «Интересно, – подумала она, – если бы у него была возможность что-то изменить в своей жизни, воспользовался бы он ею? И что бы он сделал? В двенадцать полетел в космос? Изобрёл бы вечный двигатель?»

Из-за угла появился Михеев и пригласил девушку в аудиторию. Мысли об Онищенко улетучились, и Даша, демонстрируя осанку, голливудскую улыбку и всю прилежность, на которую только способна, приступила к репетиции доклада. Преподаватель внимательно слушал её, периодически делая пометки в ежедневнике, однако он практически не смотрел на Дашу, словно сознательно избегая её взгляда.

– Очень хорошо, Дарья. Я бы сказал, что вы почти готовы, – резюмировал Пётр Михайлович, когда доклад закончился, – но расслабляться рано. Вам нужно поработать над слайдами. Мне кажется, их сложно визуально воспринимать, может быть, поэкспериментировать со шрифтами? И текст доклада надо вызубрить, чтобы в листы не подглядывать. Опять же – слайды вам помогут. Ещё, я думаю, нужно речь сократить, чтобы в регламент уложиться. Попробуйте, что ли, с таймером порепетировать.

Все старания Даши шли прахом. Конференция – это, конечно, хорошо, это уже большой прорыв по сравнению с прошлым вариантом её жизни. Но вот Михеев... «Может, – думала она, – он специально держит дистанцию? Всё-таки я студентка...» Однажды она принесла им кофе перед занятием, но он настоял на том, чтобы вернуть деньги, в другой раз якобы ошиблась номером телефона при отправке сообщения – он ответил коротко и вежливо. Она ненароком касалась его руки, смотрела в глаза с собачьей преданностью и смеялась над каждой его шуткой. Но Михеев был кремень.

Он упорно не хотел замечать намеки и сигналы.

– Знаете, – Даша решила сдвинуть общение в пользу более личных тем, – я изначально не думала, что это хорошая затея. Я имею в виду моё участие в конференции. Я думала, у меня не получится, волновалась сильно. А теперь я даже рада, что вы тогда предложили.... Столько нового узнала. И с вами... С вами мне так легко общаться, словно вы мне не преподаватель, а друг. Может быть, это потому, что у нас не такая уж большая разница в возрасте.

Михеев задумчиво посмотрел на Дашу – внутри у неё что-то запорхало и забилося тонкими крылышками.

– Это полностью ваша заслуга, Дарья, вы молодец. Я только увидел в вас потенциал, – произнес он после паузы. – Я хочу вам кое-что предложить. Я не знаю, как вы отнесётесь к моей идее... В общем, я могу дать вам время на лекции, дам вам минут двадцать в начале занятия, вы проведете презентацию перед потоком, ответите на вопросы. Может быть, вам будет проще порепетировать со своими. А? Хотите?

Даша пристально смотрела на преподавателя и ждала, что хоть одна мышца на лице предательски дрогнет и выдаст его волнение, смятение, пусть даже издевку, но обозначающую, что он её на самом деле понял. Но его лицо оставалось сосредоточенным и серьёзным.

Молчание прервал звонок телефона.

– Простите, можно я отвечу, – спросил Михеев и, не дожидаясь разрешения, заговорил с собеседником из телефонной

трубки: – Привет, да. Думаю, получится. Точно получится. Ага. А ты до скольких сегодня? Ну давай тогда я сам Соню из садика заберу, и мы вместе с ней поедem к бабушке. Ну, давай. Там встретимся.

Он отложил трубку и переключил внимание на Дашу.

– Простите, я должен был ответить, – пояснил он, – на чём мы остановились?

– Всё в порядке?

– Да.

– Вам надо уйти пораньше? – спросила Даша, робко надеясь, что Соня – племянница или младшая сестра.

– Да, жена задерживается, дочку вот забрать нужно успеть, – ответил он, глядя на часы, – но не переживайте: прямо сейчас я не тороплюсь, так что мы с вами позанимаемся по плану.

– Отлично, – без энтузиазма произнесла девушка.

Пока преподаватель рассказывал что-то про подачу, актуальность, порядок слайдов в презентации, Даша грызла себя за то, что совершенно не подумала, что у него может быть жена. Пётр Михайлович не допускал её в свою жизнь, не писал ей вне работы сообщения, не приглашал никуда, не рассказывал личных историй, поэтому она и не знала о его семье. Даша вдоль и поперёк изучила его страницу в социальных сетях, штудировав песни, фотографии, репосты и подписчиков, но там не было и намёка на то, что он несвободен. Впрочем, на то, что свободен – тоже. А однажды преподава-

тель пришёл в мятом пуловере, что Даша сочла безусловным доказательством его холостяцкой жизни.

Наверное, просто до определённого возраста действует презумпция свободы и одиночества, а после – презумпция семейности. Но, чёрт возьми, когда же уже всех женатых на законодательном уровне заставят носить обручальные кольца!

Девушка вздохнула и попыталась вникнуть в слова преподавателя. Даже если роман не получился, успешный доклад на конференции – ещё очень даже может. Это плюс к резюме, перспективы в научной деятельности и потенциально полезные связи.

– Знаете что, – встрепенулась Даша, отвлекаясь от собственных размышлений, – пожалуй, это хорошая идея. Я порепетирую перед потоком.

В конце концов, если жизнь подкидывает женщине за тридцать несколько лимонов, она может приготовить не только лимонад, но и кекс, пирог, варенье и ещё пару-тройку блюд.

Глава 27

Перед выходом Даша оглядела комнату: помытые тарелки и кружки стояли на сушилке, все вещи лежали на своих местах, кастрюля с остывающим супом стояла на подоконнике – подальше от «дендрария», форточка была широко открыта. На рабочем столе лежала аккуратная стопка листочков, приготовленных для завтрашней конференции: тезисы, диаграммы, цитаты. Девушка взглянула в зеркало, нанесла бальзам на губы, натянула кепку, взяла спортивную сумку, папку с написанными от руки объявлениями и вышла.

По дороге до спортзала она останавливалась у столбов и деревянных щитов, располагавшихся на основных маршрутах студгородка, и клеила объявления.

«Работающая студентка, 3 курс, ищет двух соседок для совместного съема 1-к. квартиры. Либо заселюсь к вам. Без в/п., без домашних животных. Чистоплотная, платёжеспособная.»

После очередной шумной вечеринки Даша решила, что больше не хочет оставаться в общежитии. И если отдельная квартира или даже комната была пока не по карману, то, решила она, лучше уж иметь двух соседок в квартире, чем несколько десятков шумных оголтелых студентов на этаже. И положив руку на сердце Даша могла признаться, что приняла такое решение без излишней тоски или ностальгии. Всё

хорошее, что помнилось в студенческой жизни, куда-то делось, а взамен остались только бесконечные очереди в душ, вахтёрша и прокуренная кухня.

Зазвонил телефон.

– Да, – Даша прижала трубку ухом к плечу.

– Привет, можешь говорить, – раздался взволнованный Янин голос.

– Да, случилось что?

– Посоветоваться нужно. Тут такое дело. Глеб пригласил меня в гости...

На том конце провода воцарилось молчание.

– И?.. – протянула Даш.

– Дашка, ну ты что? Он же с родителями живёт. Он хочет познакомить меня с родителями. Думаешь, это что-то значит?

– Думаю, это хороший знак.

– Как ты думаешь, гипотетически, он думает обо мне как о своей будущей жене? Не прямо сейчас, а вообще? А?

Даша внутренне усмехнулась. Её одновременно разбирало желание приоткрыть ей завесу будущего и поскорее миновать этот этап. Этап, где Яна щебечет о чём-то наивном, незначительном по телефону.

– Даже если сейчас не думает, то подумает обязательно.

Было удивительно, разговаривая с подругой, скучать по ней же. По её более взрослой, рассудительной, серьёзной версии. Но ещё более удивительно было осознавать, что Яна

всегда была взрослее, мудрее, поэтому выходило... Вышло, что в предыдущей версии событий подруги непременно болтали бы часа два, пытаясь обнаружить знаки и скрытые смыслы в сообщениях, жестах и случайно брошенных фразах. Сейчас же Даша терпеливо слушала собеседницу, не прекращая расклейку объявлений, и только когда окончательно успокоила подругу, с облегчением нажала кнопку отбоя.

Стопка листочков с рукописным текстом закончилась и, протерев руки от клея, Даша надела наушники и отправилась на тренировку.

Глава 28

Был поздний вечер, когда Даша вышла из университета, – спортзал закрывался, общежитие тоже скоро должно было запереть свои двери до утра.

На улице было свежо, как после дождя, фонари подсвечивали еловые лапы, склонившиеся над разбитой дорожкой до дома. Даша остановилась на крыльце и втянула воздух. Она почувствовала запах сигарет и увидела, как из тени университетской стены отделилась фигура.

– Привет, – раздался знакомый голос.

– Меня ждешь? – спросила Даша, заранее зная ответ.

– Да.

Фигура вышла к свету фонаря и превратилась в Игоря.

– Что с тобой происходит в последнее время? – спросил он, вглядываясь в её лицо, словно пытаясь отыскать там ответ.

Он, человек, бывший для Даши примером, вдохновителем и лучшим другом, стоял перед ней... И оказался обыкновенным мальчишкой: рыжие волосы были взъерошены, зеленые глаза выдавали растерянность, а пальцы, щёлкающие зажигалкой, – волнение. С тех пор как друзья под предлогом вечеринки устроили ей нечто среднее между сеансом групповой психотерапии и выволочкой, она не виделась с Игорем. Она продолжала игнорировать звонки, отправляя в

ответ короткие сообщения с обещанием перезвонить. В глубине души Даша надеялась, что он просто растворится во времени, в суете дней, как и многие из тех, кого отпускать не хотелось, а удержать – не получалось. А уж если катализировать процесс, то это произойдет быстрее и безболезненнее. Тогда не случится всего того, что навсегда сожжет между ними мосты, и, может быть, когда-нибудь история их дружбы получит новый виток.

– Пройдемся? – помедлив, предложила она.

Он кивнул и подкурил новую сигарету.

– Я тебе всё объясню, только ты не перебивай меня, пожалуйста, – сказала Даша, – хорошо?

Игорь снова кивнул и затянулся.

Она сама до конца не понимала, почему решила поговорить по душам именно с Игорем: потому ли, что одиночество и желание поделиться случившимся с ней захлестывало её уже давно, а он оказался в нужный момент в нужном месте, потому ли, что долгие годы она вспоминала своего самого дорогого университетского друга или потому, что у каждого свой белый кит. Даша не тешила себя иллюзиями, что он настолько умный, талантливый и сильный духом, каким казался прежде, нет. Конечно, всё не такое, каким помнилось. И все не такие, какими казались.

Юность обычно воспринимается как исходное состояние, вспоминая которое каждый горестно сокрушается, каким стал. Тогда, в юности, в начале молодости, всё кажется ис-

тинным, искренним, настоящим. Всё: чувства, ощущения, ссоры, проклятия, угрозы, обещания.

И Игорь. Он тоже казался Даше искренним, настоящим, и главное – истинной версией себя.

Даше вспомнилось, как ещё долго после их ссоры, когда случалось что-то примечательное в жизни, руки сами тянулись к трубке, но в следующее мгновение она вспоминала, что в её жизни нет больше Игоря. Сейчас же он снова был здесь – тот, самый честный и чистый мечтатель, переживающий и достойный правды. И если не он, то кто вообще может понять её? Кто знает, может быть, предназначение этих часов в том, чтобы вернуть ей лучшего друга?

Она молча взяла из его рук сигарету, морщась затянулась, с трудом подавила кашель и вернула её.

– Я расскажу тебе историю про одного мальчика. Когда ему было два года, его отец пропал без вести. Через некоторое время мать снова вышла замуж, так появился новый глава семьи. Он любил мальчика, воспитывал, обучал, ругал. Относился, как к собственному сыну. И этот мальчик так мечтал о том, чтобы отчим стал настоящим отцом, что однажды попросил об этом Деда Мороза. Письмо он запечатал в настоящий конверт с маркой, положил под подушку, а наутро оно исчезло. И случилось чудо: в следующем году отчим усыновил мальчика, дал ему свою фамилию и стал настоящим отцом.

Игорь с сомнением посмотрел на Дашу.

– Ты очень странно себя ведешь. Ты явно на что-то намекаешь, но я не понимаю, на что. Если ты о том, что папа меня усыновил, то не совсем понятно, зачем ты сюда выдумки про письма приплетаешь. Или это не про меня. Объясни.

Даша выразительно посмотрела на Игоря.

– Позвони ему. Сейчас. Позвони сейчас дяде Ване, спроси его про письмо Деду Морозу. Скажи, что просто знаешь. Не знаю, вспомнилось, приснилось, гадалка рассказала, под гипнозом всплыло в подсознании. Просто спроси.

– Ты серьёзно сейчас говоришь?

– Да.

Игорь замер в нерешительности.

– Я понимаю, что это странно, но я продолжу свой рассказ только после звонка. Потому что то, что я расскажу потом, куда как более странно.

Парень отошел в сторону и набрал номер. Чем дольше длился разговор, тем дальше он уходил от дороги. Через четверть часа он вернулся взволнованный и раскрасневшийся.

– Он говорит, что хотел рассказать... – дрожащим голосом произнёс парень.

– ... когда тебе исполнится двадцать один, – закончила за него Даша.

– Да, но мы поругались накануне, и я ему сказал такое... Такое, что он не стал...

– Он бы всё рассказал тебе сам. На Новый год. Он до сих пор хранит то письмо.

– Почему я этого не помню?

– Ты был маленький, половину букв пропустил, картинками слова восполнил. Ты просто забыл.

– Но откуда ты- то знаешь?

– От него, от тебя, потому что тот Новый год, когда отчим рассказал эту историю тебе, мы праздновали вместе.

Игорь с Дашей дошли до общежития и остановились, чтобы продолжить разговор. На крыльце появилась вахтерша и позвала кота. Рыжий упитанный кот тотчас появился из-под крыльца и с урчанием подбежал к женщине. Кошачий хвост торчал, словно акулий плавник, а его владелец, дополняя сходство с зубастым обитателем моря, кругами ходил вокруг вахтерши, сыпавшей корм в облезлую миску.

– Леонова, заходишь или нет? – вглядевшись в темноту, крикнула вахтёрша.

– Добрый вечер! Нет.

– Ну смотри, я закрываю. Можешь потом не стучать! – презрительно бросила женщина и удалилась, заперев за собой дверь.

– Я так понимаю: разговор будет долгим? – протянул Игорь. – И я готов тебя внимательно выслушать.

– Тогда пойдём куда-нибудь, где спокойнее, – я расскажу тебе всё. И история про отчима меркнет по сравнению с тем, что ты сейчас услышишь.

Сидя на лавке меж уютных хрущёвок, она рассказала ему о событиях последних месяцев: от встречи со стариком до этого момента.

Даша вдыхала запах какого-то ночного растения и смотрела, как в окружающих их домах один за другим гасли окна. Когда в последней квартире потушили свет, ей почему-то стало тревожно. Казалось, что темнота сгущается, хотя дале-

кий свет из чужих квартир не рассеивал мрака, а просто обозначал чье-то присутствие, чей-то уют, тепло чьего-то дома. Назойливый писк комара раздался возле уха. Игорь молчал и периодически доставал новую сигарету.

– Это не розыгрыш? Я не хочу, чтобы ты выставила меня дураком.

– Нет. Ты мне не веришь?

Один за другим в доме зажглись несколько окон, и Даша облегчённо выдохнула.

– Тяжело в это поверить.

– Вы же сами говорили, что со мной что-то не так, что я изменилась.

– Этому может быть много объяснений. Сумасшествие, например. Депрессия. Спор. Секта.

– Да-а-а, каждый вариант более лестный, чем предыдущий.

– По крайней мере, каждый из них более правдоподобный.

– Вот ты странный. Пришёл за ответом – получил, а теперь ещё и споришь.

– Извини, но этот ответ очень тяжело принять.

– Понимаю, я сама через это прошла.

– А ты можешь перенестись вместе со мной? Чтобы я тоже помнил? Или скажи мне, что будет через десять минут. Ты же можешь посмотреть?

– Я не знаю, могу ли кого-то брать с собой. Но вещи, на-

пример, кроме этих часов, со мной ни разу не переносились. И если я переведу часы даже на десять минут вперёд или назад, то попаду в первоначальную версию событий. Я, наверное, буду в своей комнате в общежитии, а ты – дома или где-то ещё. Но помнить об этом разговоре ты не будешь.

– Хорошо, допустим, это правда. Допустим. Хотя в это, конечно, тяжело поверить, – после паузы он продолжил. – Почему ты именно сейчас решила об этом рассказать? Почему не брала трубки? Или не сказала ничего там, у Яны?

– Не знаю. Если честно, я не планировала никому об этом рассказывать. Во-первых, я понимаю, как это звучит, во-вторых, это опасно, в-третьих, это бессмысленно. В конце концов, я скоро снова переведу часы, уйду отсюда, и эта версия событий не сохранится.

– Что это значит? Я исчезну?

– Я не знаю, как это происходит. Но нет, ты не исчезнешь. Ты будешь жить, как раньше. Как и должен был жить до моего возвращения.

– Но это нечестно! – хлопнул рукой по скамье Игорь. – Я хочу это помнить. Это моя жизнь.

– Думаю, ты не будешь об этом грустить. Ты же не грустишь о событиях, не произошедших из-за того, что я перевела часы и вернулась в это время.

Игорь некоторое время раздумывал, а потом спросил.

– А что случилось? Или – не случилось?

– Дай-ка вспомню... Не было вечеринки, где ты познако-

мился с Олей. Да не переживай – у вас в итоге всё равно ничего не вышло. Мы не пошли все вместе на День Святого Валентина в новый клуб. Кстати, в прошлый раз я всё-таки была на твоём дне рождения. Мы чуть не спалили баню на даче, точнее, чуть не угорели, но я всех спасла. Честно-честно. Вовка ещё потом весь вечер от меня не отходил: боялся, что я больше всех надышалась и мне станет плохо. После этого он всегда ко мне по-другому относился. Хотя, видишь, меня в этот раз не было, и ничего – никто не угорел. Как, кстати, всё прошло?

– Ты насчёт дня рождения?

– Да, и насчёт бани.

– Никак – мы её вообще не топили.

– Да? А-а-а, точно, это же я в тот раз всех уговорила попариться... Видишь, как всё получается. Старик был прав, события прошлого не так просто изменить.

– Так и что будет дальше? С этих пор и до твоего прыжка? Или скачка. Как это называть?

Даша пожала плечами.

– Слушай, я точно не помню, что именно и когда было – всё смешалось в кучу: месяцы, годы. Странно так, тебе кажется, мол, я этого не забуду никогда. Такое, мол, приключение или такой собеседник. Ну или что-то ещё. А потом оказывается, что ты помнишь десяток многократно пересказанных историй и невесть почему запомнившиеся детали. Знаешь, я часто вспоминала обои в своей комнате в общежитии. Они

такие в ромбик. Или в квадратик. Даже не знаю, как правильно объяснить. Но понимаешь, я не могу вспомнить ни одного разговора, случившегося в общаге. Так, отдельные цитаты, суждения, шутки, рассказанные истории, поведанные секреты. Лица и уж тем более фамилии многих одноклассников я забыла. А вот кофейную кружку, большую и жёлтую, помню. И обои эти, не то в ромбик, не то в квадратик. Представляешь? Почему так?

– Говорят, что по статистике человек запоминает только тридцать процентов информации.

– Какой информации? Того, что учит? Или событий личной жизни? Или сюжеты фильмов и книг?

– Не знаю. Помню только про тридцать процентов, недостающая информация, видимо, вошла в оставшиеся семьдесят.

– Да уж... Понимаешь, ведь больше всего в итоге запоминаются именно ощущения. И выводы. Этот вот, мол, хороший, этот – плохой, этот – странный, а этот – с гнильцой. Почему? Отчего я так когда-то решила – точно уже не помню. Но ощущение осталось. Знаешь, как бывает с книгами. Вот перечила я всю Агату Кристи. Точно помню – очень интересно. Но вспомнить могу лишь два-три самых популярных сюжета. А впечатление помню.

Минут пять они оба молчали, пережидая, пока приехавшая машина припаркуется, а водитель, оглядев их, скроется в подъезде. Вскоре в доме зажглось ещё одно окно.

– Ну хорошо. Вот ты вернулась в прошлое. И почему ты хочешь всё опять изменить? Что тебе здесь не нравится? Что не так? Ну, то есть, я бы и сам многое переделал, но ты-то не впервые здесь – знаешь куда ступать на этом болоте...

– Вот-вот...

– Так и?

– Игорь, ты смотришь на меня и видишь свою подругу. Но я уже не она. Мы не общаемся уже лет семь, наверное... Да, точно, семь лет. Мне было тридцать два, когда я перевела часы. Всё это, – неопределенно повела руками она, – со мной уже было. Я это всё уже прожила. Первую любовь, первое расставание, поиски работы, диплом, госы, тусовки в общаге. И когда я это проживала впервые, я была счастлива. И несчастлива, конечно, тоже, но счастлива всё равно больше. Всё было такое интересное, новое, манящее. И я хотела испытать это снова. Наверное, я не хотела быть студенткой и начинать всё с нуля, я хотела испытать то самое счастье и предвкушение. А я чувствую себя старой брюзгой, которой и молодежь не та, и солнце светит слишком ярко, и трава слишком зелёная. Я чувствую себя не в своём теле. Но на самом деле я-то как раз в своём теле! А ещё я скучаю по своему дивану, по своей ванне, по своему наглому коту, по коллегам, я даже по кофе из местной пекарни скучаю. Никогда не думала, что я по всему этому буду тосковать, – по своей настоящей жизни... Я не думала, что так будет: что моим планам стать сверхчеловеком будут препятствовать мешан-

ские прихоти и привычки.

– Дашка, но это же такой шанс. Ты можешь прожить фантастическую жизнь... Ты можешь жить с чит-кодом... Кто вообще может добровольно от такого отказаться? Без обид, но судя по тому, что ты рассказала, твоя жизнь там, в будущем, далека от идеала. Если ты сейчас останешься здесь, ты можешь вложиться в бизнес, сменить в профессию, уехать в другую страну. Ты же столько знаешь о том, на чём можно сделать деньги, а на чём – прогореть. Можешь захомутать какого-нибудь ботаника, который станет в будущем олигархом. Можешь первая предложить какую-нибудь ещё не придуманную идею. Ты можешь нажиться на ставках. Ты можешь просто стать новой провидицей, ну или шутки ради вырядиться в костюм супергероя и спасти людей – ты же хоть что-то то помнишь. Ты же помнишь про большие аварии, пожары, наводнения.

– Шикарная идея, но мне не идёт латекс.

– А в остальном?

– Остальное входило в мои планы.

– Но?.. – протянул Игорь, предлагая продолжить Даше.

– Но видишь, что происходит. Мои друзья меня не узнают и караулят возле универа, чтобы узнать, что со мной не так. Я попробовала измениться. Стала по-другому выглядеть, лучше учиться, работать, сменила круг общения, стала заниматься спортом. Моя комната в общежитии вылизана до блеска, холодильник забит. Я научилась откладывать день-

ги. Раньше, в первоначальной версии событий, всё было не так. Помню, как мы прокутили всю стипендию, и я сидела на хлебе и воде две недели. Помню, как мы бродили по рынку в поисках модных вещей и ты торговался с продавцами. Помню, как мы подрабатывали – раздавали листовки, а ты был огромной ростовой игрушкой, внутри которой ужасно воняло. Помню, как по средам мы ходили в кино вместо пар, потому что утром по студенческому было дёшево, а потом на летней сессии у меня было две пересдачи. Теперь всё не так: теперь я на пути к тому, чтобы быть более успешной, здоровой, независимой.

– Ещё ты бросила парня.

– Точно, я и забыла.

– О чём? О том, что вы расстались с Егором? Совсем не жалеешь?

– Честно? Мне на самом деле тридцать два, а он – прыщавый пафосный сопляк. Моему последнему парню было тридцать пять, а это, на минуточку, почти в два раза больше, чем Егору сейчас.

– Неожиданно.

– Согласна, для меня тоже. В воспоминаниях он был другим. Если честно, это даже как-то оскорбительно. Я так долго зализывала раны, столько сил угрохала на психологов, а выяснилось, что было не из-за кого. Достаточно было просто взглянуть на предмет своих вздыханий. Жаль, что психологам не дают таких часов – я сэкономила бы кучу денег

и времени.

– Тогда что не так?

– Я не счастлива. Я думала, что если сделаю всё правильно, то буду более счастливой.

– Может, стоит просто подождать.

– Как ты думаешь, сколько я здесь уже?

– Сколько?

– Попробуй угадать.

– Да ладно, как такое... – начал было Игорь. – Неужели с моего дня рождения?

Даша выразительно кивнула.

Игорь присвистнул от удивления.

– Если часы остановятся, – продолжала Даша, – я здесь застряну. А я не хочу. Мне совсем не нравится. Я как будто разломала песчаный замок. Я думала, что создам новую версию себя и новую версию своей жизни, а вместо этого просто разрушила старую.

– Что, хорошо там, где нас нет? Где нас уже нет, – хмыкнул Игорь. – Так и что теперь? В смысле, куда ты рванёшь теперь?

– Если честно, я точно не решила. Батарейка скоро сядет. Если бы она была полной, я бы рванула в горы и провела там всё это время. Или встретила с бабушкой до того, как у неё началась деменция, но теперь боюсь так сильно отмаывать в прошлое – вдруг там застряну. Знаешь, я недавно подумала, может, не стоит возвращаться в прошлое. Зачем? Может,

нужно отправиться в будущее на разведку. Промотать чуть-чуть вперёд: если всё хорошо – остаться там, если плохо – вернуться, чтобы соломку подстелить.

Начинало холодать.

– Слушай, – задумчиво спросил парень, – а почему мы перестали общаться? Ты сказала, что мы перестали общаться.

Даша встала и начала нервно ходить. Соблазн поквитаться, сделав больно хоть какой-то из версий Игоря, желание предотвратить случившееся, попытка понять произошедшее были в ней так же сильны, как уверенность в том, что он не поверит и не примет случившуюся историю. Человеку свойственно себя оправдывать.

– Это всё неприятная, давняя, и по сути ещё не случившаяся история.

– Нет, для меня это важно, я хочу знать, что случилось. Только не говори, что мы это... Ну того, – Игорь поиграл бровями.

– О, нет.

– Тогда у меня нет вариантов, рассказывай.

– Ты удивишься, но из-за денег.

– Мы – из-за денег?.. Этого просто не может быть. Ладно, давай подробности.

– Не хочу. Не хочу вспоминать, не хочу рассказывать. Какой в этом смысл? Ты даже себе представить не можешь, как я рада видеть тебя. Такого же, как я тебя помню, такого, как я тебя знаю!

– Даша!

– Ну, как хочешь, – подняла девушка руки, демонстрируя готовность к капитуляции, – мы планировали своё дело – небольшую кофейню, это как раз стало популярно у нас. Нашли помещение, обсуждали дизайн, дегустировали кофе, играли в промышленных шпионов в других кофейнях. Я вложила всё, что у меня было, я заняла у родителей. Бизнес решили регистрировать на тебя – так по ряду причин показалось проще и логичнее. И отдала тебе деньги без расписки: мы ведь такие друзья. А ты просто купил себе на эти деньги машину. И всё. Сначала обещал вернуть, потом что-то врал про мошенников. А затем просто начал меня избегать. Короче, история длинная, некрасивая и сейчас для тебя – неправдоподобная.

– Это какой-то бред, – выдавил из себя Игорь, – я даже водить не умею.

Парень съезжился, словно нахохлившаяся птица на ветке, в глазах его что-то мелькнуло и тут же исчезло так быстро, что Даша не успела понять ярость это, злость, сожаление или гнев.

– Пока не умеешь. Впрочем, пока ты ничего и не сделал.

– Но я как-то это объяснил? Может, что-то случилось? Может, я вляпался в историю с бандитами? Или начал употреблять наркотики? Может, меня вынудили так поступить? Может, я не врал про мошенников.

– Нет, нет и нет. Мне кажется, ты попал под дурное влия-

ние: золотая молодежь, дорогие девочки, богатые мальчики. Не знаю, может, тебе было стыдно говорить со мной, поэтому ты стал меня избегать. Может, я тебе уже казалась человеком не твоего круга. А может быть, ты по какой-то причине считал, что вправе так поступить. Слушай, я не хочу об этом говорить, правда. Понимаешь, между этим периодом жизни и тем произошло много всего. Но это стало вишенкой на торте... Ну вот, не зря я не хотела тебе говорить...

Игорь недоверчиво смотрел на Дашу и некоторое время молчал. Нервно щёлкая зажигалкой, он заговорил снова.

– Ты поэтому перестала со мной общаться? Я имею в виду, здесь, сейчас. Поэтому ты не пришла день рождения? Не отвечала на звонки? Избегала меня? Поэтому?!

Даша промолчала, опустив глаза.

– Но я... Я же ничего не сделал... И потом, теперь же всё будет по-другому? Я же об этом знаю, значит всё изменилось?

– Боюсь, что нет, я же говорила, как только я переведу часы, всё обнулится и пойдёт, как раньше: твой день рождения на даче, наши прогулки, не случившаяся кофейня и наша ссора.

– Знаешь, я тебя не понимаю... Ты же столько усилий приложила за эти месяцы, чтобы измениться! И, как видишь, это было заметно со стороны. Может быть, ты просто рано подводишь итоги? Подожди ещё чуть-чуть.

– Боюсь, батарейка скоро сядет. Если честно, не думала,

что часы так долго прослужат.

– Сытый голодного не разумеет. Я бы на твоём месте всё исправил: я бы никогда не поступил с тобой так снова, я бы заработал денег, я бы вернулся назад и пообщался снова с отцом, я бы поступил в другой ВУЗ, я бы просто не начинал курить, чтобы не мучиться теперь в этих попытках бросить. Я бы заставил брата заниматься спортом, не знаю, на гитаре бы пошёл учиться играть и стал рок-звездой. Да чёрт возьми! Если бы у меня была такая возможность, я бы ни за что от неё не отказался, я бы столько всего сделал, я бы... Если бы у меня были такие часы... Если бы ты мне их... Если они тебе не нужны... Если бы я их...

Прежде Даша не раз пыталась найти в памяти точку невозврата, момент, когда Игорь изменился: утратил честность и перестал быть ей другом. Был ли это один миг или череда случаев? Что именно повлияло на него? В чём был корень зла? Теперь же она видела это – прямо на её глазах соблазн, алчность побеждали то хорошее, что было в нём. А может быть, просто были сброшены маски, и нутро вырвалось наружу. Ощущение опасности пришло к Даше за секунду до того, как парень поднял глаза.

Она отступила на пару шагов и судорожно начала переводить часы: год, месяц, день, осталось запустить новый ход времени...

Игорь рванул к ней и сбил с ног. Падая на землю, Даша попыталась нажать злосчастную крохотную кнопку, решав-

шую теперь всё. До её уха долетали ругательства Игоря, решок, в который что есть силы вцепился парень, впивался в руку.

Она ударилась головой о бордюр.

Мир померк.

Глава 29

В глаза ударил свет, и Даша начала захлебываться. Она нащупала руками что-то – крепко схватилась и открыла глаза.

Игоря, двора и лавочки не было. Даша лежала в ванне, а руками держалась за её бортики. Девушка поднесла руку с часами к уху, посмотрела на циферблат, а потом спешно расстегнула ремешок и аккуратно положила часы на кафельный пол.

Ванная комната была просторной и светлой. Беглого взгляда на плитку, винтажные краны и ряды пузырьков, бутылочек, коробочек именитых брендов хватило, чтобы оценить благосостояние. Она перегнулась через край ванны и аккуратно, стараясь, чтобы капли с волос не попадали на часы, посмотрела на дату. В драке она плохо соображала и, действуя на уровне инстинктов, интуиции, выбрала новую точку отсчёта.

«Вот оно какое – моё будущее», – подумала Даша. Ей всё-таки удалось перевести часы, и теперь Даше было сорок два.

Она отдышалась, потрогала висок, на который пришёлся удар и, не обнаружив там крови, немного успокоилась. Даша вылезла из ещё горячей ванны, подошла к зеркалу – оттуда на неё смотрела женщина с маской на лице, бальзамом на волосах и патчами на веках. Тело было покрыто пеной,

постепенно сползавшей на пол. Даша решила принять душ, успокоиться и обдумать всё.

Греясь под теплыми струями воды, открывая и нюхая по очереди ароматные бутылки и баночки, стоящие в ванной, Даша размышляла о том, что, выходит, все следы пребывания в прошлом стёрлись, и осталась первоначальная версия жизни со счастливым десятилетним юбилеем, вечеринками в общежитии, Егором и её разбитым сердцем, пожаром на даче, кражей кошелька в пекарне, бутылкой вина и шершавой этикеткой. Исчезли Тамара и её приют для животных, не было подготовки с Михеевым к конференции, товарищеского суда над Дашей.

После душа она снова подошла к зеркалу. На этот раз отсюда смотрела женщина, с «гусиными лапками» у глаз, чужим цветом волос и шрамом внизу живота. Тем не менее у этой женщины был свежий живой румянец, подтянутый овал лица и, о чудо, пресс. Даша напрягла живот, мышцы проступили ещё больше.

Даша осмотрела ванную и нашла женский банный халат: оставалось надеяться, что он принадлежал ей – неизвестно, кто ещё мог жить в этом доме. Впервые она оказалась на неизведанной территории – в будущем.

Миновав ванную и коридор, Даша оказалась в большой комнате, столовой или кухне. На долю секунды ей в голову пришла мысль, что она вовсе не дома, а, может быть, в гостинице или в гостях: слишком шикарной, даже вычурной,

показалась ей обстановка. Мебель была с гнутыми ножками, кожей, велюром, деревом. Огромная ёлка со стеклянными шарами и мерцающими огоньками почти на треть была заставлена разного размера коробками с пышными бантами. В комнату были втиснуты все атрибуты человека, дорвавшегося до денег: картина во всю стену, шкатулка с часами, диковинная бытовая техника, экзотическое комнатное дерево и даже камин. Казалось, что всё это не её, не Дашино: ей всегда был близок минимализм. Но фотографии из Рима, Парижа, Лондона и ещё десятка неопознанных городов, с которых улыбалась её будущая версия, подтверждали, что это её дом.

На фото было видно, как менялась Даша: поправлялась, худела, экспериментировала с цветом волос, пробовала разные фасоны платьев. Рядом с ней на снимках были дети, судя по резиновым уточкам в ванной, её дети, родители, незнакомые мужчины и женщины. Один из незнакомцев, вероятно, её муж. Скептически изучив фотографии, Даша обречённо вздохнула.

Позади раздался шум, Даша обернулась и увидела женщину в переднике. Первая промелькнувшая мысль: «Неужели я живу со свекровью». У Даши никогда не было свекрови, пожалуй, не было даже потенциальной свекрови, но нежелание жить с мамой мужа, оказывается, сидело где-то внутри, подпитываемое байками подружек и скандальными ток-шоу.

– О, Дарья, вы уже вышли, так быстро? Я тогда могу убрать в ванной?

Даша перебирала в голове варианты возможных ответов, когда женщина осторожно продолжила.

– Или послезавтра уже? Я в целом уборку закончила.

– В ванной всё в порядке, – максимально сдержанно и спокойно попыталась ответить Даша.

– Отлично, – заметно обрадовалась женщина, – тогда я пошла. Я сварила суп, сделала котлеты и испекла пирог.

– Спасибо, – осторожно сказала девушка.

– Ну, всё, я тогда пошла? – спросила женщина.

– Идите, – подтвердила Даша.

Но женщина не уходила, а молча теребила фартук, словно ожидая чего-то. Даша первая решила прервать молчание.

– Простите, у меня сегодня голова раскалывается. Вы чего-то от меня ждёте?

Оставалось надеяться, что её вопрос не окажется неуместным и подозрительным.

– Да, отметьте в приложении, что я всё сделала, чтобы мне деньги пришли, – без тени удивления ответила женщина.

– Вы знаете, я что-то не могу найти телефон, – сказала Даша, и тут же поймала себя на мысли, что не знает, телефонами ли сейчас пользуются или техника шагнула далеко вперед, и в каждом доме запрограммируют роботы или голограммы.

– Хорошо, я тогда Михаилу напишу – он отметит, – спокойно ответила женщина, – и выпейте «Ибупрофен», он на кухне.

– Спасибо вам большое.

После ухода женщины Даша с облегчением вздохнула и в размышлениях о том, каков из себя загадочный Михаил, очевидно, Дашин муж, отправилась дальше исследовать квартиру. Она бегло осмотрела комнаты и целенаправленно вернулась на кухню – с тех пор, как женщина в переднике сказала про котлеты и пирог, она не могла думать ни о чём другом. Когда Даша открыла холодильник, то поняла: она попала в очень неплохое время.

Глава 30

Даша утратила счёт времени. Кажется, впервые за последние несколько месяцев она наелась до полного насыщения, удовлетворения и несварения. Не маминой вкусной, но скромной стряпни, не студенческой кухни, а настоящих деликатесов. Похоже, в этом доме креветки, шампанское, икра, экзотические фрукты и дорогой шоколад не были чем-то особенным. Какая странная гастрономическая эволюция: от праздничного зелёного горошка до будничных кокосов. Внезапная догадка осенила Дашу, и её пронзил испуг. Ей стало страшно, что содержимое холодильника ожидало гостей, и не стоило бросаться на него, но в ответ на это, подумав, сама себе возразила – она взрослая и вправе решать, что тут праздничное блюдо, а что тут можно съесть прямо сейчас. Хотелось бы верить, что это так.

Нагрузив в блюдо гору продуктов, Даша переместилась к телевизору. Пришлось повозиться с пультом: звук не хотел увеличиваться, каналы – переключаться, изображение – становиться чётким. Щёлкая наугад, она разобралась с кнопками, выбрала канал и отложила пульт – от греха подальше.

Забыв о времени, Даша заворуженно смотрела новостные передачи, сериалы и ток-шоу. Уровень телепродуктов заметно вырос за минувшее десятилетие, но по-настоящему удивляло не это, а то, что большая часть культурного контекста

ей была понятна: знакомые телеведущие рассказывали о мировых событиях, нестареющие звёзды исполняли нетленки, повзрослевшие блогеры дорвались до федеральных каналов, крутили всё те же советские новогодние фильмы и повторы «Голубых огоньков». Стало даже обидно: будущее оказалось не таким фантастическим, прогрессивным и непредсказуемым, каким представлялось.

Чего, впрочем, нельзя было сказать о новой Дашиной жизни.

Через час Даша осмелела: беззастенчиво исследовала территорию, примерила понравившиеся туфли и украшения, от креветок перешла к фруктам и сладкому, нашла несколько интересных каналов и оценила удобство диванов. Когда Даша освоилась и утратила бдительность, она почувствовала, что находится в комнате не одна. Она медленно повернулась, держа в одной руке пульт, а в другой – бокал, и увидела позади мужчину и двух маленьких девочек.

«Хоть бы не муж», – первое, что пронеслось в голове у Даши.

– А мама наворачивает! – выпалил он, широко улыбаясь, и потом уже обращаясь к Даше добавил: – Лопай-лопай, ровный харю с попой!

Даша застыла в недоумении. Точно муж? Вот этот вот рыхлый, лысеющий, с плоским юмором? Как это могло произойти? Она так долго ждала своего принца, чтобы появился ...он?

Мужчина помогал снять пуховики и сапожки дочерям, а Даша разглядывала его, пытаясь найти что-то такое, чтобы сердце ёкнуло. Муж был наполовину лыс, имел гладко выбритое круглое лицо, на котором были полные губы, нос картошкой и глубоко посаженные глаза. Одежда выдавала достаток и заурядность владельца.

Сердце предательски молчало.

– Мама! Мама! – наперебой закричали девочки, и едва скинув обувь, кинулись к ней.

– Так, Поля, Соня, руки мыть! – строго сказал мужчина.

«Точно мои. По крайней мере, «мои» имена», – горестно вздохнула про себя Даша.

Девочки послушно поплелись в ванную, а пузатый, как его про себя уже окрестила Даша, подошел к ней и чмокнул в лоб.

– Как день прошёл? – спросил он.

– Нормально.

Даша проклинала себя за то, что потратила столько времени на еду и телевизор, вместо того, чтобы узнать о своем семейном положении, работе и о других вещах, которые ей, возможно, стоило знать.

– Ты чего такая злая? – спросил муж.

– Я не злая, голова просто болит.

– Сильно? Давно? – заволновался муж.

– Да нет, пройдет.

– Давай я разогрею ужин и накормлю девочек. Что ещё

нужно сделать? Ты вещи с сушики сняла? Давай я поглажу, а ты полежи пока, хорошо? Кстати, что там, Валентина Дмитриевна сделала всё?

– А?.. Да, наверное... В приложении отметить, наверное, нужно, – наугад сказала Даша.

– Она звонила, я оплатил. Говорит, ты телефон не можешь найти?

– Я? А, да... Я...

– Так вот же он, – муж протянул ей телефон, лежавший всё то время в одной из ниш с фотографиями, – вечно ты всё теряешь. Даша-растеряша. Ну всё, иди полежи.

– Да, спасибо большое... милый, – выдавила девушка.

Лучшее, что она могла сделать, – это некоторое время избегать людей, прежде, чем узнает подробности своей новой жизни. Запершись в спальне, остаток вечера она провела в изучении соцсетей, фотографий в комнате, содержимого прикроватной тумбочки, документов, которые ей удалось найти.

Ближе к полуночи у неё на самом деле разболелась голова – она выпила таблетку и крепко уснула. Супруг заглянул в комнату, погладил её по голове и оставил стакан воды на прикроватной тумбе. Затем он взял одеяло и ушёл спать в зал.

Глава 31

Проснувшись утром в одиночестве, Даша испытала облегчение. Ещё она с удивлением обнаружила, что выпалась, как никогда: матрас и подушка были великолепными. За окном крупными хлопьями шёл снег – Даша открыла окно настежь и вдохнула воздух.

– Ты уже встала? – заглянул в комнату муж. – Как себя чувствуешь? Я принёс тебе кофе.

– Так себе, если честно. Спасибо.

Даша с благодарностью приняла кружку, а муж выскользнул в приоткрытую дверь, тотчас хлопнувшись от сквозняка. Она слышала, как заботливый супруг объясняет дочерям, что матери нездоровится, и облегчённо выдохнула. Общаться с детьми совсем не хотелось: слишком страшно и волнительно было осознавать свою роль в их жизни. Да и о чём с ними говорить? Что они любят? Кто их друзья? Что они делали вчера? Кто из них Соня, а кто – Полина? Сколько им лет? Когда они родились? Всё-таки в по-настоящему прожитой, а не пролистанной наскоро Дашиной жизни детей не было.

Будь дочери в школе или детском саду, было бы гораздо проще. Однако мысленно девушка поблагодарила судьбу за то, что попала в обычный день во время новогодних каникул. В драке с Игорем было не до высчитывания дат, да и

будущее настолько непредсказуемо, что она могла оказаться за рулём, во время родов, в постели с супругом или во время важных переговоров. Чёрт возьми, её просто могло не быть в живых. И что тогда? Часы бы не сработали, Игорь победил бы в драке, а она... Даша сморщилась и потёрла висок.

Пора было брать судьбу в свои руки и осваиваться на новом месте. Тем более, ей это было не впервой. Если мир сильно не изменился, то кое-что можно было о себе узнать из смартфона.

Сначала фотографии. Дети, дети, дети. «Боже мой, – думала Даша, – столько фотографий детей не может быть в телефоне у самодостаточной женщины. Или может?» А вот и другие: путешествия, покупки, рабочие документы, еда, цветы, фото отдыха с подругами, родители с внуками. Мама и папа выглядели непривычно: у мамы была другая причёска, заметные морщины, а у папы – седые волосы и подозрительно ровные и белые зубы. Но они смотрели с фотографии такие родные и счастливые, что захотелось поскорее их увидеть, восполнить пропущенные десять лет.

Сыскные работы прервал телефонный звонок. На экране высветилось «Артём, поставка».

– Да, Артём? – вкрадчиво ответила Даша.

– Дарья Викторовна, с прошедшими праздниками, – раздалось на том конце.

– Спасибо, Артём, и вас, – машинально ответила она, мысленно ругая себя за то, что не сбросила вызов.

– Дарья Викторовна, у нас проблемы с поставкой в кофейни на площади и возле университета.

– В чём проблема? – старалась тянуть время Даша.

– Говорят, доставку будут считать по новому прайсу, хотя заказ делали ещё в том году. И доставить они должны были в декабре.

На том конце Артём молчал и ждал. Даша нервничала и тоже молчала. Может, просто молча отключиться? Или это совсем глупо?

– Дарья Викторовна, вы извините, что я на праздниках... Мне оплачивать доставку или нет? Бухгалтерия говорит, пусть директор решает... – Артём многозначительно замолчал.

«Я директор? Кофейни? Сети кофеен?» – оторопело думала Даша. Когда молчать дольше было неприлично, она приняла решение.

– Сильно увеличился прайс?

– На десять процентов.

– Скажите, что если старый заказ они считают нам по новому прайсу, то больше работать с ними не будем. Товар принимайте в любом случае.

– Спасибо, Дарья Викторовна, ещё раз извините, – радостно затараторил «Артём, поставка», – до свидания.

– До свидания.

Закончив разговор, она облегченно выдохнула, решив про себя игнорировать все звонки до поры до времени, и верну-

лась к содержимому телефона.

Отдельная папка с фотографиями называлась «Поездки», а там... Там были море, реки, озера, цветные одежды, самокаты, лыжи, краски холи, вековые кедры, церкви, храмы, пивные, кондитерские, выставки, музеи, апельсины, палатки, удочки, самолеты, поезда, пингвины, верблюды. Там была огромная непрожитая ею жизнь. Как в том анекдоте, когда старик загадывает золотой рыбке желание, чтобы у него всё было. А рыбка ему и говорит: «Исполнено, дед. У тебя всё БЫЛО».

Квартира была роскошной, жизнь изобиловала путешествиями и светскими раутами, работа стала карьерой. С семьёй, похоже, тоже всё было хорошо: бабушка и дедушка на фотографиях сияли счастьем рядом со своими внуками, нелепый лысый муж на снимках то держал её в объятиях, то на руках, то стоял рядом с ней в блестящем танцевальном костюме.

За дверью раздался шум, и Даша подкралась поближе.

– Я не хочу на каток! Я хочу мультики! – тоненьким голосочком пропищала за дверью одна из дочерей.

– Я тоже хочу мультики! – вторила ей сестра.

– Девочки, без разговоров, собирайтесь. Не хотите на каток, пойдём в пиццерию. Пусть мама поспит.

– Мама болеет? – с тревогой спросила одна из девочек.

– Ничего страшного, просто давление.

Стараясь не шуметь, Даша на цыпочках пробралась к кро-

вати и забралась под одеяло.

– Не спишь? – тихо постучав, Михаил вошёл в комнату. – Ты как?

– Нормально, – с деланной слабостью в голосе ответила Даша.

– Мы уйдём часа на два, ты отдохни, хорошо?

– Хорошо, вы куда?

– В кафе, если удастся уговорить девочек, то пойдём на детскую площадку. Тебе что-то купить?

– Нет, я вздремну, а потом, пожалуй, сама выйду на улицу – проветриться.

Муж Михаил согласно кивнул и тихонько закрыл за собой дверь.

Дождавшись стука входной двери, Даша ещё несколько минут вслушивалась в тишину, прежде чем выйти из комнаты. В запасе была пара часов на то, чтобы придумать повод уйти и причину вернуться.

Все галочки напротив пунктов всех ранее составленных планов стояли: муж – есть, дети – есть, квартира – есть, карьера – есть, путешествия, модные вещи и украшения – есть. Даже креветки, фикус и пресс – есть.

Похоже, в свои сорок два она, или по крайней мере, её более взрослая версия, была счастлива.

Но даже зная всё это, Даша не могла понять, как жить дальше в этой своей, но такой чужой жизни. Ходить на работу, о которой ничего не знаешь, заботиться о детях, к ко-

торым не проснулся материнский инстинкт, целовать мужа, которого не выбирала. Рано или поздно она привыкнет ко всему: всё-таки это результат её жизни. Должна привыкнуть. Сделанные выборы и принятые решения должны соответствовать её вкусам и представлениям о жизни. Странно, что при перемещении достаётся только тело, вместе со шрамами, морщинами и зубными коронками, а чувства в довесок не прилагаются.

«А что если у меня вообще не осталось прежних знакомых? – с ужасом подумала Даша. – А может, я вообще живу в другом городе?!» Но тут же отмела эту мысль, бросив взгляд за окно. С трудом найдя в телефоне новый мессенджер, Даша открыла переписки и с облегчением выдохнула.

Затем она набрала сообщение: «Привет, давай встретимся. Хочется поговорить.»

И нажала кнопку «Отправить».

Глава 32

Улица светилась сотнями огней, переливалась десятками гирлянд и упиралась в пышную нарядную ёлку. Город, переживший предновогоднюю суету и главную ночь года, возвращался к размерной жизни. Снег шёл крупными хлопьями, и синоптики обещали, что снегопад продлится всю ночь.

До места встречи ей пришлось добираться на автобусе – благо они годами не изменяли своим маршрутам. Перед этим случился неловкий разговор с не вовремя вернувшимся мужем Михаилом, в ходе которого выяснилось, что она счастливая обладательница водительского удостоверения и собственной машины. Вот только водить Даша не умела. Пробормотав что-то невразумительное про такси и алкоголь, она выскочила за дверь, считая такой исход беседы технической победой.

Даша изучала меню. Всё было, как надо: солидное заведение, сияющая чистота, основательное кресло, плотные страницы меню, идеально скроенный брючный костюм, сапоги – произведение искусства. После возвращений в прошлое, ей сложно было привыкнуть к мысли, что больше не нужно калькулировать в голове заказ и решать, от чего стоит отказаться: от десерта, салата или такси. На всякий случай ещё раз заглянув в кошелёк и убедившись, что с деньгами всё лучше, чем было в её самых смелых фантазиях, Даша сдела-

ла заказ, не глядя на цены. В конце концов, она пропустила десять лет своей жизни, так что имела права на компенсацию.

Мысли о богатстве или хотя бы просто – о другом уровне жизни, всегда были с Дашей. Как фантазия о Прекрасном Принце. Но это было на уровне эфемерных мечтаний, а не конкретных планов. Однажды, решив перейти от розовых грёз к делу, Даша подсчитала, во что ей обойдётся реализация нескольких больших пунктов плана и ещё горсти мелких пунктиков. Вышло очень много. Получалось, что на бережно составленный план ближайшего полугодия требуется зарплата примерно за четыре года, и это не считая ипотеки, расходов на продукты, коммунальных платежей и бесконечных форс-мажоров. Она тогда подумала, что если задаться целью, то можно просчитать все свои жизненные возможности. Просчитать и осознать, что огромный мир сужается до десяти заграничных поездок, одной квартиры, двух машин и ста платьев. Плюс-минус. И на этом – всё. С тех пор Даша старалась не сопоставлять потенциальные расходы с реальными доходами: так жилось оптимистичнее и проще.

Официант послушно повторил заказ, состоящий из кофе, причудливого коктейля, салата, горячего и десерта. Маленькие порции приносили в огромных, словно широкополые шляпы, тарелках, и вскоре стол оказался полностью заставлен.

– Ты что, мне что-то заказала?

– Я... а... Я... А что ты хочешь?

Даша не моргая смотрела на Яну. Та изменилась. Короткая стрижка, новый оттенок волос, неброские золотые украшения с сияющими камнями, изумительное шерстяное платье, сумка дорогого бренда и подозрительное отсутствие морщин. Она выглядела старше, но её это не портило, лишь придавало солидности и лоска.

Яна присмотрелась к блюдам на столе и расхохоталась.

– Я поняла, я не буду тебя объедать.

Она поймала взгляд официанта и жестом попросила меню.

– Это тебе, – протянула Яна празднично упакованный свёрток, – с наступившим.

– Ой, а я без подарка! Прости, я не подумала.

– Ты чего? Ты ж меня ещё до Нового года поздравляла. Но я не возражаю. Хочешь одаривать меня при каждой встрече – одаривай.

– А ну, да... Я забыла.

– Ну так и что, какой повод?

– Какой повод? – недоуменно переспросила Даша. Она чувствовала, как разговор расклеивается на глазах, нужно было выходить на нейтральные темы, чтобы не пробудить лишних подозрений.

– Ты сказать что-то хотела? Только не говори мне, что у тебя плохие новости, – с настороженностью в голосе спросила Яна. В глазах её мелькнула тревога, но лоб остался непо-

движен.

– Какие новости? По поводу?

– В целом. Что-то случилось? Мне по телефону показалось, что ты сама не своя.

– А, нет-нет, не переживай. Я просто хотела поболтать.

– Фух, я уже успела испугаться. Да и правильно! А то сто лет вживую не общались. Дела-дела. Давай рассказывай, что нового.

– Я больше хотела тебя послушать. Ну или так, поболтать, посплетничать.

– Даже не знаю, что тебе и рассказать. Всё как-то по-старому. Новый год отмечали у свёкров. Жуть, мрак. Вот эти вот салюты, оливье, телевизор. Скука смертная. Ну, это я тебе рассказывала. Потом мы не выдержали, детей оставили с бабушкой и дедушкой, рванули на лыжах кататься.

– Seriously? Куда?

– Представляешь, не на горных лыжах. Просто на лыжах. Да там же, за городом. На весь день вдвоем с Вовой уезжали. Брали глинтвейн в термосе и катались.

– С Вовой? – аккуратно переспросила Даша, смутно припоминая, что никого, кроме Глеба рядом с Яной она вспомнить не может.

– Да, только вдвоем.

– Слушай, а Глеба ты давно не видела? – аккуратно поинтересовалась Даша.

– Глеба? – удивилась Яна. – Ну ты вспомнила! А что?

Встретила его что ли?

– Просто недавно что-то вспомнились старые времена, думаю, что-то давно про него не слышала.

– Последний раз встречались, когда я исполнительный по алиментам к нему на работу заносила. А так сто лет не видела. И не стремлюсь.

Даша смотрела на свою лучшую подругу, которая выглядела, говорила и жестикулировала, практически как прежняя Яна, но теперь у неё были какие-то дети, свёкры и Вова.

– Кстати, а вот Вова...

– Что?

Даша прикидывала в мыслях, как бы выведать побольше информации о пропущенном десятилетии.

– Помнишь, Вову Пихтина, того, из универа...

– Вова... Вова... – напряженно начала вспоминать Яна. – А! Тот, с практики! Помню, и что?

«Значит, не он», – решила Даша.

– Ага.

– Так и что?

– Да нет, просто вспомнила, давненько его не видела.

– Как бы ты его видела, если он из страны уехал. А что ты про Вову, Глеба? Опять ностальгируешь?

– Да нет, сон плохой снился. Вова, Глеб, Игорь.

– Игорь?

– Ага. Снилось, что он напал на меня.

– Этот – да. Этот мог.

– Ну вот что-то я и думаю, давно я не видела многих.

– Вот любишь ты это – похандрить. Знаешь, странно то грустить о людях, с которыми ты дружила пару лет и уже двадцать лет не виделась. Мне кажется, у тебя достаточно друзей. Я, Ольчик, Ирка, Миша...

– Ольчик, Ирка, – словно пробуя на вкус имена будущих друзей, задумчиво произнесла Даша.

– Ну да. Или у тебя грусть по юности? Это всё новый год, переоценка, планы, итоги.

– Да нет... Не знаю... Прошлое вспоминается. Как вчера было.

– Прошлое вчера и было.

– Я серьезно.

– И я серьёзно. Я понимаю, что ты такой человек, ты му-солишь там в своей голове эти все переживания, носишь их с собой. Ну что тебе тот Игорь? Сколько лет прошло? Пятна-дцать? Двадцать? Чего ты ждёшь? Возврата долга и извинений? Что тебе тот Вова? Что тебе та Алёна? Плюнь и забудь!

– Алёна? – удивилась Даша, сиюсья припомнить хоть одну знакомую девушку с таким именем.

– А что, скажешь ты уже не переживаешь? Поганая она баба, а ты всё ждёшь, что она одумается и осознает свою неправоту. Сколько вы уже не общаетесь?

– Не знаю, – честно ответила Даша.

– Вот и я не знаю. Плюнь, отпусти, прости, прокляни – что хочешь, но не цепляйся так за прошлое. Смотри, – Яна

показала на улицу за окном, – праздники, снег идёт, красиво, ты вот почти банкет нам устроила, хорошо же всё! Прямо сейчас всё хорошо!

– Да, наверное, ты права.

– Я точно тебе говорю. Скажи мне, что тебя беспокоит, – я тебя поддержу, – сказала Яна, подтягивая к себе Дашин кофе. Этот жест был так дорог для Даши: он означал, что они всё ещё близки, как в ту пору, когда один стакан кофе на двоих был не выбором и привычкой, а символом студенческой бедности. Маленькое движение руки демонстрировало, что они всё ещё те же подружки юности, молодости.

– Честно?

– Честно.

– Я думаю развестись, – почти вопросительно произнесла Даша.

– Вот это ты удивила, – Яна подняла брови, – а говоришь, просто поболтать. Что случилось-то? Поцапались?

Подруга прекратила листать меню, чуть наклонилась вперед, насколько это позволял сделать стол, и приготовилась слушать.

– Нет. Просто, он мне какой-то... Чужой что ли... Понимаешь, Яна, я словно проснулась в один день и поняла, что мы друг другу не подходим. Наверное, Михаил... Миша хороший человек, и раньше у нас было много общего. Но сейчас я не хочу таких вот отношений. Бытовых, заурядных, с плоским юмором. Я не хочу такого мужчину... Не хочу, по-

нимаешь, – низким голосом доверительно произнесла Даша.

Яна кивнула, а Даша продолжила.

– У него плешь и живот, – всплеснула руками она, – брюхо, понимаешь!

Яна сочувственно посмотрела на Дашу.

– Понимаю. Думаешь, Вовка – огурец? Или мы с тобой знойные молодухи? Конечно, мы все изменились: оплыли, поседели. Время не щадит никого. Поговори с Мишей, походите по магазинам, подберите одежду, к косметологу запиши на пару укольчиков, к психологу сходите, не знаю, может, к сексологу, в бассейн с собой возьми. Пусть побреет голову: у него череп нормальной формы.

– Что у него?

– Череп нормальный. Пусть на диете посидит. Я думаю, он согласится. Миша умный мужик и любит тебя.

– Думаешь?

– А ты, думаешь, он из чувства долга тебя выхаживал полтора года?

– Выхаживал?.. – растерянно спросила Даша.

– Да если бы не он, – Яна на секунду прервалась и, понизив голос, продолжила, – если бы он связи не подключил, неизвестно, чем бы всё закончилось. А как он тебе бульончики варил, халаты наглаживал, в больнице ночевал! Сколько денег медсестрам по карманам совал, врачам конвертики да пакетики носил! А про реабилитацию я вообще молчу – ты хоть помнишь, чего ему это стоило?

Над столом повисла тишина – Дашу пронзила мысль об аварии или болезни, о которые она пережила. А Яна в это время продолжала.

– А когда ты решила дело своё начать, Миша тебя подержал, с работы ушёл и с детьми сидел, пока ты создавала работу мечты. Все накопления туда бухнули. Не каждый бы решился. Сколько он ещё должен для тебя сделать? А ты говоришь: «Плешь! Брюхо!» Дети у вас, в конце концов.

Даша виновата опустила голову и поджала губы.

– Да, ты права, наверное. Просто, помнишь, ты говорила, что если нет страсти, то и нет любви?

– Когда я такое говорила?

– Давно, мы ещё в институте учились. Мне просто это так запомнилось.

– Ну ты вспомнила! Нашла авторитетное мнение. А ещё в институте я считала, что покраситься в блондинку будет отличной идеей.

– А может быть, это было правильно? Может, мы просто со временем стали искать компромиссы и бояться перемен?

– А что плохого в компромиссах? – Яна откинулась назад и принялась стряхивать невидимые крошки с платья. – Да и вообще, в семнадцать нормально считать, что без страсти нет любви, что невозможно простить измену, что настоящая любовь одна и на всю жизнь. Наверное, в той системе отношений и с тем жизненным опытом считать иначе просто разрушительно. Ты же не требуешь одинакового подхо-

да к жизни от двадцатилетнего и восьмидесятилетнего, почему-то эта пропасть в жизненном опыте кажется тебе убедительной. А пропасть в двадцать лет – очевидно, нет.

– Странно. В прошлый раз я тебе доказывала это, а ты мне говорила, что если нет страсти, то надо уходить.

– Вот удивительно, я что-то там брякнула и думать забыла. А ты живёшь с этим.

– Ну да.

– Слушай, любовь – это не константа, счастье – тоже. Вся жизнь, как механический бык, вскочив на которого, ты лишь можешь или падать, или держаться, что есть сил.

– А если упала?

– Тогда вставать и вновь принимать участие в этом безумном родео. Даш, не обижайся на меня, хорошо? Сама знаешь, у нас тоже не всегда было все гладко.

– С Вовой?

– Ну, а с кем ещё. И с Вовой, да и с Глебом тем более. Слушай, я не говорю тебе, что ты должна чувствовать или делать, – просто, мне кажется, эти отношения достойны ещё одного шанса. Тем более, у вас всё так хорошо было. И тут – на тебе. К тому же, вы, вроде, собирались в круиз на годовщину, ты же так мечтала.

– В круиз?

– Ой, – Яна зажала рот руками, – ты не знала? Я думала, Мишка на Новый год тебе подарил билеты.

Даша не знала: знала она или нет, но подошедший офици-

ант избавил её от необходимости отвечать на вопрос. После того как Яна сделала заказ, решив не уступать по масштабу пиришества подруге, они продолжили разговор.

– Ян, давай пока оставим эту тему, поговорим о чём-нибудь другом, хорошо? – махнув рукой, произнесла Даша.

Весь разговор она словно ступала по минному полю, боясь попасть впросак. Поэтому она стала больше спрашивать и слушать и постепенно расслабилась и позволила разговору идти своим чередом. Яна с упоением делилась рабочими байками и свежими сплетнями об общих знакомых, а Даша слушала её с удовольствием и грустью от осознания, что пропустила десять лет их дружбы.

Они проговорили несколько часов, прежде чем расплатиться по счёту и выйти на улицу.

– Ты на такси?

– Почему? Я за рулём, – удивилась Яна.

– А, ну да.

– Подбросить?

– Нет. Я хочу немного пройтись. Слушай, у меня к тебе теоретический вопрос.

– Давай.

– Представь, что у тебя была бы возможность путешествовать во времени...

– Меня пока и путешествия в пространстве устраивают.

– Я серьёзно. Вот представь – ты можешь вернуться в любой момент жизни. Что-то исправить. Или просто прожить

заново. Ты бы воспользовалась бы такой возможностью?

– Да, – после некоторых раздумий ответила Яна.

– И что бы ты изменила?

– А я ничего не стала бы менять.

– И что бы ты тогда сделала?

– Не знаю, это слишком сложный выбор для теоретического вопроса. Но одно я знаю точно: если у меня появляется какая-то возможность, я стараюсь её использовать. И тебе советую. Всё, давай, мой мне уже трубки обрывает.

Яна обняла Дашу на прощание и, на ходу отвечая на телефонный звонок, направилась к машине. Даша в размышлениях не спеша пошла домой.

Глава 33

Прогуливаясь по вечерним суетным улицам и тихим проулкам, Даша разглядывала серые здания, подсвеченные в окнах гирляндами, озябшие полувековые деревья, укутанные снегом памятники. Спокойные, основательные, они видели всё – все версии событий. Даше даже подумалось, что они помнят обо всём, что произошло и что навсегда стёрто из истории. Только они, Даша и небо, снова приветствующее её снегом.

Она долго брела по городу, обдумывая вечерний разговор. Ноги словно сами привели её к дому – её настоящему дому, где она жила в свои тридцать два. Окна были плотно зашторены, но за ними угадывалась жизнь.

Даша опустилась на лавку рядом мужчиной, курившим и наблюдающим за купающимся в свежем снегу псом. Даша никогда не курила, но ей нравился запах табака зимой. Летом воздух тяжёлый, липкий. Он напитан плавящимся асфальтом, разбитыми фруктами, поднятой пылью, пролитым машинным маслом, случайно упавшим мороженым. Летний воздух, словно восточное блюдо, одновременно острый, сладкий, терпкий. Такой, после которого хочется пить. Зимой же разливается свежесть, вычищая, вымораживая, выбеливая воздух. И запах табака ощущается как тот самый секретный ингредиент, благодаря которому блюдо начинает

играть новыми красками.

Она шумно втянула воздух. Мужчина жестом предложил открытую пачку, на что Даша улыбнулась и покачала головой. Снежная крупа зачастила, превращаясь в рябь. Мужчина подозвал пса и ушёл.

После возвращения домой Даша решила принять ванну и обмозговать свалившееся на неё прошлое. Встретивший её в коридоре муж помог снять пальто, предложил чай и сообщил, что уложил детей спать. Хотелось сказать ему что-то доброе, как-то выразить благодарность за всё, о чём поведала Яна. Нужные слова не находились, и Даша просто подошла к нему и погладила по щеке. Он поймал её руку, прижал ладонь к губам и улыбнулся.

Даша взяла очень кстати приготовленный чай – она до костей продрогла во время прогулки – и отправилась в ванную.

Там Даша разделась и посмотрела на себя в зеркало. Она сохранилась не хуже, чем Яна, и выглядела довольно молодо. Но не покидало ощущение, что она ... ненастоящая. Тело носило следы жизни, которую она не прожила: как возник этот шрам, куда исчезла родинка, кто выбирал эту краску для волос?

А этот дом? Всё в нём чужое. Хуже того – оно чьё-то. Оно принадлежало той Даше, которой подарили кружку «Любимой мамочке», которая выбирала платья, висящие в шкафу, и обставляла квартиру.

Но более всего было осознавать, что она – мать детей,

которых не знает, и жена мужа, которого не любит. Очевидно, она очень любила свою семью, но сейчас в ней, не наполненной десятилетиями жизненного опыта, этой любви не было. Взгляд упал на детский шампунь, с яркими рыбками на флаконе. «Может быть, – подумала она, – я как маленькая аквариумная рыбка, которой нужно полтора литра воды, а не целое море. Может быть, я просто не создана для большего?» Даша тряхнула головой, убирая мешающую прядь волос и пытаюсь избавиться от потаённых страхов.

Даша выпила полкружки подостывшего чая и погрузилась в ванну с пеной. Последнее, что она хотела сделать перед уходом, – ещё немного заглянуть в прошедшее будущее.

Раз за разом она вводила в строку поиска запросы о политике, экономике, природных катаклизмах, о друзьях, знакомых и коллегах, о местах, в которых любила бывать, о работе, о моде, о светских сплетнях и принятых законах. Самое важное и страшное она оставила напоследок. Произошло что-то, едва не стоившее Даше жизни. Она во что бы то ни стало решила узнать, что же это за авария, болезнь или травма, когда и почему это случится. Даша настроилась на долгий поиск ответа, всё-таки история болезни – это не то, что можно легко найти в соцсетях. Однако выход нашёлся быстро: первый же запрос в поисковике перекинул её в личный кабинет сайта поликлиники, где хранились все медицинские записи, анализы, назначения. Так Даша выяснила, что пострадала во время конной прогулки. Это было настолько же жут-

ко, насколько нелепо и смешно. Ну что понесло её на ипподром? Она же всегда боялась лошадей. По крайней мере, теперь было документальное подтверждение того, что страх не был иррациональным.

От Яны пришло сообщение: «Вот, поностальгируй». К нему прилагалась фотография, с которой широко улыбались Яна, Глеб, Даша, Егор. Молодые, одетые по моде тех лет, они позировали на фоне знакомой университетской стены. Воспоминание кольнуло Дашу: именно в этом коридоре она ждала Михеева, а значит на стендах за их спинами куча снимков Онищенко. Даша попыталась увеличить изображение, но лиц было не разглядеть. Любопытство разобрало её, и, ожидая увидеть список регалий, наград и фотографий Онищенко, который тушит пожары, снимает котят с деревьев и спасает дельфинов, Даша набрала в строке поиска запрос.

Поиск выдал результаты – несколько ссылок: научные публикации, страница предприятия, соцсети и некролог. «Ушёл из жизни... Внезапно... Талантливый... Обнаружили на поздней стадии... Сделали всё, что смогли... Соболезнуют...»

– Вот чёрт! – воскликнула она.

Прочитав скорбную заметку о смерти несколько раз, поразмыслив, она принялась изучать информацию о болезни, скосившей угловатого пианиста, активиста, волонтера и зануду Онищенко.

– Вот чёрт! – ещё раз воскликнула она.

– Дашуня, всё в порядке? – постучал в дверь муж.

Она повернула голову в сторону двери, намереваясь крикнуть, что всё хорошо, но её внимание привлекли часы: экран начал мерцать и временами словно вовсе гаснул.

– Чёрт-чёрт! – на этот раз слова были обращены к часам.

Даша судорожно их схватила, пытаясь настроить и выбить из них хоть искру жизни. При каждом следующем появлении циферблата она пыталась выставить дату.

– Даша! Даша! – уже дёргал ручку двери супруг.

Сначала год – главное не промахнуться хотя бы годом – потом месяц. День она выставляла уже практически вслепую. Она погрузилась в ванную, оставив снаружи только ручку с часами.

«Только бы не разрядились, пожалуйста, только бы не разрядились», – думала она, нажимая что есть силы крохотную кнопочку.

Она почувствовала, что её словно накрыло волной.

– Даша, я захожу, – кричал муж, явно налегая плечом на дверь, – Даша, слышишь? Я захожу...

Его голос звучал тише, а потом и вовсе пропал.

Глава 34

Даша открыла глаза.

Мигал индикатор увлажнителя, кот пытался достать лаванду. За окном приветственно махали знакомые ветки деревьев, набранная на ночь кружка с водой была на своём месте, тубик с кремом ещё хранил следы от надавливания, приготовленная на завтра сумка стояла на стуле, через спинку которого были перекинuty отутюженные брюки.

Даша села. Она была снова в своей квартире. Ей снова было тридцать два.

Сердце бешено колотилось. Казалось, что мир снова качнется, развеется, как морок, и предстанет в новом обличье, но дата и время на телефоне, лежащем рядом, подтверждали, что она переместилась туда, куда и собиралась. Экран часов потух – Даша расстегнула ремешок и убрала их в сумку.

Кот потерял интерес к лаванде и взобрался на колени озирающей по сторонам хозяйке. Четверть часа Даша молча гладила кота и размышляла. В голове проносились образы: мама и папа за партией в шахматы, историчка с крючковатым носом, курящая на кухне Катя, Игорь с горящими глазами, обои не то в ромбик, не то в квадратик, Тамара в окружении котов, смешные дети и нелепый муж...

Ещё некоторое время Даша бродила по квартире, заглядывая в углы, ящики, словно опасаясь обнаружить там что-

то лишнее или наоборот – недостающие элементы реальности. Что-то, свидетельствующее о том, что она в прошлом, будущем, сне, альтернативной реальности. Но всё было на своих местах.

Чувство тревоги не покидало её, поэтому она долго проверяла соцсети, электронную почту, новости о президентах и рок-звездах, уточняла курс доллара и прогноз погоды. Всё оставалось, как и прежде. Мир становился всё более стабильным, твердым, реальным.

Смутно вспоминался день, предшествовавший покупке удивительных часов. Припомнив потоп и опоздание на работу, она перекрыла на кухне вентиль батареи и, подумав некоторое время, на всякий случай подстелила тряпку там, где утром должна была образоваться лужа. Даша проверила будильник на телефоне, для верности завела старые механические часы и установила время подъема на шесть утра. Памятуя о былой пропаже, она вынула кошелек из сумки, положила его на полку, а несколько купюр спрятала в разные карманы.

Когда девушка в следующий раз взглянула на телефон, то поняла, что совсем потеряла счёт времени: с возвращения прошло больше часа. Было глубоко за полночь, утро нового дня и новой жизни сулило, помимо неизвестности, тяжёлый подъем, поэтому Даша приняла решение сделать только самое необходимое и потом попытаться заснуть.

Наскоро приготовив завтрак, состоящий из варёных яиц,

яблока, горсти орехов и порядком залежавшихся хлебцев, она нашла старые спортивные штаны, кроссовки и ветровку. Задумавшись на минуту, она зашла в телефонный справочник и без колебаний удалила номер Игоря. Затем Даша написала Яне: «Я точно буду, но предлагаю пойти в другое место».

Завтрашнее утро начнётся с пробежки, здорового завтрака, потом будет целый новый день, который завершится прекрасным вечером с подругами.

Оставалось одно важное дело. Следующий час Даша изучала медицинские статьи, сайты больниц, форумы поддержки, после чего, потирая руки, записалась на приём к врачу, оплатив его сразу за двоих.

Даша сомневалась, что ей удастся уснуть этой ночью, но провалилась в сон, едва её голова коснулась подушки.

Глава 35

Не случилось потопа, опоздания, кражи кошелька и слёз под дождем у кофейни.

Она вовремя встала, проверила батарею, отправилась на пробежку, позавтракала, не спеша привела себя в порядок и отправилась на работу. По пути Даша разглядывала людей и размышляла о том, как могла бы сложиться их жизнь, если бы она решила остаться в прошлом и начать всё сначала. Видела ли она их там, в своем будущем? Том варианте будущего, что, наверное, с ней уже не случится, ведь это была жизнь той Даши, которая никогда не получала часов, не путешествовала во времени и не выбирала сознательно этот вариант себя? Или нет, или ей всё равно предназначен этот путь?

Странно и тоскливо вспоминался муж Михаил. В голове всплывали картинки с заботливо приготовленной кружкой чая, фотографиями в танцевальных костюмах, новогодней ёлкой в уютном домашнем гнездышке и двумя девочками, очень похожими на своего отца. Он, судя по всему, был прекрасным супругом, замечательным отцом, ответственным коллегой. Как сложится теперь его жизнь? Встретятся ли они? Несёт ли она ответственность за его счастье? Наверное, если Игорь остался Игорем, показывая своё нутро в любом варианте развития событий, Леру снова притянуло

к Егору, то и Михаил останется Михаилом: добрым, заботливым и счастливым. А может быть, и нет – кто знает, как устроено мироздание.

Автобус резко затормозил, и Даша, обнаружив, что она едва не проехала свою остановку, выскочила на улицу.

«Ну что же, настало время сделать ещё кое-что», – подумала она, глубоко вдохнула, выдохнула и твердым шагом отправилась к офисному зданию. На работе она прошла мимо своих подружек, мимо кофейного автомата, мимо своего кабинета. Важно было не утратить решимость: всё-таки ощущение того, что пишешь сразу в чистовик, сильно меняет восприятие жизни.

Она вошла в кабинет, где была нечастой гостьей. Онищенко поднял голову и вопросительно посмотрел на неё.

– Александр Юрьевич, – произнесла она, – простите, рабочий день ещё не начался. Но я по личному вопросу. Можно?

– Можно, – не удивившись согласился он, – присаживайтесь. Хотите кофе?

– Пожалуй, да. Спасибо.

Даша присела на край стула, предназначенного для посетителей. Онищенко поднялся к булькающей кофеварке и взял две чашке. «Странно, – подумала Даша, – он что, стал пользоваться другой туалетной водой? Запах другой... не такой резкий...» Пока он наливал кофе, Даша рассматривала его, узнавая плавные движения мальчишки-пианиста и от-

крытую улыбку волонтера из приюта для животных. Раньше он казался ей плоским, однотонным, существующим только в рамках одной системы – работы. Теперь же он словно ожил, как если бы персонаж, который всегда был предсказуемым и ненастоящим, вдруг сошёл со страниц книги.

– Так чем я могу вам помочь? – спросил он, пододвигая Даше чашку.

– То, что я сейчас скажу, прозвучит дико. Может, даже неправдоподобно. Поэтому я просто это скажу – и всё. Хорошо? – Даша выжидающе посмотрела на собеседника и после его одобрительного кивка продолжила: – Я была недавно в больнице, мне нужно пройти одно диагностическое обследование. А у них там акция «Приведи друга», цена для двоих выходит ниже, чем для одного. Я не знаю, в чем суть, наверное, клиентов так новых привлекают.

Онищенко с легкой улыбкой смотрел на Дашу. Она же, не глядя ему в глаза, продолжала беззастенчиво врать.

– Я дала ваши контактные данные, – Даша подняла руки, демонстрируя готовность сдаться, – я знаю, знаю, это некрасиво, но у меня не было времени подумать. Ну, знаете, как это обычно бывает. Если честно, я думала, это будет просто спам-звонок. А они говорят, мол, нужно прийти вдвоем, только тогда будет скидка. Мне очень нужно пройти обследование. Составьте компанию. Вам это ничего не будет стоить.

Ложь была непродуманной и шитой белыми нитками, та-

кой, в которую может поверить либо круглый дурак, либо тот, кто поверить очень хочет. Даша от волнения ёрзала на стуле. Саша поднял чашку и блюдце, вдохнул аромат кофе и сделал глоток. Казалось, он делает всё нарочито медленно, чтобы заставить Дашу нервничать ещё больше.

– Хорошо, – после недолгой паузы ответил он, – когда идём?

– В это воскресенье. Простите ещё раз, я просто не могу уже другого человека указать. Иначе, конечно, я бы не стала так навязываться. Вы не злитесь? – удивилась девушка.

– Нет. Вы меня приглашаете в больницу – не худшее времяпрепровождение. А я тогда вас приглашу на кофе после больницы. Идёт?

Даша чувствовала, как рот предательски расплывается в улыбке.

– Идёт, – после некоторого замешательства ответила она.

– Отлично. Правда, мне нужно заскочить в собачий приют – завезти кое-что... Но я, наверное, смогу перенести.

– Нет, не нужно. Я с удовольствием составлю вам компанию после больницы, – встрепенулась Даша, – знаете, я в студенчестве даже работала в одном из таких приютов.

– Да? Это прекрасно! – заметно обрадовался он. – А в каком?

– Его уже не существует, – отмахнулась Даша.

– А-а. Ну, значит, договорились?

– Ага, – кивнула Даша, – я вам точную информацию при-

шлю в сообщении.

Девушка попробовала сделать глоток, но кофе обжигал. Она поставила чашку на блюдце.

– Ну мне, наверное, пора.

– Да ладно, до начала рабочего дня ещё десять минут. И вы не выпили кофе. Кстати, можно на «ты»?

– Да, давайте... Давай.

– Так что за обследование-то? Я надеюсь, это не проктолог?

– В любом случае, ты уже согласился, – хихикнула Даша, – но нет. Это «Комплексное диагностическое обследование» в Центре хирургии и онкологии на Ленина.

Он посерьёзней, кивнул и задумался о чём-то. В неловком молчании Даша разглядывала кабинет, перебирая в голове варианты продолжения диалога. На краю стола она заметила знакомые документы.

– А что там с моим отчётом? – как бы невзначай спросила Даша. – Ты ещё не проверял?

– Нормально всё – я сам поправлю пару цифр, наверное, опечатка, – махнул он рукой, – кстати, у меня есть плюшка к кофе. Она всего одна, но довольно большая. Сейчас я разрежу. Будешь? Не отказывайся, пока не попробуешь.

Саша достал пакет со сдобой из Дашиной любимой пекарни.

Глава 36

За окном начинался новый день. В посветлевшем небе растворялись последние бриллиантовые крупы. Заспанные прохожие, пытаясь стряхнуть с себя остатки сновидений, брели на трамвайную остановку, дворник ритмично шаркал метлой, поливальная машина умывала дорогу.

В то время, когда будильник прежде предпринимал первую попытку разбудить её, сегодня Даша уже шнуровала кроссовки.

Пробегая мимо редких прохожих, цветущих деревьев и гаснущих фонарей, она заново узнавала окружающий мир и впервые по-настоящему слышала мир внутренний. Казалось, что прямо здесь: витает в воздухе, слышится в стучке несущихся трамваев, читается в вывесках какой-то правильный ответ, путь, вектор. Стоит только дотянуться рукой, прислушаться, присмотреться – и ответ будет найден. Он где-то рядом, но пока недосыгаем, убегает за горизонт, заставляя идти вперёд.

Вернувшись домой, она приняла душ, насладились вкусным завтраком и чтением давно отложенной книги. Вместо дежурных десяти страниц, она проглотила целую главу и на силу заставила себя остановиться. Формально мир остался таким же, как был, но казалось, что в него как будто добавили одновременно и громкости, и тишины, и света, и полу-

мрака, и тепла, и холода. Ощущений. Очень хотелось проверить, как теперь работает мироздание. И жадно хотелось жить.

Но сегодня её ждало одно очень важное дело – отдать часы их истинному владельцу. Ей так хотелось увидиться с ним и рассказать о том, что ей довелось пережить: о море и вальсе «Под небом Парижа», о родителях и дне рождения, о Михееве и научной работе, об Игоре и драке, о заботливом муже и похожих на него дочерях. Обо всём, чем больше ни с кем нельзя поделиться – тем более, что больше никак нельзя доказать.

Восстановив в памяти предыдущую версию событий, в нужное время Даша поспешила к месту их первой встречи. Её терзали сомнения, будет ли торговец на прежнем месте, поэтому она с облегчением выдохнула, увидев знакомый книжный развал.

– Здравствуйте, – широко улыбаясь, произнесла Даша.

В руках она держала часы.

Продавец поднялся со складного стула и сделал пару шагов к импровизированному прилавку.

– Здравствуйте, что-то присмотрели? – спросил старик, указывая на книги.

Даша оторопело смотрела на него. Казалось, что ещё несколько секунд, он рассмотрит её как следует и узнает. Но он не рассматривал, не узнавал, а безучастно пялился на книги, периодически переводя взгляд на Дашу.

– Вы... Вы меня не узнаете?

– Вы с почты? Я не узнал сразу...

– Нет, я не с почты, – обреченно сказала Даша.

«Неужели, – думала она, – всё примерещилось. Этого же не может быть. Нет, этого точно не может быть».

– Знаете, я недавно купила у вас часы, – начала она, особо нажимая на слово «часы», – я бы хотела вам их вернуть. Они мне больше не нужны. Ну, то есть там и так села батарейка, но и мне они больше не нужны.

– Часы? Я не торгую часами. Наверное, вы меня с кем-то путаете.

– Нет-нет... Ну как же... Я помню! Вы прямо тут стояли...

– Когда это было? Я тут редко торгую.

– Это было... Это было... Этого что, не было?... – оторопело произнесла она, пытаясь разобраться в последовательности и реальности произошедших событий.

Даша молчала. Старик выжидающе смотрел на неё – лицо его не выражало заинтересованности.

– Если хотите, я могу купить у вас часы. Может, перепродам, если хорошие. Покажите.

Даша молча положила часы на прилавок, решив довериться судьбе. Старик внимательно их осматривал, крутил в руках, прикладывал к уху, стучал ногтем по циферблату. В какой-то момент Даше начало казаться, что он попробует их на зуб.

– Так они ж не работают! – в сердцах воскликнул прода-

вещ.

– Там просто батарейка села, – глухо произнесла Даша, чувствуя себя ужасно глупо.

– Поверю вам на слово. Часы хорошие, если правда рабочее, то стоят дорого. Но я могу дать только семьсот рублей, у меня больше нет, – сказал он и, порывшись в карманах, протянул ей скрученные купюры, перетянутые знакомой тонкой зеленой резинкой.

Даше показалось, что старик ей кивнул в знак приветствия, узнавания, понимания, одобрения и прощания одновременно. Хотя до конца она никогда не была уверена в том, что он не просто потрянул головой. Даше так хотелось поделиться пережитым, обнять старика, спросить о природе волшебства. Но так же, как прежде, она была против воли втянута в разговор, игру, сказку, теперь торговец не впускал её дальше скупого разговора о продаже часов.

– Идёт, – просияла девушка в ответ, – спасибо за всё, до свидания.

Даша также едва заметно кивнула в ответ, развернулась и ушла, ни разу не обернувшись, как бы сильно ей этого не хотелось.

Он некоторое время смотрел ей вслед, затем не спеша налил в металлическую кружку чай из термоса, отхлебнул и устроился поудобнее на складном стуле. После чего достал из стоящего рядом чемодана инструменты, сменил батарейку, приложил часы к уху и положил их на прилавок.

Старик довольно огляделся, улыбнулся, взял раскрытую книгу, лежащую рядом, и погрузился в чтение.

Мимо шли люди, периодически разглядывая товар.

Эпилог

Пушистые хлопья снега падали на открытые ладони женщины, стоящей в темноте у окна. На последнем этаже, вдалеке от света улицы, она подносила к глазам снежинки, пытаясь разглядеть на них узоры.

Рядом на подоконнике стояла кружка. Чай давно остыл, и попадающие в кружку снежинки замирали на поверхности на несколько секунд и лишь потом таяли.

Женщина была взволнована. Она не замечала, что пальцы от холода почти не гнутся, губы посинели и комната наполнилась зимним воздухом.

– Ма-а-ам, – раздался детский голос из-за двери, – мы опоздаем, скоро фейерверк начнётся!

– Сейчас, – бросила через плечо женщина.

– Ну в самом деле, – приоткрыл дверь светловолосый мужчина, – мы опаздываем, надо выезжать, а то обещали пробки. Видела, какой снегопад... Ну и холодина тут у тебя!

– Я иду!

– Мы уже готовы, ребята звонили – тоже уже выехали.

– Всё, иду-иду, – женщина посмотрела на настенные часы и задумчиво спросила мужчину, – а знаешь, что будет дальше?

– Что? – в недоумении переспросил он.

– Не знаю, – развела руками женщина, – больше не знаю.

Она рассмеялась и закрыла окно.

Благодарности

Благодарности никто не читает. Ну, кроме тех, кто рассчитывает себя там увидеть. Чего уж, я и сама их наскоро пролистываю.

Нет, пару раз я пыталась осилить фамилии и регалии незнакомых мне людей. Это было в случаях моего максимального восторга от книги, в качестве комплимента от читателя.

Так вот.

Я хочу поблагодарить Марию Зайцеву за иллюстрации и конструктивную критику.

Хочу поблагодарить Елену Княгницкую: корректора, литературного редактора, большого энтузиаста, человека, любящего двоеточия не меньше, чем я – тире.

Также хочу поблагодарить за поддержку моих друзей и родственников.

И, конечно, спасибо тебе, читатель, дошедший до последней страницы.